

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1982

Этажи пятого океана

ДЕРЖАВН

«С

тарая Россия торговала зерном, ее пшеницы превращались в итальянские макароны, французские батоны, австрийские штрудели, страсбургские пироги, английские пудинги. А Советы хронически закупают хлеб, что свидетельствует о тупике, в котором оказалось их сельское хозяйство. Надо прекратить поставки Москве, чтобы поставить ее окончательно в безвыходное положение». Все это на разные лады повторяется уже не первый год на страницах сотен изданий, смакуется в комментариях западных передач по радио и телевидению.

На майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС в докладе товарища Леонида Ильича Брежнева о позиции империали-

стов в торговле с нами четко сказано: «...в последние годы, особенно из-за неурожая, мы были вынуждены покупать за рубежом зерно, мясо и ряд других продуктов. Сделано это было в интересах народа... Проект исходит из необходимости сократить импорт продовольствия из капиталистических стран. Интересы страны требуют, чтобы мы располагали достаточными собственными продовольственными и фуражными ресурсами, что гарантировало бы нас от всяких случайностей. Вместе с тем, как вы знаете, руководство некоторых государств стремится превратить обычные коммерческие операции, такие, например, как продажа зерна, в средство нажима на нашу страну, в орудие политического давления. С этим мы никогда не мирились и мириться не собираемся».

Продовольственная программа — ударный фронт комсомола

КОГДА ТЕХНИКА

В САМОМ РАЗГАРЕ СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ...

ЫЙ ЖЛЕБ

В своих заметках хочу откровенно поговорить о хлебе, о его месте в нашей жизни, в нашем дне сегодняшнем и дне грядущем. Что ж, старая Россия действительно экспортировала зерно. Никто этого не отрицал и не отрицает. Но факт сей нуждается в серьезных уточнениях. Из Одессы, Керчи, Новороссийска, Таганрога пароходы с зерном Россия отправляла отнюдь не всегда. Не всегда хлебные маршруты громыхали своими колесами и по «чугунке». Торговля зерном началась лишь с присоединением к Российской державе плодородных степей Дона, Кубани, Ставрополья, земель Причерноморья и Бессарабии, где земледелие носило сравнительно устойчивый характер и поля еще не были выпажаны.

В начале 80-х годов прошлого столе-

тия вывозилось за границу всего около 5 миллионов тонн зерна. Но это, мол, начало, дальше будет больше? Нет. В 1911 году, незадолго до первой мировой войны, экспорт не достиг и 14 миллионов тонн. Как видим, цифры не поражают. Далее. Хлеб Россия продавала не потому, что была богата им, а потому, что мало что другого могла предложить мировому рынку. И делалось это совсем не в интересах русского народа, а чтобы набить карманы как своих оптовиков, так и иноземных биржевых воротил. Как мухи на мед, спешили они в Оренбуржье, на Северный Кавказ, под Херсон, на далекий Алтай пробовать несравненные наши калачи, буханки, паленицы, баранки и бублики. Во хмелю заморского гостя хлебосольные хозяева кидали на громадный свежеепеченный

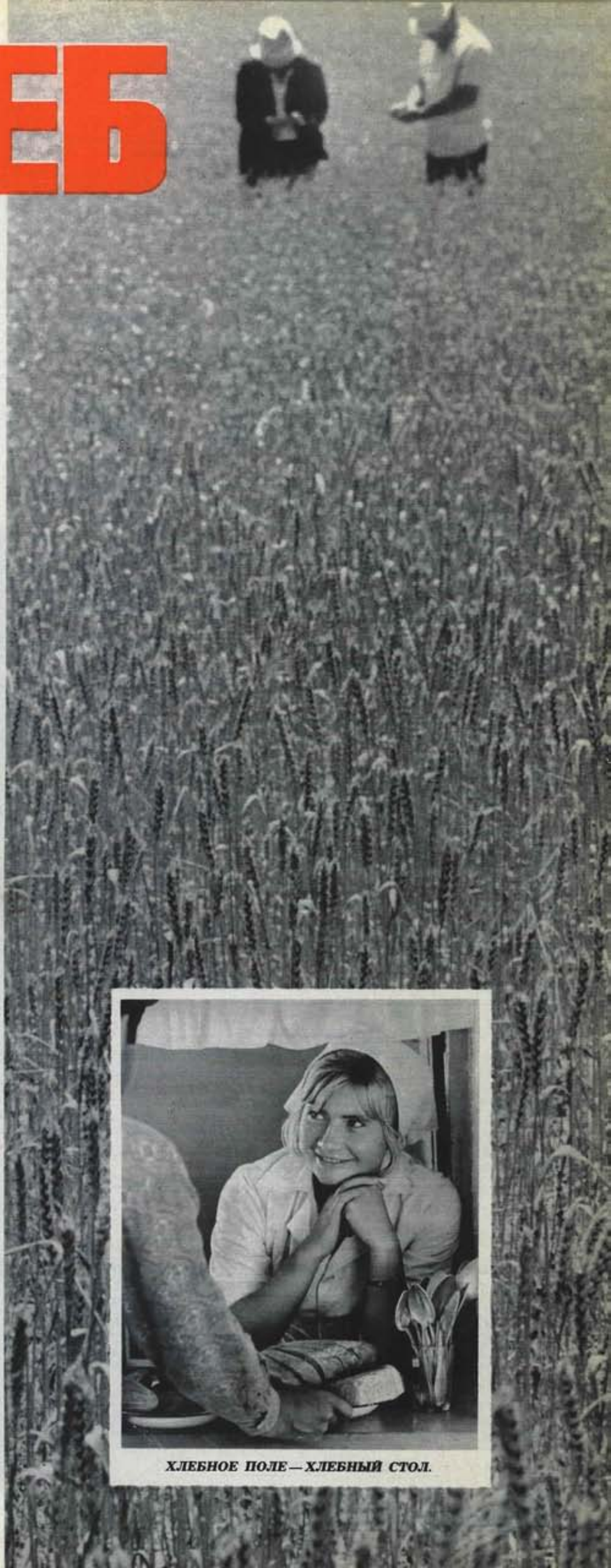
Анатолий ИВАЩЕНКО.
Фото Бориса ЗАДВИЛЯ

ПОСЛУШНА МАСТЕРАМ.

ХЛЕБНОЕ ПОЛЕ — ХЛЕБНЫЙ СТОЛ.

Наша обложка:
на счету
парашютистки
Ольги Медведевой
свыше
семисот прыжков.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

- 1** ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — УДАРНЫЙ ФРОНТ КОМСОМОЛА. «ДЕРЖАВНЫЙ ХЛЕБ». Фоторепортаж Анатолия ИВАЩЕНКО и Бориса ЗАДВИЛЯ.
- 4** ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ МОЛОДОСТИ — К ЗРЕЛОСТИ. Виктор ПОТАНИН.
- 12** «ПАРАШЮТНАЯ СЮИТА».
- 14** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 16** ОТЕЧЕСТВО. «ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АРХАНГЕЛЬСКОМ». Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА, Василия МИШИНА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 18** Конкурс одного стихотворения «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 19** Стихи Рыгора БОРОДУЛИНА.
- 22** ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ. «ОТ СЕРДЦА ПОДАРОК».
- 23** ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА КОНКУРСА «НАША РОДИНА».
- 24** Дмитрий МЕЩАНИНОВ. «ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА».
- 27** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ. Валентина ЛЕВОЧКО. «СЫГРАЮ!»
- 28** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Нозль КАЛЕФ. «ЛИФТ НА ЭШАФОТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда», «Смена», 1982 г.

каравай, и гость летел с него почти до потолка, словно подкинутый пружиной. Иностранцы не только заключали выгодные сделки — зерно брали по низким ценам сразу после жатвы, — но и увозили с собой отборные семена твердых пшениц, пивоваренных ячменей, белого ярого пшена. К сожалению, до сих пор только специалисты знают, что североамериканское и канадское хлебное дело совершенствовалось и расцвело на русских сортах, ибо велось в неизмеримо лучших, благоприятных условиях.

Об этих условиях мы сегодня если и говорим, то весьма скупо. По большей части предпочитаем употреблять выражения: «необъятные просторы», «гигантское пшеничное море, которым можно любоваться с Луны невооруженным глазом», «огромные колосья, такие тяжелые, что их будто отлили из чистого золота»... Есть, конечно, и море и чеканные колосья на неоглядном просторе. Все это так. Только вот земледельческое наследство досталось нам тяжелое.

Как ни парадоксально покажется, но задумайтесь. Всей страной мы живем в самом непосредственном соседстве с Северным полюсом. Да, да! Хотя Средняя Азия, Кавказ и Южная Украина удалены от него на тысячи и тысячи километров.

Но между основными нашими сельскохозяйственными зонами и ледовой Арктикой нет ни Гольфстрима, ни высоких гор. Морозы в Крыму не раз достигали 25 градусов, губили сады и виноградники, в Ташкенте ртутный столбик опускается даже до отметки в 30 градусов по Цельсию. Более трети нашей территории занято Арктикой и редколесными тундрами, чуть не половина никогда не оттаивает, три четверти страны охлаждаются до 40 градусов и ниже.

Не менее огорчительно и другое. У замороженного арктического воздуха очень низкий процент содержания влаги. «Стекая с макушки планеты» к югу, он по мере прогревания отбирает ее у полей. В результате сухие ветры, частые засухи.

Скрупулезное исследование летописей открыло ученым поразительную статистику: из-за ранних морозов, засух, чрезмерных осадков, нашествия саранчи за семь веков — с XI по XVII — Русь пережила 200 голодных лет. В первые двенадцать лет нынешнего века было семь голододов. Министерство земледелия в 1908 году признавало, что «угроза умереть голодной смертью является ежегодной возможной участью значительного числа земледельцев России». И разве вправе мы забывать, что российскому мужику редко в какой год хлеба хватало «от нового до нового»? Да, так было.

С победой Октября климат у нас, естественно, не «изменился». Морозы остались морозами, а засухи засухами. В 1921 году свирепый зной опалил практически всю молодую Россию, смертельная опасность нависла не только над деревнями или уездами — над целыми губерниями. Страшными были засухи 1933 и 1946 годов. Но последствия их уже разительно отличались от былых голододов. Причиной тому — аграрная политика партии. Еще ржавели станки на заводах, обрастали травой рельсы на пустых железных дорогах, а продрозверстку уже заменил продналог, железной стала государственная монополия на торговлю хлебом, он распределялся строго по нормам...

Так удалось не только спасти миллионы и миллионы жизней, но создать постепенные условия, при которых голодание исключили полностью. Теперь при любых погодных невзгодах мы знаем, что без хлеба не останемся. Это стало возможным благодаря коллективным формам ведения социалистического сельского хозяйства, его высокой энерговооруженности, внедрению в практику все более совершенных сортов, технологий возделывания урожая...

Вот несколько цифр. В 1965 году

сельское хозяйство имело 1 миллион 613 тысяч тракторов, а к концу десятой пятилетки — уже 2 миллиона 562 тысячи. Число зерновых комбайнов с 520 тысяч выросло до 722 тысяч, а грузовых автомобилей — с 945 тысяч до 1 миллиона 596 тысяч. Всего 15 лет — и такие сдвиги!

Среднегодовое производство зерна в десятой пятилетке достигло 205 миллионов тонн. Это большая цифра. И тем не менее на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС основой интенсивного наращивания производства продуктов питания, ключевой проблемой сельского хозяйства партия вновь назвала увеличение сборов зерна. Уже в нынешней пятилетке в среднем за год намечается получить его по 238—243 миллиона тонн, а в двенадцатой — 250—255 миллионов тонн. Чтобы выйти на столь высокие рубежи при сохранении стабильности посевных площадей, необходимо поднять за десятилетие урожайность зерновых культур на 6—7 центнеров и довести ее к 1990 году до 21—22 центнеров с каждого гектара. Такого рывка в урожайности история отечественного земледелия еще не знала. Обеспечить успех здесь может только невероятно большая и кропотливая работа. Особенно если учесть, что первые плоды реализации Продовольственной программы, как отмечалось на майском Пленуме ЦК, должна дать уже в нынешнем году.

Уже отшумела жаркая жатва в Средней Азии, по всей Украине, Среднему и Нижнему Поволжью, на Кубани, на Дону, в Ставрополье. В эти августовские дни фронт уборочных работ смещается на восток страны. В Приуралье, Северный Казахстан, в Сибирь, предгорья Алтая.

На жатву, в сельское и мелиоративное строительство и впрямь комсомол будет ежегодно направлять 30—31 тысячу юношей и девушек по общественному призыву и 250 тысяч человек в составе студенческих отрядов, в том числе в хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР — соответственно 25 тысяч и 120 тысяч человек.

Как река начинается с ручья, так и хлебный разлив немалым без малых делянок селекционера. Мы знаем, за сколько секунд спринтер преодолевает стометровку, каковы рекорды тяжелоатлетов. Рекорды и рекордсменов страны, Европы, мира. А кто вырастил самый большой урожай пшеницы, стеклы, яблочек?.. Парадокс, но такие результаты никто не фиксирует. Мы знаем тренеров и именитых спортсменов. И практически ничего не смыслим в селекции и в жизни селекционеров. А жаль.

Когда-то в разоренную войной украинскую Мироновку старший лейтенант Василий Ремесло пришел с сумочкой тщательно хранимых семян. Сегодня миронские пшеницы, созданные под руководством дважды Героя Социалистического Труда, действительного члена Академии наук СССР Василия Николаевича Ремесло, занимают многие миллионы гектаров и у нас в стране и за рубежом.

Многие из сортов В. Н. Ремесло ведут свою родословную от знаменитой «безостой-1», которую создал «пшеничный папаша», как его называют на Кубани, всемирно известный ученый Павел Пантелеймонович Лукьяненко. Когда его не стало, друзья и ученики изумлялись письмам и заметкам, лежавшим в рабочем столе.

«...идеал таков — максимум энергии формированию зерна в колосе, минимум — стеблю, ости. И если растение зимостойко, не боится ржавчины и других болезней, то это чудо-злак, чудо-пшеница... И такая пшеница будет. Я дам ее».

«...Двадцать четыре часа в сутки занят пшеницей. У меня нет других мыслей, кроме мысли о селекции. Даже во сне вижу делянку. Если бы это было возможно, то я бы и «Бежин луг» Тургенева засеял пшеницей... Чертовски болит сердце».

«Чтобы вывести новую пшеницу, се-

лекционеру нужны годы, а может, и десятилетия упорного труда, сотни тысяч, а то и миллионы проверок. Селекционер должен выполнить три условия: посвятить пшенице всю жизнь, работать на одном месте, жить долго».

Вечный поиск присущ не только селекции, но и самому земледелию. Оно и сегодня стоит перед вопросом: что надо сделать, чтобы нива не оказалась скудной, когда на нее обрушиваются в беснежные лютые морозы, когда тонкие, еще не окрепшие стебли терзает «черная буря» и листья скручиваются от суховея? Уж на что непредубежденный, решительный человек Владимир Первицкий. Первым в стране организовал безнарядное звено с аккордно-премиальной оплатой за конечные результаты, освоил то, что впоследствии получило наименование индустриальной технологии возделывания кукурузы с минимальными затратами. Сколько вечеров провели мы в рассуждении, не бросить ли пахать! Я не убедил. И так до тех пор, пока «черная буря» 1969 года не погубила в Новокубанском районе почти все посеы озимых и не сорвала за Армавиром почвенный слой до гальки. Та земля летела за тысячу верст и оседала даже в Италии.

Только после этого он уверовал во все аргументы и сдался, а теперь в опытном хозяйстве, где работает звено Первицкого, не пахут уже давно на тысячах гектаров. Классический отвальный плуг заменили орудиями для поверхностной обработки полей. Почва при этом не иссушается, семена сорняков и пшеничная падалица прорастают даже после малых дождей, и поле легко очистить механическим способом. Сеять можно без опоздания, в лучшие агросроки. Всходы появляются ровные, дружные, к зиме развиваются хорошо и не вымерзают. Весенние пересевы и подсевы — сегодняшней бич многих хозяйств — навсегда ушли в прошлое.

Уже с первых сезонов урожайность кукурузного зерна составила 45—50 процентов, что на 17—25 процентов выше, чем у соседей. В среднем за годы восьмой и девятой пятилеток звено получило по 50, а за годы десятой пятилетки по 62,7 центнера кукурузы с каждого гектара. Урожайность пшеницы поднялась с 39,9 до 46,7 центнера. На 9—15 центнеров больше, чем в среднем по району.

Бесплужное земледелие теперь завоевывает все больше приверженцев на Кубани и в Ставрополье, Ростовской области, Поволжье, на Украине. Так, в Полтавской области без пахоты растут не только озимую пшеницу, но и яровой ячмень, кукурузу, подсолнечник, гречиху... Даже свеклу! На площади свыше миллиона гектаров. Этим летом Полтавщина сняла урожай, какого еще никогда здесь не видели.

Сорт, обработка почвы, сроки сева... Это не все. Есть еще непростой вопрос: как посеять, густо или редко, чтобы вырастить предельно высокий урожай зерна в конкретных климатических условиях? Совсем юный агроном Мехлис Сулейменов занимался этой проблемой, начитавшись моих статей в «Комсомольской правде», во Всесоюзном научно-исследовательском институте зернового хозяйства, который возглавляет известный целник академик ВАСХНИЛ А. И. Бараев. Опыты с нормами высева Мехлис ставил 13 лет подряд, чтобы изучить мировую практику, изучил шесть иностранных языков. Защитил кандидатскую, написал докторскую диссертацию, заведует отделом земледелия института.

В республиканской газете «Казахстанская правда» 7 апреля 1976 года была опубликована статья А. Бараева и М. Сулейменова «Нормы высева яровой пшеницы», там говорилось: «Надо убедить хлебороба в том, что 100 семян на квадратный метр дадут такой же урожай, как 300, и еще больше, чем 400 семян. Переход к пониженным нормам высева в засушливых областях Казахстана необходим».

— В первые годы после освоения целинных земель,— говорит Мехлис Сулейменов,— яровой пшеницы на гектар высеивали по 3,5—4,5 миллиона всхожих зерен. Многие считали, что этого мало, надо высевать по 5 или даже по 6 миллионов, как это сплошь и рядом практикуется в европейской части. Однако многолетние опыты у нас в институте, в целиноградском сельскохозяйственном, на опытных станциях показали, что это застарелая ошибка нашего земледелия. Яровая пшеница обладает свойством пластичности — способностью создавать примерно одинаковый урожай при разных нормах высева. Оптимум достигается, когда на квадратный метр приходится 200—250 семян. В острозасушливые годы более густой посев ведет к резкому снижению урожая.

Экономия только 50 килограммов семян на гектаре в масштабах Северного Казахстана составила бы 600 тысяч тонн отборного зерна, которое долгое время выбрасывается не только в плуг, а и во вред делу.

Сулейменов прав. И то, о чем он говорит, в полной мере относится не только к яровой пшенице, но и к озимой, не только к Северному Казахстану, а к любой без исключения зоне.

Вот и получается, с какой стороны ни подойди к проблеме хлеба,—вопросы, вопросы... И чем больше углубляешься в нее, их становится больше и больше. Канадцы, к примеру, жалуются на тот факт, что в их стране должно было вырасти новое поколение, пока бросили пахать землю. А нам сейчас надо даже пересматривать саму по себе структуру зернового вала. Дело в том, что на стол народа нужно лишь примерно 30—35 миллионов тонн хлеба в год. Остальной урожай идет на фуражные цели или в переработку на другую продукцию. При этом процентное содержание зерна в комбикормах у нас непомерно велико, намного больше, чем в других странах. Комбикормовая промышленность заслуживает здесь серьезного упрека.

Селекция долгие годы у нас ориентировалась главным образом на создание продовольственных сортов пшеницы и ржи и не занималась кормовыми вариантами этих же культур, что тоже противоречит мировой практике. Диспропорцию придется безотлагательно исправить. Серьезную озабоченность вызывает и тот факт, что в структуре посевов зерновых и зернобобовых культур слишком малые площади отводились сое и гороху, которые богаты белком и являются прекрасными предшественниками для хлебов.

И наконец, потери. Все мы знаем, что когда-то человек сметал со стола в ладонь самую малую кроху, чтобы отдать курице или съесть самому. Так было. Помним по многочисленным снимкам блокадный кирпичик пайкового хлеба ленинградцев, знаем о подвиге шоферов «Дороги жизни», которые отдавали жизни, чтобы доставить мешки с мукой в осажденный город. Да, есть хлеб тогда означало жить. И легче понималось, что хлеб — это богатство.

Эту фразу на разные лады мы повторяем и сегодня. Повторяем... Но под словом «богатство» подразумеваем «богато, много». И соответственно относимся. А надо бы под богатством иметь в виду драгоценность. И относиться к хлебу, как относятся к золоту или алмазам. Зададимся вопросом: сколько зерна и в эту жатву будет потеряно только на трассе «поле — ток»?

Но это не все потери. Даже далеко не все. А еще потери при перевозках, переработке, хранении. А сколько его уходит со стола в мусорные ведра?!

Можно ли достигнуть полного успеха в борьбе с потерями? Вполне. Но для этого надо понять, что хлеб — это не то, что стоит копейки в булочной, а начало всех начал. И стола в доме, и самого дома, и всего, что вокруг нас.

Беседа с Виктором ПОТАНИНЫМ

Звонкая зима царит в Утятском. Село лежит между рекой Тобол и бором. Деревню и сосновую рощу основали здесь, неподалеку от города Кургана, «ворот Сибири», 300 лет назад стрельцы «поста российского». За бором — степь, а к противоположному берегу реки подступают просторы лесов.

Все это родина писателя Виктора Федоровича Потанина. Мы стоим с ним на ветхом мосту над замерзшей рекой. Скрипучие доски ненадежны, он по-медвежьи, фигуре под стать, ухватился за перильца. Шурит по привычке острые темные глаза — неожиданные на светлом лице под копной когда-то ярко-рыжих, а теперь словно выгоревших от седины волос. В тон им — шапка тарбаганьего меха. Ушанку подарили Виктору Федоровичу в Монголии, в краю, памятном ему непугаными рыбами в реках. Потанин любит рыбалку, сколько шук взято им в глубине под нашими ногами... На одной из отмелей однажды мальчишкой нашел он старинную шпагу... И еще случилось тут «то святое, далекое...».

«Была весна, и цвела черемуха. И наш Тобол отяжелел от вешней воды и не входил в берега. Только ночью вода засыпала и успокаивалась. И потом выходила луна, — и река начинала походить на большое длинное зеркало. Я сидел на краю того зеркала. Тихо, слепое безмолвие. Только звезды ходят и перемигиваются, да под ногами скрипит холодный песок... Полночь скоро. Дурманно, сыро пахла черемуха. Холмы вместо рощи показались на том берегу. Они шевелились и двигались, как будто их подвигал человек. И вдруг над холмами вырос огненный столбик... У меня сразу сбилось дыхание, и я онемел. А столбик поднимался на глазах и покачивался. И вот уж не столбик, а точно длинная свечечка. Она растет опять и вытягивается и скоро достанет до ближайшей звезды. Я смотрел туда и не верил. То ли сон, то ли правда, то ли сам я на небе, а не на земле...»

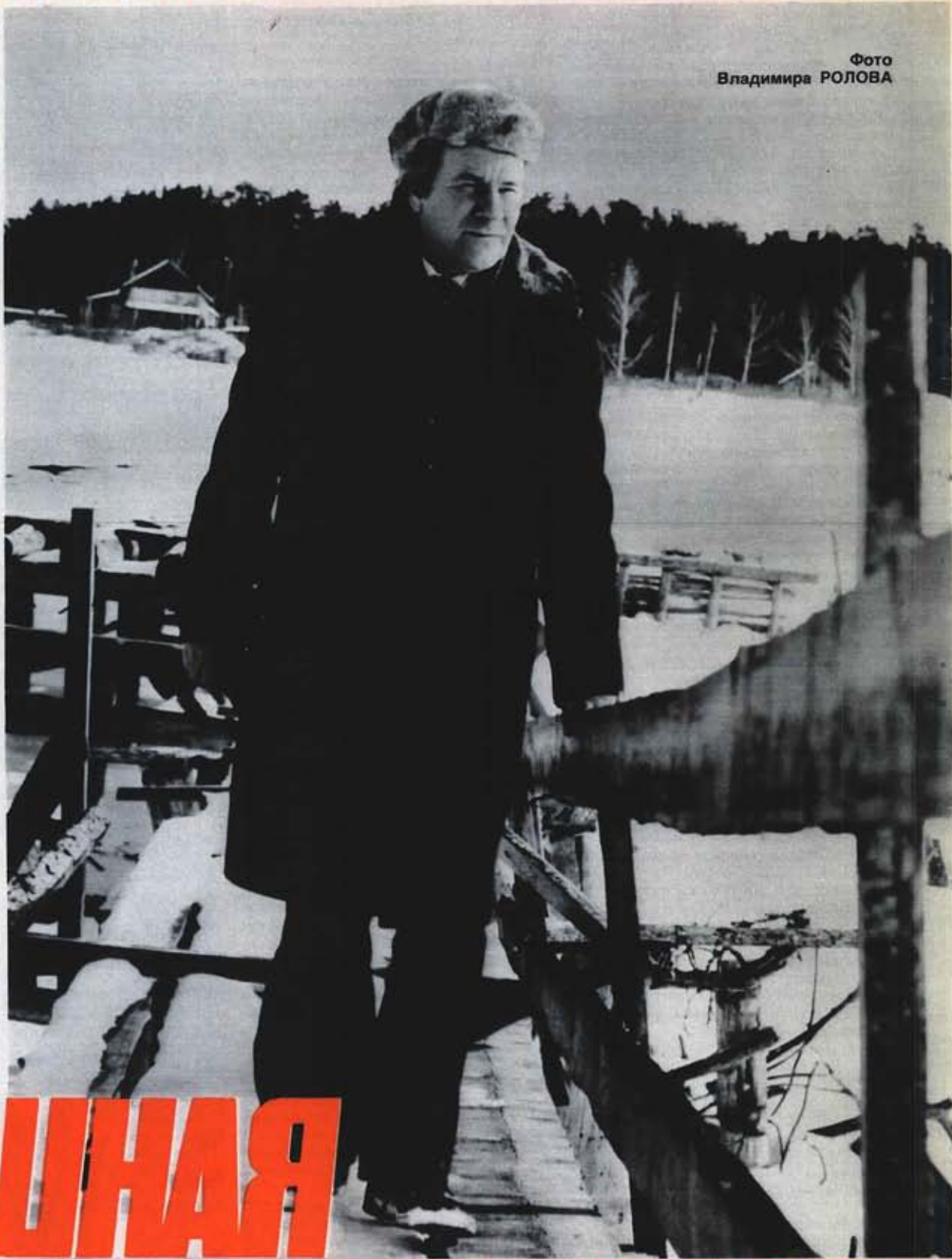
«Шли дни, а я не мог забыть ту белую свечечку, — вспоминает Виктор Федорович. — И тогда я решил записать на бумаге — и про реку, и про огненный столбик, и про лунный свет над водой. Да и предлог скоро представился. Почти на каждом уроке литературы мы писали забавные сочинения. И темы были свои, деревенские: о нашем колхозе, о школе, о походах в весенний лес...»

И вот я написал, а учительница взяла на проверку. Через день вернула тетрадку и при всех похвалила. Я был самый, наверно, счастливый, потому что учительницей была моя мать».

Когда начинался писатель Потанин? Наверное, и тогда, на теплой печке, пятилетним, когда мать убаюкивала чтением «Мцыри». Но сон не шел, и мальчик просил читать еще и еще.

— Тогда, — рассказывает Виктор Федорович, — у меня составилось впечатление от слов на всю

Фото
Владимира РОЛОВА

НЕСПЕШИНАЯ

БЕСЕДА СЛОВ

жизнь, дохнуло, как из розария, из заветной страны. Я понял, что слово может хранить от всех бед.

В чудесном мире он жил, побеждал обгрызанной ручкой угнетателей негров в сочинении по географии «Два часа в городе Лондоне». Именем слов он добивался справедливости в своих первых рассказах на оберточной бумаге, в те военные, его школьные годы — о соседе дяде Паше Волкове. До середины все в них складывалось вразумно: и как на лошади с ним ездили и как по грибы ходили. Конец только приходилось придумывать: дядя Паша клад нашел, корову ему в колхозе дали... Жалел, всюду брал с собой дядя Паша сынишку соседа, учителя, погибшего в первых боях на границе. Вите же было ясно: великодушный его друг достоин жизни в достатке.

От реки мы идем по заметным сугробам улочкам Утятки к скотным дворам колхоза. Там гулит соломой розвальни школьный одноклассник Потанина Юрий Родионов, книгочей, собиратель старинной утвари. Застоявшийся темно-гнедой Воронко переступает копытами. Потанин гладит его пушистый бок, обсуждает с односельчанином вкус местной колодезной воды. Облака пара изо рта коня, солнечные блики на лицах собеседников. Не обойдешь реку, как и воду в деревенском бытве, в мужском разговоре.

Вот и Потанин занял у себя на усадьбе прошлым

летом колодец, в плотничьем деле он понимает. Открыв калитку, он пошел в снегу по колено к золотистому срубу. Грохотал цепью бадьи, веселил заявившегося соседского пса.

В потемневшем от времени доме из двух комнаток, сеней и новой терраски со скворечником Потанин и его мама, жена и дочка живут в теплую пору. Писать любит он в баньке, глядящей оконцем на двор. Там удобно скрываться от пустословных посетителей. Несуетливые старожилы, преданий хранители, оживающие в произведениях писателя, почти все в земле. Вот когда бабушка Потанина жива была, он не разлучался с «языком», которым «до гробовой доски можно пользоваться». К ней на лавочку подле дома собирались товарки. Потанин затаивался в комнате за приоткрытым окном, до словно записывал их тягучую, ладную речь.

Потанин счастлив, что слов согласность заворачивала и властно притягивала его к бумаге с

отрочества. Удачей было и то, что юношу из сибирской деревни заметили и поддержали профессионалы.

— В начале пути мне удивительно повезло на доброту, сердечность, дружеское участие, — вспоминает Виктор Федорович. — Иначе не написал бы своих книг.

Сейчас в издательстве «Молодая гвардия» готовится пятнадцатый сборник повестей и рассказов — избранное писателя. Но и сегодня нет у него твердой уверенности в том, что он сделал все, чтобы носить это звание. Каково-то ему было, когда в 19 лет его, автора нескольких рассказов в областных газетах и одного в журнале «Урал», пригласили на семинар молодых писателей в подмосковный Дом творчества Малеевка! Сюда приехали В. Астафьев, Ю. Казаков с первыми книгами.

Очарованный, смятенный, бродил он по аллеям дома среди деревьев и беседок. Раз осмелился

подойти к Гавриилу Троепольскому. Писатель отзвучиво разговаривался. Одно из его суждений надолго запахло в сердце начинающего:

— Настоящая литература — на двух бычках: или юмор, или слезы...

Несокрушимая уверенность будущего создателя «Белого Бима Черное Ухо».

Потанин взял то утверждение себе как бы за правило.

— А этого, наверное, недостаточно, — говорит сейчас он. — Я думаю, сантимент, случается, излишен в моих вещах. Недавно я закончил новую повесть «Провинциальный человек». Она, мне кажется, лучше моих других, ближе к литературе по важности задач. Но опять-таки не без того, заповедного греха...

В Малеевке Потанина рекомендовали в Литературный институт имени А. М. Горького.

Было взлет. Он приехал в Москву, в аудитории легендарного особняка на Тверском бульваре, работал дома в областной молодежке, в свет выходили его первые книги. Дорого бы дал любой начинающий писатель, коль как Потанин мог прочесть в выбранном наудачу своем экзаменационном билете: «Герои советской литературы в произведениях В. Белова, В. Распутина... В. Потанина...»

Что нужно, чтобы писатель состоялся? Наверное, во-первых, мужество. Об этом точно сказал рекомендовавший Потанина в Союз писателей СССР Юрий Казаков в своем «Северном дневнике»: «Писатель должен быть мужествен... потому что жизнь его тяжела. Когда он один на один с чистым листом бумаги, против него решительно все. Против него миллионы написанных ранее книг — просто страшно подумать! — и мысли о том, зачем же еще писать, когда про все это уже было. Против него головная боль и неуверенность в себе в разные дни, и разные люди, которые в эту минуту звонят к нему или приходят, и всякие заботы, хлопоты, дела, как будто важные, хотя нет для него в этот час дела важнее того, которое ему предстоит. Против него солнце, когда тянет выйти из дому, вообще поехать куда-нибудь, что-то такое повидать, испытать какое-то счастье. И дождь против него, когда на душе тяжело, пасмурно и не хочется работать».

Да, мужество. И еще, наверное, драгоценна человеческая широта писателя. Чем ее измерить?

После шумного застолья в одном из курганских писательских домов, где было много откровений, гости столпились в прихожей, надевая пальто. Ответственный партийный работник, старый друг Потанина, с которым они давно не встречались, захотел, видно, сказать ему на прощание что-то торжественное. Но парадность тона не давалась, дрогнул голос.

— Сердце у Вити, — он развел руки, потеснил

стоявших людей, обвел глазами комнаты квартиры, — нет, сердцу Вити здесь не поместиться...

Чем измеряет свою жизнь, творческую судьбу сам Потанин? Обычно для писателей точки отсчета — их книги, как этапы литературного пути. У Потанина вежи другие. Это встречи с единомышленниками, вернее, вызванные ими потрясения, переживания.

После Малеевки навсегда в его памяти кемеровский семинар молодых писателей. В сумерках они бродили с С. П. Антоновым по-над разлившейся Томью. Старый мастер и весеннее половодье. Сергей Петрович испытывал как бы пору возвращения молодости, надежд; говорил будто бы для себя, но слова запечатлелись «прелестным, рыжим» Потаниным... Не нужно стараться просто напечататься. Нельзя стремиться стать модным. Ближайшие двести лет славу рассудят...

В начале восьмидесятых годов вместе с прозаиком Виктором Лихоносовым Потанин странствовал по Михайловскому, Святым Горам, Тригорскому. Нерв этого путешествия пронзает Лихоносовскую «Элегию», самую дорогую вещь для ее автора. Безмолвным романсом звучит она в уголке души Виктора Федоровича.

Они, русские литераторы, встречали солнечный восход на могиле Александра Пушкина. И были самозабвение, и стихи, и раздумья.

— Лихоносов, — говорит Потанин, — по натуре очень поэтичен. Он притягателен жестом, мгновенным юмором. Это человек, у которого нет хитрости.

И неизгладима для писателя встреча с В. М. Шукшиным незадолго до его смерти. Они разговорились ночью в московском многолюдном гостиничном номере Василия Белова, уединившись от общей беседы. Им мешали. Подгулявший почитатель пал перед Шукшиным на колени:

— Вася, ты гений! Шукшин скрипел зубами, будто проволоку перекусывал.

— Учись, как не надо жить, Потанин...

Продолжал, помолчал:

— Почему редко печатаешься? Я стараюсь больше печататься, писать много. Писатель должен часто выходить на люди, как актер. Это лучшая школа... Трудно писать рассказы: и в них надо отстаивать свои родные слова, хранить язык...

— Я думаю, слава Шукшина прошла сквозь него, он не понял ее, — говорит Потанин. — Василий Макарович обладал меня. Предлагал в дом к своей матери направить — поработать на воле. Я понял, что Шукшин страшно добрый человек.

А прошлой осенью повезло Потанину на поездку в Петрозаводск, на Север с группой писателей. С. Залыгин, В. Астафьев, Д. Валахов, В. Распутин, В. Белов... Они выступали в колхозах, встречались с заводской молодежью. О былях и небылях края им ведал местный уроженец Личутин. Ночи напролет слушал Потанин рассказы Залыгина об Александре Твардовском.

Удивительно: все, что ощущал и видел там Потанин, казалось ему уже знакомым. Жили эти чувства то ли благодаря Юрию Казакову, воспевшему в «Северном дневнике» эту землю? То ли оттого, что отсюда когда-то пришли в Зауралье потанинские предки и его мать родом из села Каргополье под Шадринском — тезки северного Каргополя?..

— Впечатлений осталось много, — рассказывает Виктор Федорович, — а поразило, как народ читающий любит Валентина Распутина. Будто к духовнику в старину, люди шли к нему, словно на исповедь, несли свои самые сокровенные вопросы. Поистине, не тот писатель, что издает массу книг, а тот, что относится к себе, к своим поступкам со священным трепетом.

О В. Распутине когда-то расспрашивали Потанина французские читатели в Тулузском университете. Да по-иному: те больше интересовались покоем его костюма, любимыми блюдами...

Знаменитые собратья по перу. Среди наставников Потанин называет Юрия Бондарева. На особенном месте — Виктор Астафьев.

— Я не знаю человека добрее и умнее Виктора Петровича, — говорит писатель. — Причем проявление его ума не во фразах, а в постоянном отзывчивом состоянии души, которая добрая трижды. Израненный, всю войну он прошел рядовым. И поэтому и по многому другому астафьевский гуманизм так огромен, космичен.

Родство духовное. Вот что написал Астафьев о повести Потанина «Пристань»: «Я рад и счастлив, что могу тебе написать одобряющее письмо, ибо мне было бы тяжело, если б твоя повесть не понравилась и пришлось бы писать горькую правду, стараясь при этом не убить тебя, потому как знаю, что ты человек ранимый и довольно одинокий в своей рабочей грусти и сердечной печали...»

Хорошая повесть! Чистая и горькая, как и вся жизнь наших несчастных и добрых людей, особенно женщин. Всю ты свою тихую душу, всю свою сосредоточенно-умную печаль вложил в эту вещь. Спасибо тебе, особенно за язык — так он меня

порадовал своей земной первозданностью, своей обыденной красотой и благозвучностью...»

«Пристань» дружно признана критиками, пожалуй, самым сильным произведением писателя. Он же много ждал от оценки повести «На чужой стороне». Интересного психологического рисунка ее герой. Это крестьянский сын Вениа Китасов, живущий случайными заработками в городе. Неудавшийся художник, по выходным он приезжает в свой огромный, величественный дом, где давно царит мерзость запустения. В одиночестве он пьет водку, мечтает о циркачке из «шапито», пишет свои странные картины: с синими человеческими лицами, с двойными солнцем, луной на небесах. Главное же — в его отчуждении к укладу деревенской жизни. Он мстит ему, сжигая будто на века возведенный родительский дом.

Тип, мироощущение героя своеобразны и, наверное, острый повод для размышлений о судьбах деревни.

Виктор Федорович рассказывает:

— Вениа — элемент деклассированный, каким стал крестьянин, потерявший свое нутро; как Антей, оторвавшийся от земли. Не получилось из него ни художника, ни человека, ни даже созерцателя жизни. Хотя он способен любить, по-своему любит родные стены. Качни его в сторону дома, и Китасов снова мог бы стать самим собой. Но тогда я не видел реальной силы в деревне, которая могла бы это сделать.

Сегодня другое, — продолжает писатель, — на селе появляются люди, подвижники, причем из той же самой молодежи, из вчерашних комсомольцев. Словно организм русской земли, хлебного поля выдвинул, призвал воодушевленных хозяев. Сейчас бы я по-другому закончил повесть. Дописал бы сцену пожара Вениного дома. Он не убежал бы, потушил пламя, остался с просветленными глазами на пепелище. Он понял бы весь ужас сделанного.

Самоотверженные люди, о которых сказал Виктор Федорович, его единомышленники — такие же ему задушевные товарищи, как и скотник Юрий Родионов. Например, тридцатилетний председатель местного колхоза «Россия» Виктор Архипов и его жена Людмила, главный экономист хозяйства. С тремя детьми они живут на оснащенной и возделанной по последнему «агрослову» усадьбе в капитальном доме, построенном своими руками, комфортабельном на диво. Все здесь на диво лентяям. Председатель, несмотря на большое сердце, спит мало, берется за вилы, заводит трактор, если необходимо.

— Архипов — интеллигент в высшем смысле этого слова, — говорит писатель. — Человек для других горит и сгорает. Он верит в небо, что и личным примером можно изменить жизнь окружающих тебя людей.

Потанин волнуется, пряди волос рассыпались по лбу, в распахнутых глазах точки зрачков пронзительны:

— Такая же личность — врач Николай Тихомиров из санатория для нервных детей около нашего села. Откуда эти сельские интеллигенты, патриоты? На первый взгляд их романтизм должен противоречить деловым качествам. Но это не так. Просто, помимо доброты, знаний, в них заложена мечта, крестьянски природная. Вот дед Тихомирова с детства внушал ему по-язычески, что душа есть и у воды и у рыб. И беспредельна она в человеке. И юноша решил посвятить себя медицине. Кто лучше врача может действительно помогать людям, тем же больным детям!

Потанин говорил, как декламировал:

— Целительна интеллигентность такой пробы. Позавидует тем, у кого она в истоках. Но ведь идея может убывать. Потому что любая вещь, по необъясненному закону философии, со временем убывает. Да и как может быть иначе! Все взаимосвязано. Вот выкачивают озера, засоряют реки, вырубается леса. Мать-природа вырезается под корень! Но воюя с матерью, мы воюем со своей совестью. В итоге интеллигентности может быть меньше и меньше. Детям нужно внушать, пусть условно, о душе каждой травинки и птицы, которую нельзя убивать. Спасая идею нравственности, спасем ребенка. И тогда для него, взрослого, не будет разницы между общественным и личным. Так как общественное — это природа, все, что есть на Земле... Я мечтаю, чтобы от людей шло сияние доброты. Общась с лучшими из них, подобными Архипову, Тихомирову, я как бы протираю свой механизм мягкой, войлочной тряпочкой.

Из дневника Виктора Потанина:

«Все, что в детстве сердечно, навьюно, просто, то в старости развивается в доброту. А то, что в детстве рационально, пыталось, то в старости — зло, надежда, злопахательство...»

«Когда я смотрю на лицо, я вижу всегда его части: глаза, лоб, подбородок, потом в портрете я отсекаю все лишнее, у меня остается какая-то деформация, моя милая, дорогая деформация...»

В нашей рубрике мы уже представляли Рустема Кутуя («Смена» № 16 за прошлый год) и Виктора Лихоносова (№ 5, 1982 г.). На этот раз мы знакомим вас с творчеством постоянного автора нашего журнала курганского прозаика, лауреата премии Ленинского комсомола Виктора Потанина.

Многие проблемы волнуют писателя. Он пишет о жизни села и города, его произведения возвращают нас во времена военных испытаний и рассказывают о сегодняшнем дне. Герои его повестей и рассказов — люди сильные, духовно закаленные. Их объединяет чувство высокой гражданской ответственности за свои дела и поступки, чувство любви к родным местам, без которой не может быть любви ко всей нашей необъятной Отчизне.

НА ОБРЫВЕ

Март — месяц света, и этот свет и на душе и на небе. Он даже вечером не проходит, не тает, и ты стоишь в поздний час у окна, а за стеклом что-то тягучее, светлое, голубоватое не то туман, не то тени каких-то небесных деревьев. И ты глядишь на это, вздыхаешь, а в горле больно, больно, как будто перед слезами...

Так и было: я носил в себе тяжесть. А может, это не тяжесть — просто мне захотелось сделать поступок. И я его сделал, решил, а теперь болят нервы, терзались. Три дня назад я поехал в облоно и попросил себе назначение. И на меня сразу написали приказ, похвалили: так я стал директором Заборской школы. Эта Заборка — моя родная деревня. От нее до города семьдесят пять километров. Ну и пусть: переберемся без города! Но жена моя рассудила иначе. Я пытался с ней говорить, я пытался доказывать, но она откидывала голову и смеялась. И этот смех — надо мной. Надо мной — дураком, и мне было страшно. Вот и сегодня все повторилось, как в старом фильме: я стал хвалить эту деревню, расписывать, а жена схватила себя за виски и зашаталась от хохота. А глаза были большие, тяжелые. И все это влилось в меня по невидимым проводам...

С таким настроением я и вышел в тот вечер. Хотелось отдохнуть немного, забыться, и я шагнул вперед, без разбора, а весна была уже где-то рядом, близко-близко, на расстоянии дыхания. От снега пахло спелым арбузом, и этот арбуз кто-то ломал все время, разбрасывая, и я стал пьянеть, закрывать глаза.

Так незаметно я дошел до реки. Даже не понял, когда дошел. Но только ступил на обрыв — чуть не вскрикнул: да где же я?! Что со мной?! Впереди мерцал и искрился снег, а над снегом скользили плавные тени — то шили тени от облаков. Я взглянул в небо и вздрогнул: луна висела какая-то тихая, огненно-рыжая, как лиса. Но так было недолго. На мою лису надвинулось облако, и она сразу спряталась и ушла — и в тот же миг на реке потемнело. Над головой у меня зашумели деревья. То шумели, качались высокие тополя. Они росли, поднимались прямо на взгорье, а рядом с ними стояла музыкальная школа. Она была сделана из красного старинного кирпича и вблизи походила на маленький замок. В этом замке обитал когда-то купец Веретенников, зато теперь из окон неслись звуки скрипки и детские голоса. Я любил приходить сюда, я любил этот высокий обрывистый берег. Боже мой! Какие снега открывались отсюда, какие пространства!.. Вот и теперь я стоял на обрыве и слушал ветер. И вдруг кто-то меня окликнул. Голос был громкий, отчетливый, и я сразу узнал его. На школьном крыльце стоял Олег Николаевич, мой давний приятель. Он махал рукой, и я подошел поближе. Олег был без пиджака, в одной белой рубашке.

— Ты что-то по-летнему?..

Но Олег меня перебил:

— Кричу, кричу, а ты замечтался.

— Да я стоял, понимаешь...

— Ты не стой, не стой на горе-е-е кру-у-у-той... — последние слова он пропел с веселым нажимом. — А мы, старичок, гуляем. А ты, значит... грустишь? Говорят, в деревню собрался? За того парня хочешь повкалывать, а как же семья?..

— Нет, Олег, я серьезно... Там же детство осталось, все родные могилки. Да и... Да и хочу испытать себя. Там же школа — из ряда вон, второй год без директора.

— Давай, давай, патриот! А мы уж как-нибудь на асфальте. — Он опять засмеялся, потом стукнул меня по плечу. — А мы сегодня пьем и танцуем!

— Что за пир?

— Через день же Восьмое марта. А мы пораньше с утра. — И Олег решительно кашлянул, и не успев а даже опомниться, как он уже приподнял меня на крыльцо и подтолкнул к двери. Через секунду я уже стоял в узеньком коридорчике, а Олег дышал мне в лицо:

— Я тебя, дорогой, приглашаю! Да, да, не побрезгуй компанией. А жену я успокою. — Он уже стягивал с меня шарф и все время что-то шутил, приговаривал и скоро заразил своим настроением. Олега я знал давно. Мы вместе с ним учились в педагогическом, вместе играли в одном оркестре, в один год завели семью. А годы — птицы, и вот уж нам скоро по тридцать, и мы живем с ним в одном городке. Все похоже и все совпадает, только я работаю в простой школе, а Олег — в музыкальной. Что поделаешь — все мы люди, но у всех по-другому...

— Мы еще за стол не сядились. Так что ты подгадал...

— Да я, Олег, не голодный.

— Ничего-о, привыкай! — И он все тянул и тянул меня за рукав, пока мы не оказались в большой круглой комнате. У купца здесь, наверное, была гостиная. Олег наконец меня отпустил, и я вздохнул полной грудью. И сразу же в уши ударила музыка. Она была, как гром, как обвал — у меня сразу стало больно в висках.

— Ансамбль «Аракс»! Третий в мире или четвертый... — Олег засмеялся и подмигнул со значением — знай, мол, наших, мы любим громко... А музыка рокотала, шумела, точно в горной речке шли валуны. И вдруг сверху возник новый звук — прозрачно-нежный, печальный. Он рвался сквозь рокот, тянулся — так пробивается часто травинка сквозь мертвый бетон. Я поднял кверху глаза — это тенькала люстра, вздыхала. А рядом со мной — только вытяти руку — и двигались пары, смеялись, и кто-то весело подпевал «Араксу». Я отчаянно озирался, искал глазами Олега, но вот все кончилось, смолкло, и стало тихо, как в сосновом бору. И в это время взвился кверху тонкий голосок:

— За стол прошу всех! За стол!

Народ задвигал стульями, зашумел. На столе уже стояли рюмки, закуски. В высоком кувшине дышали вербы, прижавшись друг к другу. И вот все смолкло, погрузилось куда-то. Так бывает в театре перед самым началом. И тут пошел занавес — и поднялся директор. Он был круглый, румяный, как теплый калачик. На щеках у него блесла еще летний загар, и глазки тоже блестели.

— Наш поваренок — умора! — шепнул мне в ухо Олег, и я не вытерпел, засмеялся. Директор взглянул жалобно на меня и тут же заговорил:

— Дорогие женщины! Наши сестры, подруги! Сегодня все смотрят только на вас, а я слегка припоздал, отличился... Понимаете, встретил племянника на вокзале. Четыре года не виделись, и вот бросил парня на чеходане...

И тут его перебил:

— Ближе к делу, как говорил Мопассан...

— Я о деле, Олег Николаевич.

И он снова сделал жалобное лицо. Его лиловые глазки то вытягивались в длинную ниточку, то округлялись.

— Значит, бросил Адика дома — и сразу к вам, в коллектив. И мой тост, конечно, за женщину. Давайте пожелаем всем им, двенадцати, — нашего сибирского здоровья и кавказского долголетия! И чтоб детки были у всех, и чтоб деньги не выводились!

— А если нету деток? — засмеялась соседка Олега, молодая женщина.

— Это — дело наживное! — повеселел директор и выпрямил грудь.

— В общем, так. Прошу поднять всех за нашу прекрасную половину.

— Э-э, не пройдет! — возразил шумно Олег. — За это еще днем поднимали.

— Так я же встречал племянника! — почему-то рассердился директор. И опять он вызывающе сверкнул перстнем и выкатил глазки. И вот теперь он — с длинной рюмкой в ладони, с головой, похожей на спелую дыню, — походил на

— Виктор Федорович, в вашей прозе почти нет причастных и деепричастных оборотов. То ли поэтому, то ли от другого какого-то приема, некоей заданности, что ли, за словами постоянно угадывается порой напряженный ритм. Как вам удается это? — спросил я писателя.

— Ритм? — Он удивленно промолчал. — Никогда не думал об этом. Все получается самопроизвольно. Тут я многое взял от крестьянской речи. Она напоминает, что сложные чувства выражаются простыми словами. В этом мудрость. Когда я вижу огромную фразу с деепричастиями, с придаточными предложениями, мне кажется, писатель уходит в нее, доказывает, что он писатель. Фраза должна быть как воздух. Вот мы не ощущаем здорового сердца — так и саму фразу не должно быть видно. Когда я заканчиваю болванку, все сложные предложения стараюсь сократить. Начинаю смотреть на знаки препинания — они от лукавого. Если их много, значит, дыхания не хватило.

Вообще пишу медленно — по полгода иной рассказ, все вязнет. Особенно не даются первые две фразы, и очень для меня важно найти конец вещи. Медленно пишу не оттого, что слова мучают. Нет, мысль кажется примитивной. Я становлюсь в положение героя, сокрушенно думаю: себя не знаю, а героя узнал. Начинаю себя копать и копать... Вот жена, первый мой критик, считает, что я часто «записываю» свои вещи. Может быть, боюсь до конца быть откровенным? Вдруг увидят что-то личное?

Выскальзывание художника. Неуверенность человека. Органично ли такое сочетание в писателе? Тем, кто «блестяще описывает процессы» и которых «трудно читать», как говорит Потанин, это, наверное, не пристало. Для других, истинных, пи-

шущих «историю души», колебимость естественна.

— Писательство — это состояние души, — уточняет Виктор Федорович. — Его нельзя вызвать искусственно, оно должно быть как дыхание. Привнесенный здесь кислород — уже игра. Писательство выше, нравственный других профессий. Даже никудышнего писателя литература бережет, оберегает строй мыслей. И все же ты обязан любить человека, не любящий — правдиво не напишешь.

Из дневника Виктора Потанина:

«Обязательно в самой последней печали — про свет, окно. Печаль для читателя забывается, он привык, что у всех горе. А про свет, окошечко остается в памяти, в сознании, так всегда в классике. «Оливер Твист», часто Чехов в монологах о будущем...»

«Есть книги, о которых тоскуешь так же остро, как о человеке. Когда они где-то далеко — тебе больно, что с ними что-то может случиться — несчастье ли, печаль, катастрофа (пожар). Встреча с ними — праздник, который ждал долго, и вот он пришел незаметно, как ветерок подул на лицо...»

Здравствующий писатель и уроки классики. Голоса любимых книг так или иначе отзовутся в собственных сочинениях. Хотя и не принял всерьез Виктор Федорович вопроса о ритме в его прозе, да ведь есть тому мнению предпосылки. В молодые годы он зачитывался С. Сергеевым-Ценским.

— А в тридцать лет остыл, — сказал Виктор Федорович, — понял, что ради ритма он мысль может далеко запрятать...

Почитает Потанин Андрея Платонова. Близки И. Бунин, М. Булгаков, «Люди из захолустья» А. Мальшкына, Н. Зарудин.

— Чехов для меня как школьный учитель, — говорит Виктор Федорович. — Очень люблю Егоруш-

ку из «Степи». В смысле чистоты и нравственности — шекспировский характер.

Не случайно у Потанина много рассказов. Часто небольшие по объему — они емкие. Поручкой этому, что по его «Белым яблонам» сняли фильм «Живой срез». Другой вопрос, как привычно потерпел от экранизаторов еще один писатель:

— Впечатление такое, будто снимали для показа способностей оператора и того, как режиссер умеет свою спиральку закручивать.

Рассказ для Потанина — «счастливое мгновение». Сколько их, философичных, ухватывает он в самом обдуманном! Вот, например, недавняя его вещица «Однажды зимой». Действующие лица: потанинская семья, в том числе и коты. Писатель принес в квартиру погибавшего в сугробе котенка. У всех в доме свои заботы, занятия, но это событие соединило, тронуло прихотливые душевные струны каждого.

— Пусть будет Бекар! Это с музыкой связано, — закричала весело Катя. Она пошла нынче в музыкальную школу, и ее забавляли новые и звучные термины.

— Нет уж! Пусть будет Бэта, — сказал я, точно отрезал. — В детстве у меня была хорошая собака Альфа, а этот найдешь пусть будет Бэта...

— Ну и чудышко, такой еще не бывало! — говорила мать и смотрела на Бэту восторженными глазами.

— Да, своеобразная. И весьма, весьма... — соглашалась жена и загадочно шурилась.

О чем еще предельно коротко, незамысловато рассказано? Где спала, как ела, как играла, как дружила Бэта со старым котом Григорием, как вместе с людьми переживала его болезнь и смерть. Штрихи, мгновения. Просто, как в притче. Как в притче, многозначны всего две фразы финала:

какого-то грузинского князя с картин Пиросмани. И этот князь не знал сейчас, о чем говорить. Но его выручила соседка Олега:

— А давайте подыдем за вашего Адика! И чтоб детки у него были и чтоб деньги не выводились!

— Да ну вас... Давайте! — Директор обреченно махнул рукой. — За Адика так за Адика. Пусть ему маленько икнется.

Все чокнулись, закусили, только соседка Олега как-то брезгливо отставила рюмку. Ее толстые губы под черной помадой почему-то надулись, обиделись. Перехватив мой взгляд, Олег наклонился поближе:

— Познакомься. Это Нина Сергеевна, народные инструменты. Самая красивая девушка в нашем квартале.

— Не в квартале, а на Урале! — Она засмеялась и посмотрела на меня, как мальш на конфетку. Глаза ее просто притягивали к себе и что-то уже обещали. Я где-то видел это лицо, я запомнил. Красные волосы были подрезаны под мальчишку. Но самым замечательным были, конечно, глаза. Они смотрели на меня, голубые, лучистые. О таких глазах студенты пишут стихи. И в это время Олег достал вербу и церемонно вручил соседке.

— С весной вас, Нина Сергеевна!

— Вас тем же боком, Олег Николаевич! — Она сказала тихо, протяжно, а сама все смотрела на вербу. — Нет, я не могу... Какие почки-то! Прямо зайчата. Когда я училась в Москве...

Но договорить ей не дали, зашикали. Впереди, за столом, опять поднялся директор:

— Ну раз выпили за племянника, то я предлагаю теперь за племянницу. Да, да, дорогие! У нас именинница! Сегодня нашей Елене Трофимовне бухнуло тридцать лет! — И он посмотрел на рыжеватую белотелую женщину. У той сразу вспыхнула шея, а на щеках проступили веснушки.

— За первый маленький юбилей, друзья!

Но директора опять перебили:

— А мы уж поздравили нашу Елену Прекрасную. Не надо опаздывать...

— Так он же Адика встречал! — засмеялся Олег, и весь стол поддержал его дружным хохотом. И опять вверх до звенело что-то печальное, нежное...

— В общем, так, дорогие! Пейте, ешьте, закусывайте! Администрация разрешает... — Директор поднял рюмку и взглянул в нашу сторону:

— За вас, Нина Сергеевна!

Все склонились над тарелками, и в эту минуту ожил магнитофон. Кто-то нажал на кнопку — и запел Булат Окуджава. Не могу слушать его без слез. В горле все сжимается, закрывается, и вот уж нет дыхания, жизни нет, а кто поможет — да зачем помогать, и зачем мне все утешения, если уж другую песню начал певец, — и все печальней, глуше, все нежнее слова...

Пел Булат Окуджава, а я думал: как стану жить? И еще я думал о своей маленькой Кате, которую оставял с матерью, если будет развод... Но почему развод, почему же? И неужели работа для меня лучше дочери, лучше жены?.. Я слушал музыку, я страдал, волновался, а вокруг меня стучали ножи и вилки, и от этого стука у меня мерзла спина. Я попробовал успокоиться, я даже пододвинул к себе салат — и вдруг заметил, что за мной наблюдают. На меня смотрела в упор Елена Прекрасная, под глазами у ней упали тени, и почему-то сильно-сильно блестели зрачки. И дышала она тоже тяжело, с остановками, как будто астма мучила или одышка. Наконец не выдержала и спросила меня:

— А я вас знаю, не отпирайтесь. Вы в нашей газете помещали стихи...

Я почувствовал, что бледнею, проваливаюсь, и, чтоб скрыть волнение, я засмеялся:

— Был, был грех, но я уже замолил...

— Господи-и, в такой Чухломе — и стихи. — Нина Сергеевна посмотрела на меня осуждающе, потом перевела глаза на подругу: — Ты почему, Елена, не ешь?

— Я бы поела, а что потом? Во мне и так то килограммов с придепом. Меня ведь от еды надо на веревках оттащить. Как начну, только вожжи натягивай... — Она сдохотнула и сморщила губы.

— Ешь, питайся, Еленка. Когда и поест, как не в тридцать лет. — И Нина Сергеевна протянула ей большую тарелку, где лежали соленые огурцы вперемешку с капустой.

«Иногда мне грустно и тяжело, и в такие минуты я мысленно обращаюсь к Бэте — да пролди, судьба, твои дни. Потому что, пока ты жива, мне как-то легче, надежней, потому что все мы братья на этой земле — и деревья, и птицы, и звери, и человек».

Живет Виктор Федорович в просторной трехкомнатной квартире старинного курганского дома. Пишет в своем кабинете обычно ранним утром. Днем у лауреата премии Ленинского комсомола В. Потанина много служебных и общественных забот. Работает он консультантом местного отделения Союза писателей СССР. А сколько помимо этого дел! Депутат Курганского областного Совета народных депутатов, член президиума местного общества книголюбов, Общества советско-монгольских друзей; член правления Союза писателей РСФСР, член советов по русской, узбекской прозе; член редколлегии журнала «Урал», редсоветов издательства «Современник», «Уральской библиотеки». И разве откажешься от многочисленных выступлений перед читателями родного Зауралья?

Толком, сосредоточенно разговаривали мы с Виктором Федоровичем лишь в Москве, когда он приезжал на чествование победителей конкурса 1981 года газеты «Сельская жизнь», лауреатом которого стал за лучшие очерки; ночами в Кургане; снова в Москве в период работы расширенного пленума правления Союза писателей РСФСР, посвященного 60-летию образования СССР.

С душевным подъемом говорили на пленуме о единстве и многообразии литератур народов РСФСР его участники, — рассказал Виктор Федорович. — Особенно волнующим было выступление Расула Гамзатова. Да и как могло быть иначе, литература Советской России давно стала огромным явлением общесоюзного, мирового масштаба. Сегодня народными писателями взяты новые высоты — под-

твердили оценки пленума. Сужу об этом и по личным впечатлениям. Вот уже полтора десятилетия я дружен с Владимиром Санги, с большим вниманием слежу за творчеством Ювана Шесталова, Абдижамила Нурпеисова. О чем бы ни писали эти, многие другие национальные писатели, главное, они пишут о душе своего народа. С венком сонетов можно сравнить нашу многонациональную литературу.

Впрочем, в последний раз Виктор Федорович опять торопился. Нельзя было задерживаться в столице, чтобы не опоздать в Курган на заседание, посвященное 80-летию А. К. Югова. Да и дома его, как всегда, с нетерпением ждали. Уютно, тепло у него дома, в семье. Там «любезная привычка к бытию», как выразился Юрий Тынянов в «Пушкине».

Однажды зимой, вечером, будто у камелька мы собрались в кабинете и слушали, как Катя читает письмо дочери Валентина Распутина Маруси, с которой она давно переписывается. Мать писателя Анна Тимофеевна, с иконописным лицом, с истовым голосом сядя женщина, тихо присела у письменного стола, сложив на коленях руки, которыми только что накормила нас своей знаменитой щучьей ухой. Жена Людмила Александровна, преподаватель литературы, человек порывистый, улыбаясь, следила за выражением лица дочери. Потанин расположился на ковре у пианино. Распутина-младшая восторженно писала о музыке Моцарта, о сибирской погоде, грустно жаловалась: «Больше всего ненавижу фа-диез-минор, до-диез-минор и соль-диез-минор, особенно мелодический вид...»

Катя расхохоталась и тронула клавиши. Она играла Шумана. За окнами утихал город. Боры за ним, наверное, уже замерли, там непроглядно. Мы сумерничали... Потанин задремал, склонил голову

— Однако нас уже на солонечное... — сказал тихо Олег, но его все услышали. Директор засмеялся тонким, дребезжащим смешком, а Нина Сергеевна даже обиделась:

— Ты пошляк, Олег Николаевич!

Но он уже подавал своей соседке большой кусок пирога.

— Ой, девочки, как угодил-то! — засмеялась Нина Сергеевна и протянула вперед обе руки. Она взяла пирог бережно, со значением и долго держала тарелочку на весу.

— Когда я училась в Москве — не могла пройти мимо кондитерской. Ох, бедная, как я тогда обедалась. Прямо пухла, как булка. — Она немного откусила от пирога. — Нет, братцы-кролики?! На чем его жарили?

— Терпи, Нина! — засмеялся Олег. — Привыкай... — И опять улыбнулся. — Ты у нас как Марья Волконская. Добровольно в Сибирь пошла.

— Вот именно добровольно. А кого винить, поддалась демагогии. Распустила уши — поверила. — Она чиркнула зажигалкой, скривила губы. Сигаретка у ней запуталась в пальцах, сломалась. Она сразу взяла другую.

— А обещали-то! Целые горы... Через месяц, мол, отдельная комната. Через год — квартира с балконом. И вот поехала ваша дура насаждать большую культуру. — Она усмехнулась горько, подавленно и всадила сигарету прямо в кусок пирога.

— Ох ты! Как ты убила! — охнула старая женщина, которая сидела в дальнем конце стола.

— Верно, Феша! Верно, родимая! — засмеялась Нина Сергеевна. — За такие пироги надо расстреливать! Это ж просто обман!..

— Давай не будем людей губить. Я вот ела — так поглянулось.

— Ты уж, Феша, привычная, — блеснула на нее глазами Нина Сергеевна. — Ты уж с детства в этой дыре. А тут и деготь примут за мед. А что вы тут видели?! Только Марью Волконскую... — Она снова скривила губы и закатила глаза.

— Правильно, девушка! Только Марью да Дарью... Зато в войну мы всяко место попробовали. Я вон на солидоле шанги пекла. И ничё — хоть бы хоба! — Тетя Феша задумалась. На ее круглом желтеньком личике промелькнула печаль.

Я давно знал эту женщину. Она работала в школе уборщицей. И жила здесь же, в угловой темной комнатке. Как-то я заходил туда вместе с Олегом. У него были с Фешей свои отношения. Вот и сейчас он за нее заступился:

— Хватит, Нина, стареньких обижать. Расскажи-ка лучше про московские рестораны.

— Ну вот, вот — и сознался наш Олег Николаевич! Все рестораны ему подавайте, а на солидоле шанег не надо? — Она закинула голову, захохотала.

— А может, все-таки потанцуем? — взмолился директор. Его миндальные глазки просто мучились в тоске, изнывали. Он не привык, видно, сидеть без движения. Но все внимание было снова на Нину Сергеевну, и ей это нравилось, поощряло к веселью, и она выглядела здесь самой живой.

— Нет, голубы, танцевать мы не будем. А сейчас я расскажу... Фу, черт! — Она хотела прикурить сигарету, но в зажигалке что-то заело. Тогда через стол ей бросили спички, и она успокоилась и обвела всех глазами:

— Значит, дело было такое. В Москве я с одним познакомилась, а потом сошлись покороче. Его звали Толик Ветров — молодой альпинист...

— Альпинисты все молодые.

— Не скажи, Олег, не скажи. Но я Толика уважала. И веселый и щедрый — прямо мешок с деньгами. Он и мне джинсы достал. И ни копейки с меня — за спасибо... А потом ко мне Боренька Журавлев прилепился. У того дяденька в главке и дача в Красной Пахре...

— Ты давай уж про Толика? — попросила Елена Прекрасная.

— Ладно, Ленка, буду тебе про Толика. Но я же его угнетала просто, замучила. А он железный, что ли, но все терпел. И только одно знал — при каждой встрече подарочки. Может, в мужья себя предлагал... Кстати, кто расшифрует мне слово «муж»? — Она вскинула весело голову, и глаза ее опять сияли, пронизывали, и я даже боялся в них посмотреть. Она чем-то нравилась мне и чем-то притягивала, только пугал почему-то ее голос — немного хриловатый, прокуренный. Такие

на плечо. Безмятежным было его «лицо умного зверя», как заметил когда-то Лихоносов.

Однажды Виктор Федорович читал среди своих новый рассказ. Мама вот так же легонько уснула. Все рассмеялись. Потанин сказал:

— Значит, рассказ получился хорошим, успокаивает...

Из «Северного дневника» Юрия Казакова «О мужестве писателя»: «Мужество писателя должно быть первого сорта. Оно должно быть с ним постоянно, потому что то, что он делает, он делает не день, не два, а всю жизнь. И он знает, что каждый раз начнется все сначала и будет еще трудней...»

Из дневника Виктора Потанина:

«Кажется, я уже дошел до такого состояния, что не писать просто не могу. Даже в самой правой ладони всегда слышится позыв на ручку, и когда ручка там — в ладони что-то затихает и успокаивается... Наверное, совсем было бы хорошо, если б писать, к примеру, повесть, рассказ — и нигде бы это не отдавать, просто писать для себя, так же просто, как течет река. Без глаголов выбранных, без метафор — в жизни человек живет совсем без метафор, а в литературе — сплошь... Мне представляется, что тогда бы написало бы лучше, значительней, даже правильнее о человеке. Но это мечта. Все написанное тащится в редакцию, чтобы быстрее познать видимость успокоения — все опубликованное, напечатанное в книге — значительно тверже, веселее. Есть видимость сделанного, а если в рукописях долгие годы — то это дилетантство вроде бы, смех, унижение...»

Беседу вел
Владимир ЧЕРКАСОВ.

голоса обычно нахальные, упрямые, но в жизни все, конечно, по-разному.

— Ну что, братва? Угадали?

— Ты сама гадай, девушка. А то людей будоражишь, нехорошо...— сказала Феша в дальнем конце стола. Нина Сергеевна враз отбросила сигарету, и глаза напряглись, и в них встало зеленое:

— Чей-то голос из-под печки... Значит, не знаете? Эх, вы, вахлаки! Ну так слушайте, и ты, Феша, себе на лбу запиши: муж — это мужчина, угнетенный женой!... Она громко расхохоталась, ее поддержала Елена Прекрасная, потом еще кто-то хохотнул для приличия. И опять от этого шума сверху дохнул, отозвался хрусталь. У меня сильно забилося сердце, но что-то меня удерживало, что-то не отпускало отсюда, как будто выполнял я какой-то долг. Стало тихо — звон сверху прекратился. Олег сидел молча и разглядывал ногти. На него иногда нападали хандра. А Нина Сергеевна опять что-то задумала, она хитро смотрела в дальний конец стола.

— Интересно, Феша, какой у тебя живой вес?

— Я не баран, девушка, и не скотина. Я не виновата, что исхудала. Тебе бы вот походить с моим сердцем-то. Да ладно уж, не желаю... Бывает, остановится — и шабаш.

— Да не о том, Фе-е-ша! Мой Толик, например, весил пятьдесят килограмм...

— Ну и ну! — враз очнулся Олег. — Как же ты его на весы загнала? — Все опять засмеялись, а Олег стал разливать вино. Нина Сергеевна закрыла свою рюмку ладонями.

— Не тот розлив, что ли?

— Да ну тебя, остряк-самоучка! Я же вам хотела про Толика... Ну вот: как-то встречаю его в Елисеевском, а он: ты меня, Нинель, не преследуй! А я ему: почему, кто же нам запретил? Он глаза прищурил и даже как будто подрос. Потом положил мне ладонь на плечо — ты, мол, Нинка, давно в зеркало не смотрелась? А что такое?! Сама дрожу. А то, говорит, все то, золотая моя и бронзовая, что в тебе теперь — пять пудов, а я рядом с тобой — просто сухарик... Да-а, голуби мои, так и сказал. А мне стало весело, будто сто рублей потеряла. Но ничего, себя в руки взяла и так прямо и отвечаю: нет, говорю, Толик, ты словами-то не кидайся, я ведь прямо завтра худеть начну, — и сама так глазами ему играю, перебираю. А он — мужчина, конечно, — ну и повеселел сразу, отмяк. А потом и букетик купил в метро и за ладошечку подержался. Они, москвичи, дело знают... Вот так ваша Нинель и попала в историю. Была девка ничего, и вдруг все платье в обтяг...

— Со мной тоже бывало! — оживилась весело именинница. — Как-то за полгода угораздило набрать семь килограмм...

— Да вы дайте ей досказать! — заступилась Феша за Нину Сергеевну. — Я сижу и прямо заслушалась. И вот думаю, примеряются — мне бы хоть на чутельку пополнить. А все ем, ем, и куда-то проваливается. Что, говорят, до бани было, то и после бани. Но все ж, товарищи, я б жалала. Да с моим сердцем кого... в войну еще себя погубила. Мужики на фронте, а мы по сено и по дрова...

— Ты сама, Феша, перебиваешь, — нахмурилась именинница, и на щеках у нее проступили сильные ямочки. До них почему-то хотелось дотронуться, поцеловать. Я даже покраснел от своей тайной решимости, но мое внимание опять отвлекли.

— Но вот просили, умоляли про Толика, а сами с Фешей на фронт пошли.

— Раньше парни девок-то выбирали, а теперь все перепуталось.

— О-ох, Феша, ты меня уморишь. Раньше были времена, а теперь — моменты. Так что ты помолчи.

— Молчу, молчу, девушка. Я чё — могу помолчать, — сказала Феша испуганным голосом и захлопнула на себе теплую кофточку.

— Вот тебе и чё — почё... — передразнила ее Нина Сергеевна. — А от меня Толик-то тогда стал уклоняться. Фу, черт! Не тот пошел табачок. Когда я училась в Москве, то на «БТ» налегала. Куда-то делись сейчас — не знаю.

Все зашумели, стали высказывать разные мнения о качестве сигарет, и тут робко, под этот шум поднялся директор, виноватый, с бледным лицом, — сейчас это стоял уже не князь, а слуга.

— Нина Сергеевна, умоляю, позвольте откланяться? И вы позвольте... — Он печально посмотрел вдоль стола. — У меня гости дома, четыре года не виделись...

— Ничего, перебьется племянничек. Сегодня — наш день. Сегодня — я за директора!

— Нина Сергеевна! Адик мне не простит.

Но она уже точно его не слышала, она уже доставала тюбик помады из сумочки. И вот на глазах у всех, не таясь, не стесняясь, она подвела губы жирной, толстой чертой. Потом облизнула их язычком и зажмурилась, — и все это вышло ловко, доверчиво, как будто она кошка какая-то или даже лиса.

— Отпустите меня, Нина Сергеевна! — Директор хотел улыбнуться, хотел сказать что-то приятное, но, наверно, уже не мог, не хватало терпения. В его черных миндалевидных глазах что-то тлело, уже и плавилось — это ходила обида и заставляла страдать. Он налил себе в рюмку вина и быстро выпил, не думая, и лицо его совсем побледнело, а на лбу выступил пот. Мне стало жаль его, но мои мысли остановила Нина Сергеевна:

— Ну вот что, голуби, доскажу вам про Толика. Я уж говорила, что у него началось отклонение...

— Ой, Нинка! Такой фильм есть у болгар. Отклонение — да! — Именинница загадочно улыбнулась и перевела глаза на портреты.

— А меня отпустите, — опять взмолился директор. — Меня уж дома потеряли, а на улице ночь...

— Пусть в морг позвонят, — усмехнулась Нина Сергеевна. И капризно вздернула плечи. Потом лицо ее просветлело, она что-то придумала:

— Ладно, идите, но только с условием...

— С каким? — испугался директор.

— Приведите в школу вашего Адика. Он что у вас, холостой?

— Конечно, конечно... — затараторил директор и поспешил к выходу. За ним еще кто-то вышел, не помню. Просто этих людей я не знал, а Олег меня не узнал.

Теперь в комнате стало просторно — и сразу включили магнитофон. Зазвучал вальс, печальный и нежный, старинный. Я слушал эти звуки, затих, а в голове что-то медленно колыбалось, из прошлого. Что-то свертелось в слабый клубочек, потом снова развертывалось. И вдруг я вспомнил, как этот вальс играл мой Ленька Шабуров. Он жил тогда прямо через дорогу, и мы с ним дружили, купались, рыбачили... А потом он от нас уехал. И я вспомнил, как шла по Заборке машина, как в кузове сидел с отцом Ленька, как на коленях у него стояла гармошка. За спиной у них громоздились какие-то мешки и кровати, а Ленька смотрел на дома, на заборы и перебирал легонько басы. Нет, это было невнятным. Его провозжала вся наша школа, и он сидел такой грустный, точно его хоронили. И вот поехала, заворчала машина. Она даже не поехала, а точно пошла пешком. А Ленька сидел в кузове и растягивал хромку. А глаза его

кричали нам — прощайте, прощайте... И вот теперь опять звучал этот вальс, но уже не Ленькины глаза, а мои глаза кричали кому-то — прощайте, прощайте...

Им оставаться здесь, а мне скоро ехать. Так, значит, значит — прощайте... Вальс был нежный, печальный, как будто летали надо мной осенние птицы. И опять в душе все напряглось — прощайте...

Я подошел к окну и стал смотреть сквозь стекло. Мне казалось, что я вижу деревья. Они качались и гнулись под ветром. Но почему ветер? Ах, да! Весна же там, за стеклом, и теперь с юга, с далеких теплых равнин, приходило к нам ровное, теплое, сокрушающее все морозы дыхание. И в этот миг сменились звуки — ворвался к ним какой-то «Аракс». И под него сразу все пошло танцевать. А я хотел пойти на крыльцо, но меня кто-то затронул. За спиной у меня стояла Нина Сергеевна.

— Я вас приглашаю...

Она повела меня в танце и смотрела прямо в глаза. На руке у нее сияли два золотых кольца, потому ладонь была очень тяжелой.

— А я через год уезжаю! Не могу дожидаться — так бы и полетела. В Москву, в Москву! И только туда!

— Если мечтаете, значит, сбудется...

— Я не мечтаю, я — деловая женщина, я — современная. У меня в Москве тетка похоронила мужа. Теперь одна на двухкомнатной... Она меня впишет на эту площадь. А если не впишет — прямо в метро буду спать возле урны.

— Значит, здесь надоело?

— А разве тут люди?! Нет на них Володи Высоцкого. Господи, как он ненавидел мещан! Я подаю ему руку даже в могилу...

— Значит, поедете?

— Не говори! Так бы и полетела — прямо на крыльях или даже пешком... Как-то Олегу призналась — давай, мол, со мной, собирай чемоданы! А он же трус, его уже засосало...

— У Олега здесь — родина.

— Что, что, повтори? — Она закинула голову, засмеялась. — Родина там, где не зябко. А я тут мерзну все время, и, понимаешь, нет человека. Я ведь к Олегу тянулась. Фу, черт! Не то слово, тебе интересно?

Я промолчал, она продолжала:

— Он три года назад походил на оленя. И рост хороший и голос... Да, даю слово — я почти погибала. Приду в школу, а сердечко — тук-тук, — нет терпения. Ну и призналась. А он сдвинул брови — у меня же жена! Негодяй... Так и ответил. Не понимаю. Ты слушаешь?.. А я ему — что такое жена? Ты что, у ней в клетке? Да бог с ним... Его уже засосало. Он копил деньги на «Жигули». — Она опять засмеялась. И в это время кончилась музыка. Мы отошли к окну и сели на стулья. Лицо у нее дышало духами, а по щекам блестел пот, и зрачки тоже блстели. Она походила теперь на пьяненькую, хоть и совсем не пила.

— У тебя кто жена?

Я не ответил. Мне стало грустно, захотелось сразу домой, и я вспомнил про свою Катю. Она, наверно, не спит, беспокоится, где же отец...

— Значит, не отвечаешь. Значит, жена красивая, молодая?

— Простите, Нина Сергеевна...

— Ах, ах, не прощаю... — Она покачала головой и закатила глаза. — Не умеете вы, мужики, жить по-московски. Там муж — в один конец, а жена на такси — в другой. И у каждого — свои удовольствия. А что? Раз живем... Ты молчишь? Ты какой-то, слушаю, не серо — не бело...

— Я серенький, Нина Сергеевна.

— А вот этим, миленький, не гордись. За это нынче в президиум не посадят. И пиджачок тебе надо сменить. Нынче носят вельвет, понимаешь. А в твоём — только по сено. — Она крунулась на стуле и поднялась. Через минуту она уже танцевала с Олегом. А наша именинница танцевала одна — просто стояла на одном месте и вскидывала ладони.

— Как козлухи, куда же годно! А еще детей учат, не стыдно...

Я оглянулся: за спиной у меня остановилась Феша и тихонько ворчала. Кофточка на ней топорщилась, и она пыталась застегнуть ее на груди, но никак не могла:

— До чё мы дожили и еще до чё доживем!

Я опять подошел к окну и стал смотреть на деревья. Но я не увидел деревьев, я ничего совсем не увидел в этой черной весенней тьме... Иногда эта тьма точно падала куда-то и отступала, и тогда я замечал за стеклом что-то живое уже и белесое, точно блстела там, переливалась вода. А потом — опять густое и черное, опять ветер постукивал по стеклу, и опять надрывалась душа в вопросах, и сам я точно был уже приговоренный, простреленный, точно стоял уже на высоком-высоком обрыве, и еще миг, секунда, другая, — и я сорвусь с него и никто не спасет...

И никто не спасет меня — ни жена и ни дочка. Ведь я сломаю их жизнь, поташу на край света. А ради чего? Ради себя! Да, да, ради себя одного, чтобы выполнить какой-то несуществующий долг, какую-то муку, чтобы понять себя, испытать... Но ради чего? Ради чего все же эти мучения, горе это, тоска? А ведь я еще молодой и мне бы нужно жить, жить и жить. Да, да, жить! Но как? Как?! И вдруг мне нестерпимо захотелось увидеть свою Катюшу, и я даже весь замер и сжал себя, но это, это не проходило. И тогда я снова и снова смотрел в окно, и я искал свои деревья, приглядывался, но вместо них на меня оборачивались, тянулись ее глаза. Прости меня, Катя, прости... И чтоб больше не терзать себя и не мучиться, я направился к двери. Но на пути встала Клавдия Ивановна, преподаватель сольфеджио, и загородила проход.

— А у нас чай еще... Ну что вы? Мы же обидимся. Сейчас торт нарежем, самый свежий, домашний. — Она взяла меня бережно за руку и усадила за стол. Ее доброта меня как будто связала. Мне хотелось уйти, но что-то мешало опять, не отпускало. А может, я боялся обидеть — так и было, — боялся... Рядом с Клавдией Ивановной сидела Феша. На ней было теперь одно старенькое темное платье. Кофту она уже сняла, потому что в комнате было жарко. Да и Клавдия Ивановна была тоже в темном, печальном платье. Вся жизнь она носила траур по мужу, а познакомилась она с ним еще давно, на фронте, в полевом южном госпитале, где работала санитаркой. Я знал об этом, потому что жил с Клавдией Ивановной в одном подъезде, только наша квартира была на втором этаже, а у нее — даже на пятом. Я часто видел, как она лезла к себе, на пятый, точно покоряла какую-то гору, вершину, и дышала она запаленно, как лошадь. И еще я часто видел ее на лавочке у самых дверей подъезда вместе с другими старухами. Они подробно обсуждали каждого, кто входил в дверь и кто выходил. И я всегда на них злился и нервничал и на Клавдию Ивановну злился — еще, мол, была на фронте, а теперь опустилась... И все это промелькнуло в голове сейчас, как дуновение, и я почувствовал не то вину перед ней, не то даже стыд. Она смотрела на меня

Рисунок
Виталия ЛУКЬЯНЦА

живыми, притягивающими глазами, и голосок был такой же притягивающий, глухой:

— А я вот что придумала. Не обессудьте...— Она замолчала, потом опять начала.— А давайте помянем наших мужей. Они заслужили.— Она налила всем немного вина, потом внимательно посмотрела на Фешу.

— Всю жизнь мой Коленька был вот тут.— Она показала себе на грудь и вздохнула.— Но я всегда, Феша, знала...

— Что знала-то — договаривай! — Феша решительно подвинула к себе рюмку, потом так же решительно ее переставила. Вино она, видно, совсем не пила.

— А то знала, Фешенька, что я переживу его. И буду хранить об нем память, пока не умру.

— Так оно,— согласилась Феша и снова задумалась. А Клавдия Ивановна подняла глаза на меня и как бы пригласила в сообщники.

— Может, я что не то. У старого, говорят, не по-старому. Может, что и смешно... Я вот и костюм храню Колины, все рубахи — перемываю. Да их немного — всего две штучки да маечка. Бывает, заплячутся, так я стираю да глажу. А к Дню Победы — это закон...

— А я опять все медали его храню, документы,— подговорила Феша и посмотрела мне прямо в глаза.— Я целый год зарплату откладываю, а потом, в мае, еду к своему Михаилу Петровичу. Он у меня под Ленинградом лежит. Есть такая деревня Мхи. Там их много лежит да поляживат — могила-то братская. Нынче тоже вот собралась. Осталось мне до поезда ровно пятьдесят восемь дней...— Она мечтательно закрыла глаза.

— Хорошо мы жили с Мишей, Ивановна. Как птички жили, ясной море. Поклюем свои зернушки да оберем свои перышки — и опять живем, друг на друга глядим... А нынче вон чё,— она посмотрела долгим взглядом на танцующих,— как козлухи, скачут, а когда же деток рожать, если до потолка скакать? — Она подергала недовольно плечиком, как будто на спине что-то мешало и беспокоило: — Я ведь с Мишей в одну школу ходила. Вспоминаю часто, если не сплю.

— А ты Расскажи давай, не стесняйся...

Клавдия Ивановна посмотрела на меня прямым взглядом, точно призывая — не осуждай, мол, старых-то, а лучше посиди с нами, не уходи. А Феша уже начала своим медленным голоском:

— Вместе, вместе училась я с Мишенькой. Ну дак чё — дело было... Как-то оказался против меня мальчишко. Я мимо его, а он возьми да и подставь ножку. Захотел, наверное, поиграть. Ну и что бы! А я, дура, тогда закричала, и никто мне рот не зажал. Сколько лет прошло, сколько зим миновало, а я себя не прошу.— Она шмыгнула носом и утерла платочком губы. Потом посмотрела на меня, потом — на подругу: — Дура, дура и душой покрыло. Закричала ему тогда — убирай, мол, грабли свои, второгонник! А он сразу вроде обжегся: а пошто, мол, ты так? А пошто ты кричишь? А я чё... Я хохочу, а сама на него наступаю да наступаю, а он уж к стенке жмет, он уже рукой начал огребаться, а мне забавно, а я гуще того: что, не любят мышки кота? Откуда и смелость взялась, да не смелость это — позор. А он как на меня посмотрел, а он так бровки дугой изладил — мышки-то, мол, мышками, так ведь я же болел. Потому на другой год и остался, что я заболел... Ну вот. Я сразу в класс побежала. За парту села, а что-то мутно — я же его обидела. На доске что-то пишет учитель, а я точно букв не вижу, в глазах моих метлячки. И вот так и эдак раскладываю — я же сильно Мишу обидела. Он болел, продускал, а я обзывать начала. Ну, ладно, дело хорошо... На другой день пришла в школу и взяла с собой яблоков. Я, поди, заговорила вас, а вы молчите — не скажете.— Она обвела стол усталым взглядом, потом обратилась ко мне:

— А вы танцуйте, танцуйте. Чего вам старух слушать. Вон и Олег Николаевич танцует с Ниной Сергеевной. Вон чё она продельвает — неуж не козлуха... А я ведь с вашим дружком в одной деревне родилась. Он-то помнит, да и я не забыла. Это теперь мы городски все, куда там. А раньше сельски были, колхозны. Так оно? — Она посмотрела на меня со значением.

— Так, так. Но бывает по-всякому,— ответил я Феше.

— Все бывает. У нас как-то в деревне кошка ценят принесла. Оправды! Лежат беленьки, бултыхаются...— Она засмеялась, приглашая меня к шутке, но я промолчал. Она сразу тяжело вздохнула и собрала в сухую ниточку губы. Не то обиделась на что-то, не то просто устала. И я тоже прикрыл глаза и стал покачиваться на стуле. Не хотелось ни вставать, ни шевелить языком... В двух шагах от меня запел Булат Окуджава. Эта пленка была, наверное, старенькая, заигранная. На ней теперь что-то шуршало, потрескивало, точно мышки скреблись, шебарчали соломкой, но мне как раз и нравился этот треск. Он меня почти усыплял, успокаивал, и я впервые за этот вечер отвлекся от своих мыслей, я впервые услышал в себе какую-то твердость, уверенность — в конце концов, мол, все образуется. И когда, мол, и испытать-то себя, как не в молодости. Да и жена, мол, все равно поймет, оправдает меня. А может, ей Заборка эта даже понравится... И мне стало так легко, хорошо, как будто все заботы сползли с меня, все тяжелые думы оставили. И теперь, наконец, все наладится, все исправится. Да и Феша снова говорить начала, и ее голос сливался с моим любимым певцом, и все это меня усыпляло, укачивало:

— Принесла тогда этих яблоков, перебираю, значит, в коленях, а сама маленько задумалась. Ну чё, мол,— думай не думай, а ведь знала, зачем принесла. И вот выбрала хрушкое такое, бокатое да обтерла платочком его... Ну вот и подношу тому второгоннику: на, мол, Миша, да не сердись. А то ишь вчера набутусился, а за чё? Он опять побледнел, поберестенел, даже в пятнах весь сделался, а сам яблочко взял: это мне? Да тако-то большо? А я засмеялась: тебе, тебе! Давай, мужичок, пообедай. Ну он и взял, откусил и опять вроде задумался, а сам смотрит на меня, не моргат. А я тоже — ни жива ни мертва, то ли напугалась я, то ли предчувствие. Так и вышло, Ивановна. Прошло время, и мы поженились. Вот что сделало то румяное...— Феша задышала глубоко, во всю грудь. А музыка все еще кружилась возле меня и кружила мне голову. Фешин голос сливался с ней в один ручеек:

— А как жили-то, господи! Он ни разу даже не вскричал на меня, не ударил. А только подойдет да погладит по волосам... Да-а... Как жили-то мы с тобой, Мишенька! Да светится имя твое...— Она всхлинула, и я зажмурил глаза. И в тот же миг на меня наступила обида. Как будто дохнул ветерок, какая-то гарь — и это вошло в меня, — и сразу сжалось дыханье... Ну почему меня вот так же не любят? Ну почему? И почему не всем встречаются такие женщины? Ну почему? Или мы другие? И я другой?... Феша опять тихо всхлинула, а Клавдия Ивановна наклонилась над ней и зашептала громко и стала показывать на Олега. Он стоял с Ниной Сергеевной и что-то рассказывал, наверное, анекдот. Феша тоже посмотрела в их сторону и сразу перестала плакать, замкнулась. Губы она опять сжала в сухую жесткую ниточку, глаза сердито прищурились. А я так жалел, что она замолчала. Мне было так покойно, как будто я в своем доме сидел, в своей

далекой-далекой Заборке, а рядом со мной печка топится, и там сухая осина потрескивает, и все больше разгорается огонек. И вот замолчала Феша, и опять беспокойно стало, и нехорошо задвигалось сердце. И то, что держалось, пряталось в душе под замками, опять встало к горлу, опять стал мучить меня этот тяжелый и горький вопрос: «Хорошо ли я сделал, что решил возглавить отсталую школу? Может, права жена, что я играю в Павку Корчагина? А ведь прошло то время, те тяжелые дни...» Я поднялся со стула, потом снова сел и оглянулся на Фешу:

— Что же вы замолчали? Или я вам мешаю...

— Что вы, что вы! — встрепетнулась Клавдия Ивановна. — Вы свой человек, по одной лестнице ходим. — Она, видно, намекала на наше соседство по дому. Она опять улыбнулась: — Вам бы потанцевать немного, а то к старушкам пригнули. Вон и девушка наша томится. — Она показала глазами на именинницу. Я сразу поднялся:

— Ну что же, пойду.

— Ты чё соскочил? Ты нисколько не мешаешь! — успокоила меня Феша. — Я вот когда сижу возле нашей Ивановны, — то хорошо, сильно хорошо. Просто душа отдыхает, испаряется. Недавно чё она высудила... — Феша засмеялась громко, откинула голову. — Ну чё, говорить или обожать?

— Говорите, говорите! — поддержал я ее. — Сегодня праздник, можно все говорить.

— Ну ладно, коли есть разрешение... Она чё, Ивановна, высудила, как гвоздик в сапог забила: ты, говорит, Феша, редкая женщина. Таких людей, как ты, больше нет нигде. Вот так, молодой-интересный. А я училась-то всего ничего. А потом замуж вышла до полюбела...

— Не отрекаются любя, — вдруг услышал я за спиной. Я даже вздрогнул от этого густого громкого голоса. Возле меня стояла Нина Сергеевна и покачивала головой: — Значит, променял нас на старух? — Она бесцеремонно взяла меня за руку и сразу повела в танце и что-то запела. Я улыбнулся, она нахмурилась.

— Сейчас кончится эта тяготина, и я поставлю свой любимый «Аракс».

— Нет, нет, я устал.

— Устал — ха-ха! Рановато вы с Олегом хомуты-то одели. Надо было еще гулять да гулять. Жена теперь — не проблема.

— А я уезжать собрался... — почему-то вылетело у меня, даже сам не ждал.

— Что, в Москву пригласили?! На повышение?! — глаза ее загорелись азартно, взволнованно. Она теперь смотрела мне прямо в лицо, две золотые коронки тоже горели.

— Нет, в деревню Заборку. Отсюда три часа на автобусе.

— Ссылают, что ли? — Она сдохотнула, и сразу с ресниц что-то посыпалось. Она прикусила губу, наверно, чтобы не расхохотаться, и это меня разозлило.

— Никто меня не ссылает! Я сам с усам!

— Хорошо, хорошо. Это что, за бором ваша Заборка? — она снова хихикнула и скривила губы.

— Был когда-то и бор, была большая река, а теперь все изменилось. Поеду родную природу спасать и ребятшек учить по Ушинскому... Все в руках человека.

— Бедненький. А сам, наверно, давно в руках тещи.

— Наверно, наверно, — ответил я машинально, и она надула губы, скривила лицо. И танцевал я тоже теперь машинально, точно во сне, в каком-то тумане, и ноги мои заплетались и останавливались, как будто я лез по сугробам. И музыка, уже тоже была другая — какая-то нервная и напористая, как прилив. От нее болело в висках, и по всему телу двигалась, наступала какая-то щемящая пустота, а за ней шло безразличие. Я закрыл глаза, я устал. Я хотел избавиться от этой песни, забыть ее, и мне почти удалось, но потом снова, снова самая любимая певица страны опять с кем-то прощалась и никак не могла. Она прощалась в песне, а я думал, что все это в жизни уже, наяву, и это не она обращается к своему любимому человеку, а это я обращаюсь, но меня не слышат, не понимают.

*Жди и помни меня,
Улыбнись на прощанье...
Помни песню мою.*

Нина Сергеевна покусывала губы, ресницы ее моргали быстро-быстро и вызывающе, она точно бы кому-то мстила сейчас в своих мыслях, наказывала...

*Жди и помни меня,
Не тревожься — не надо...*

Она задыхалась часто-часто, как будто устала, как будто пошла в высокую гору, и в глазах у нее стало темно, безразлично. «Что с ней? Почему?» Но в ту же секунду закончилась музыка, и Нина Сергеевна подвела меня к Феше:

— Вот ваш кавалер.

Я сел с Фешей рядом, но она даже на меня не взглянула, она продолжала свой разговор:

— Не дай бог, Клава, еще войну пережить. Меня бы уж сейчас не хватило, я уж сразу бы померла...

Я знал, что на улице ночь уже, что давно дома меня потеряли, но что-то мешало мне встать и проститься, что-то мешало сделать эти три шага до двери. Наверно, усталость меня одолела, а может быть, задремал. Ну, конечно. Я дремал уже и куда-то проваливался, и только закрывались глаза, смежались, мне сразу виделась моя родная Заборка, моя далекая улица. А за улицей — степь и степь эта белая-белая, как простыня, и мне казалось уже, мне чудилось, что будто иду я, бреду по глубокому снегу и на мне полушубок, на ногах — широкие лыжи, а следом за мной все идут и идут ребяташки. Много, много их, наверно, полдерзны. Я веду их в ближние сосны, а потом мы выйдем на озеро, а потом мы покатым на дальние заливные покосы, а там, дальше, будет деревня Камышное. И там, возле этой деревни, мы найдем высокий обелиск с большой красной звездочкой. Там когда-то убили колчаковцы моего деда Николая Захаровича. И вот нет деда — одна только звездочка... И мы снимем шапки и будем слушать эту тишину и снега. И, может быть, услышим голос моего деда, голос крови моей, голос преданий... И сразу в горле поднимаются и встают слова: дорогая моя, милая родина, дорогая моя деревня... Дорогая моя Катюша, дорогая моя жена... Вы все без меня пропадете, завянете. Но как все это соединить вместе и чтоб не болела душа?..

«А я улетаю, но скоро вернусь», — пела громко певица. И я открыл, наконец, глаза. Я был все в той же комнате и на том же стуле сидел. Но все равно... Все равно что-то сдвинулось во мне, распрямилось, что-то перестало мучить, терзать. Я точно спокойнее стал и сильнее, точно очнулся сейчас после какой-то

болезни, и теперь все прошло, и ничего мне не страшно. «Ехать, ехать! Надо обязательно ехать в мою Заборку! Надо испытать себя в большом деле — иначе зачем жить, зачем и рождаться... Надо, надо!» — все кричало во мне и рвалось из горла. А в груди стало... легко, легко.

И дышалось теперь тоже легко, и в голове не кружилось. Клавдия Ивановна принесла опять чай и позвала всех к столу. Олег подошел к магнитофону, нажал на кнопку.

— Вот хорошо-то. Не могу слушать, уши болят. Да хоть бы добро чье-то поставили, а то улетаю да уезжаю... А куда уезжать-то? Я тридцать лет тут живу и все еще не пропала. — Феша прищурилась и посмотрела на всех точно бы с высоты.

— А тебе сам бог велел сидеть в этой дыре. Тебе бы даже Москвы не понять, — отбрила ее Нина Сергеевна.

— А чё Москва? Я и в Ленинград езжу, я и в Свердловске бывала, меня и в Челябину приглашали два раза, так что... так что вы, Нина Сергеевна, в меня сильно не тыкайте, а то у меня тоже острые локотки. Мне вон даже Клава и то «вы» говорит...

— Надо же! Мадам Фу-фу с городской окраины. А что имеешь-то, чтоб на «вы» навеличивать?

— А что имею, то все при мне. И под меня не подроетесь. — Феша стала мять ладони и похрустывать пальцами, потом платочек сняла с головы и тоже стала мять в руках этот темный платочек. Волос на голове у ней было немного, но все они были свернуты в аккуратную ладную шишечку. И теперь Феша смахивала на учительницу, которая занимается с первоклашками. Она сидела чистенькая, опрятная, как светлая синичка на жердочке. Еще миг — и чирикнет, улетит. Но она повторила снова ровным, сдавленным голосом:

— Что имею, то все при мне. И ты, девушка, не указывай...

Нина Сергеевна засверкала глазами:

— Да брось ты мне в глаза капать! Да много ли тебе надо, чтоб полы мыть да занавески стирать? Да хватит уж — прямо нервы все потеряла!

— А зачем нервы терять? У нас тут не принудиловка, никто никого не неволит. Встала бы, да оделась, да ушла бы поране — вот бы и нервы целехоньки. — Феша расправила на коленях платок и надела его, подвязав крепко под подбородком.

— Ну ладно, — вздохнула Нина Сергеевна, — я плохая, а вы хороши... — Она притворно вскрикнула, потом выдохнула сигаретный дым прямо Феше в лицо. Та заморгала испуганно и затрясла головой:

— Карта те в руку, бесстыдница! Я и так здыхать не могу. Весь денек не ложилась, не знаю, как до постели доковыляю.

— А вы идите в свою отдельную... У вас же есть номер «люкс». И у дочери вашей тоже квартира трехкомнатная. — Нина Сергеевна подчеркнуто назвала ее на «вы» и захохотала, как будто смешное увидела. Но этот смех повис одиноко, печально, а у меня сжалось сердце, и опять захотелось уйти. Но встала Феша со стула. Губы у ней подрагивали:

— Знаешь чё, девушка! Ты на меня не кати. Я тебе не погибалка какая, за меня и люди заступятся. — Она покраснела и стала трогать щеки, точно они у ней распухли и заболели. — И к дочери не посылай меня. Этот огород не ты городила, не тебе его разгараживать. У моей дочери уже трое ребятков, да муж есть, да свекровь лежит — ноги не ходят, не движутся. И каждому из них угол надо, да отдельную кровать, а я не хочу, милая, к ним на загорбок. Они, конечно, примут, не выгонят, но я сама не хочу. А тут я никому не мешаю. И все ко мне с уважением...

— Счастье какое... — Нина Сергеевна покрутила головой, призывая всех нас в сообщники, но никто не поддержал ее, никто не откликнулся.

— А мне и счастье! Люди уважают — и ладно. И дни длиннее кажутся. Мне уж теперь кажна минута, как божий дар. — Она замолчала, передохнула. Краснота на лице стала спадать. Да и голос стал ровнее, спокойнее: — И не надо бы тебе надо мной выкомуривать. И хоть бы позаочь, без меня, а то прямо в лицо мне сядишь и сядишь. А еще комсомолка. Ну как же так?!

— Не твое дело, техничка Феша! И не тебе учить меня, переучивать. — Нина Сергеевна задыхалась шумно, сердито, и все тело ее точно задергали. Ресницы у нее не мигали, а глаза стали, как яблоки.

— Нинка, кто тебя укусил? — вмешалась Елена Прекрасная. — У тебя глаза скоро вылетят. Кто их пойдет собирать?

Нина Сергеевна захохотала в ответ грудным нехорошим смехом. Все ее тело опять заколыхалось, задвигалось, и только сейчас я заметил, какая она — большая гора.

— А ты не хочешь! Ишь какой хохотун! — покачала головой Феша и снова села на стул. Откуда-то сбоку появился Олег. Он, наверно, выходил на крыльцо.

— Все кричите, значит. От чего ушел — к тому и пришел, — сказал устало Олег и прищурил глаза.

— Думал, что мы свежи, а мы все те же, — сдохотнула Феша и стала помешивать чай.

— Вот-вот... — отозвался Олег и приподнял голову. Лицо у него сделалось какое-то маленькое, бледное, безразличное. На верхней губе висел бисеринками пот. А брови были теперь черные-черные, почти угольные, нависшие, и этот уголь четко выделялся на белом лице.

— Что с тобой? — спросил я тихо Олега. Он рассмеялся и показал глазами на Нину Сергеевну. Потом наклонился ко мне к самому уху:

— Ты понимаешь, в ней что-то есть. И мне все еще ее жалко... Честное слово. Ты слышишь? Она же скоро сорвется. Она же на обрыве, ты понимаешь?

— Все мы, Олег, на обрыве... — сказал я тихо, потому что у меня снова заныло в груди. К нам подседа поближе Елена Прекрасная.

— Почему, мужики, замолчали? Заговорила вас княжна Нинель Воронцова.

— А ты осторожней, Ленка, с моей фамилией. Я, может, и правда княжна. — Нина Сергеевна засмеялась, откинула голову, и все ее большое, мягкое тело тоже вздрогнуло и пошло ходуном.

— Может, все может... э, — посмотрела на меня именинница. На лице у нее еще больше стало веснушек. А голос теперь был тоже усталый, она еле-еле ворочала языком: — Когда я занималась в училище, у нас литературу вел Синебрюхов. Ей-богу, не стоять мне на месте! А потом паспорта поменяли, и он стал Ленский Героль Александрович. Сменил, конечно, фамилию. И ты, Нинка, сменишь. Вот выйдешь замуж и сменишь.

— А за кого?

— Ладно уж, за меня... — как-то обреченно сказал Олег и стал медленно разливать вино. Рука у него печально подрагивала.

— А ты не гордись, Олежка! Лучше у жены спроси, можно ли тебе у нас задержаться. Спроси, спроси, может, разрешит. Охо-хо! — Она притворно вздохнула. — Глаза бы мои ни на что не глядели. Быстрее бы в Москву! — Олег

посмотрел на нее внимательно и отвернулся к окну. Лицо его совсем побледнело, осунулось. Возле губ образовался синеватый злой полумесяц, как будто траурное кольцо.

— Не по средствам, Нина, живешь. Москву надо выстрадать, а потом уж... Я ведь тоже мечтал...

— Что-то ты сильно мечтал, Олечка. Говорят, деньжонок скопил уже на две «Лады». И построил гараж и баню...

— Нинка! Ты сегодня затихаешь?! — взмолилась Елена Прекрасная. Но та, к кому она обращалась, опять подняла кверху руку:

— Господи, помилуй мя грешную. И зачем только пожелала в эту дыру?! Провинция — страна чужая, страна чалдонов и собак... Ха-ха! — Она захохотала и далеко выдохнула сигаретный дымок. — Когда я училась в Москве, это написал Костя Лямин. Все ручки целовал мне, лизался, а сам бледный, синенький, как стручок.

— Тебя послушать, Нинка!.. Кто только за тобой не бегал! Один король арабийский не бегал... — Именинница говорила медленно, потому что жевала конфеты.

— А ты завидуешь мне, Елена... А я вина хочу-у настоящего! Где моя большая соска? — Она сморщила лицо и зарыдала притворно. Потом пискнула, как ребенок. Все засмеялись, даже у Феша напряглось личико, оживилось.

— Ты артистка! Ты наш золотой фонд, наша гордость! — произнесла напыщенно именинница и раскурила медленно сигарету.

— О, да-а! Когда я училась в Москве, то снималась с Эрастом Гариним.

— В массовке-то — из-за будки выглядывала, — засмеялся Олег, — видели мы там народную артистку Нину Сергеевну.

— Именно из-за будки — ты прав. Но кто выглядывал-то? Может быть, ты? Или она? — Нина Сергеевна посмотрела в упор на Фешу.

— Да ладно уж, убедилась, — усмехнулся Олег и сразу же погрузился. Синий круг возле губ у него стал еще жестче, отчетливее.

— То-то же! В кино ходить надо, а то слушаем тут старух...

— Мы не старухи, — засмеялась Клавдия Ивановна. — Мы — ветераны труда.

— Мы с Клавой еще за себя постоим! — подговорила Феша и стала что-то подбирать на столе.

— Да хватит тебе, Феша, паясничать! Прямо лезешь, управы нет! — не сказала, а почти выкрикнула Нина Сергеевна. Она еще хотела что-то добавить, но Олег поднялся со стула.

— Мне пора. Я по домам.

— Да как же уходить-то с таким настроением! — взмолилась Клавдия Ивановна. — Эта вот ревет уже. — Она показала глазами на Фешу. — А ее слезы сильно дорого стоят. Она давно на таблетках да на уколах. У ней уже был инфаркт...

— Знаем, знаем. Тогда работать не надо. А то и пенсия и зарплата! А все деньги — на книжку. Это ж народный капитализм, дорогие...

— Нет, Нина Сергеевна, я сберкишечек не знаю. За мной одна комнатенка и больше нет ничего, — сказала Феша тихим, подавленным голосом и опять сняла с головы платок, стала распрямлять его на коленях.

— Ну и живи в ней, я же не выгоняю. Хоть и право есть. Я же молодой специалист, ха-ха...

— Какие вы быстрые, нонешни. Вам сразу вынь да положь. — Феша стала крутить головой, точно искала поддержку. Но Олег промолчал, а Клавдия Ивановна разглядывала внимательно портрет Баха и была отсюда далеко-далеко. Именинница тоже была не здесь. Она немного подкашливала, а в левой руке держала зажженную сигарету, — она дымилась и догорела почти до ногтей, но рука не чувствовала огня. Нина Сергеевна подняла глаза:

— И чего все держатся за работу?..

— Верно, Нинка. А по мне бы лишь бы семья была, — сказала задумчиво именинница. — Для меня женщина — это семья, а мужчина — это работа. Вот наступит мой день — и нарожу своему черненьких, рыженьких...

— А-а, Елена... Тебе бы все семья да пеленочки, а я жить хочу, моя дорогая! И чтоб широко, по-русски, чтоб лучше всех! — У нее обиженно задрожал подбородок, а глаза покрылись густой темной пленочкой, и эта пленка то пропадала, гасла, то вспыхивала, то переливалась ярко, как ртуть. А Феша медленно покачивала головой:

— Детки — это хорошо, я поддерживаю. Я вон внучку часто беру к себе. А она у меня сильно ласкова. Прямо кошечка, ясное море...

— Сама ты кошечка! — захохотала Нина Сергеевна. — И коготки еще сохраняешь. А что! Прямо проходу нет от ветеранов труда. В магазине им — в первую очередь, и квартиры им — в первую очередь...

— И на кладбище им — в первую очередь, — сказала Клавдия Ивановна и устало зевнула.

— О да-да!! — поправилась Нина Сергеевна. — Но если уж честно, товарищи, то за нами — завтрашний день, а за ними — песочек.

— За кем за ними-то? — обиделась Клавдия Ивановна и прикрыла глаза ладонью. Эта ладонь была старая, как сухая кора, по ней шли толстые синеватые жилы. Я перевел взгляд на Олега, но тот от меня отвернулся и устоялся в стол. «Что с ним? Таким печальным еще он не был. Таким скучным, подавленным. А может быть, это уже безразличие?.. Ведь мы так давно с ним откровенно не говорили, не спорили...» — Но мои мысли перебила Елена Прекрасная:

— А я вот не боюсь ложиться в песочек. Были бы дети, а так что оставлять.

— Рано-рано вы нас отпевае, — вздохнула обиженно Феша и подняла кверху голову. Ее невидимые бровки тоже приподнялись, напряжились, и лицо стало похоже на желтую луковку, с которой сдернули кожицу. И голосок тоже вышел обиженный. Она говорила и смотрела на Нину Сергеевну, точно впервые увидела, точно бы изучала: — А если мы сильно не глянемся, то зачем сюда ехала? В такую даль полпелась да из самой Москвы. А зачем? Я бы вот своих внуков тебе не доверила...

— Я бы прямо о них заплакала...

— А хоть прямо, хоть криво, а никогда!

— Да замолчи ты, пустая чернилка! А кому б ты доверила? — Нина Сергеевна даже соскочила со стула. — И Москву ты не трогай, не трети! Я за нее вот так вот дралась! Я только в институт два раза пыталась, только на третий раз приняла... — Она задыхалась и схватилась за сигареты. А Феша тоже поднялась на ноги и молча смотрела в пол. Так прошла минута, другая. Я оцепенел и почти не дышал. Потом Феша подняла глаза и спросила чужим громким голосом:

— Ты мне объясни, что такое чернилка? — Феша поглаживала щеку ладонью и уже жевала таблетку Клавдия Ивановна поддерживала ее за левый локоть. Нина Сергеевна надула губы и что-то ворчала — не разобрать. Олег показывал мне глазами на дверь, но я прирос к стулу и какая-то странная тяжелая апатия наступала опять на меня.

— Ты объяснишь мне или же так? — Феша громко охнула и схватилась за грудь, и тогда я не выдержал:

— Да помири ты их, Олег! Ты ж здесь хозяин!

— Сиди, сиди, перемелется. — Он устало махнул рукой, усмехнулся.

— Во-во! Перемелет меня эта старуха, — сказала Нина Сергеевна, и в это время Феша вдруг повалилась и повалилась. Ее уже на лету подхватил Олег и довел до дивана. Нина Сергеевна трясла головой и жадно курила:

— Ой, нервы, нервы! Скоро буду такая же... Быстрой бы вылезти из этой норы...

Над Фешей наклонилась Клавдия Ивановна и поманила глазами Олега:

— Надо бы «Скорую». Где у нас телефон?

— А-а, успокойтесь, — засмеялась Нина Сергеевна. — Когда я училась в Москве, у меня часто шалили нервишки. Но я элениум все глотала. Да-да, помогало. У кого он есть, может, дадим?

— Да уйди ты с глаз! Ты ж ведь ее и довела! — сказал с раздражением Олег, но та уже не слышала его — она звонила по телефону:

— Галочка, сейчас телефон наш займут. Я приду в общежитие минут через двадцать. Ты не спи, будем кофе пить. — Но в это время на рычажок надавил Олег:

— Отойди, надо «Скорую». — Нина нехотя отдала ему трубку:

— Нашелся, слава богу, брат милосердия. Я тебя, Олечка, больше в упор не вижу... Товарищи! А где же музыка? Мы, что ли, больше не будем...

— Нинка, дурила! У нас человек на диване, а ты плясать?! — сверкнула на нее взглядом Елена Прекрасная, но та ей ничего не ответила, — она жадно курила и смотрела в окно.

Я помню, как приехал врач. Зашла красивая девушка в белоснежном халате. А может, у нас было сильно накурено, потому таким белым-белым показался халат. Врач послушала пульс у Фешы, потом смерила давление по аппарату. Когда надувала грушу, то щеки у нее покраснели и раздурманились и лицо стало еще лучше, красивей, — я не видел в жизни красивой лица. А Феша дышала медленно, как будто спала. Красавица еще раз смерила ей давление и прищурилась: «Я ее забираю с собой. Ей нельзя без врача...»

Олег помог Феше подняться. Он же и вывел ее к машине и усадил. Я стоял на крыльце и глотал свежий воздух. Машина медленно пошла, засигналив, по пустой мокрой улице... С крыш что-то валилось, капало, казалось, что над городом идет дождь, — нет, не дождь даже, а бусит мелкий дождичек: кап, кап, кап, кап... Такие дожди бывают часто в июле. Они длится целый день и всю ночь, потом еще день, еще ночь. А потом над городом встает бездонное небо и тишина. Она ложится тягучим теплом на душу, укачивает, — и всем от нее хорошо, и людям и птицам, особенно птицам от нее хорошо. Они поднимаются в эту синь и там кружатся, кружатся, точно благословляя землю и всех людей на земле... Вот и тогда над городом стояла такая же тишина.

А на другой день подморозило. И в этот морозец я увидел первых грачей. Они сидели на тополях, синевато-черные, изумрудные, на них падали длинные косые лучи, а рядом с птицами было небо, небо, простор. Я давно не видел такого неба, такой весны. И мне бы радоваться, мне бы дышать, но что-то мешало и останавливало, да и болело сильно в груди. И на другой день не пришло облегчение. И тогда я стал искать встреч, разговоров. Я позвонил Олегу, но не застал.

А на третий день я пошел по своей любимой дороге и опять уперся в реку. Но меня остановили не обрыв, не река, а музыка. Она играла где-то рядом, печально-нежная, горькая, но я не мог понять, где она. Наконец, догадался, ведь рядом же музыкальная школа, да скоро и музыканты вышли толпой на крыльцо. За ними показались люди с венками. А потом явился из дверей огненно-красная крышка гроба, а за ней и сам гроб. Я смотрел и не верил. Издали гроб казался маленьким, узеньким, почти детским. «Да что же это? Куда я попал?» Музыканты опять заиграли и медленно-медленно двинулись к автобусу, на борту которого темнела траурная черта. Я подошел поближе к крыльцу. Здесь уже стоял директор — тот круглый, маленький, черноглазый. Он был сегодня суровый и строгий и опять походил на настоящего князя. Рядом с директором были Олег и молодой парень в дубленке с пышными отворотами. Возле парня о чем-то щебетала Нина Сергеевна, и тут меня увидел Олег:

— Ты понимаешь... Феша-то наша поехала. Второй инфаркт — и прощайте, товарищи, все по местам... — Он улыбнулся мрачно, с каким-то тайным значением, потом спросил у меня:

— Ты не хочешь с нами на кладбище?

Я молчал, я просто застыл на месте. Тогда Олег заговорил сам с собой:

— Я, пожалуй, тоже не поеду. Да и есть кому. У ней дочка-то молодец: и автобус наняла... И живые цветы... И музыканты даже не наши. Знай только умирай.

Я молчал, меня точно оглушили, и я не знал, что подумать. А автобус уже развернулся и медленно уходил. За ним поплелся второй автобус, очень старый, продолговатый. Такие ходили по нашему городу.

— Да-а, дела, дела... — Я оглянулся на голос Олега, но это был совсем не Олег, а тот парень в дубленке. И тут я догадался: это, наверно, племянник директора?

— Дела-а, — опять повторил он.

— Как сажа бела, — усмехнулась Нина Сергеевна и взяла сигаретку. Племянник тоже закурил, потом обратился к ней:

— Ты не слышала, да... У армянского радио спрашивают: почему жена плачет, когда муж домой не приходит?..

— Не так, не так! — прервала его Нина Сергеевна. — Когда я училась в Москве, за мной бегал один Костя, так он по-другому, ты слышишь, Адик?

«Ты слышишь меня? Ты слышишь?..» — звал я кого-то, но ни одного вздоха в ответ, ни голоса... Возле меня нестройной толпой прошли ребяташки — ученики. Они сели уже в третий большой автобус и загадели. Нина тоже с Адиком подошла к подножке и заскочила туда. И вот уж нет машин, нет людей — все уехали, и только далеко по улице все еще раздавались гудки. Это шоферы кому-то сигналили, а может быть, так они прощались с человеком. Кто их поймет...

И вышел на обрыв и взглянул на тот берег. «Господи, какие все же снега, какие пространства!» И только далеко-далеко, километров за пять, темнели чьи-то плетни или домики. Там стояла деревня, там кто-то жил... И я напрягал, напрягал глаза и вдруг увидел там белую колоколенку. Она сливалась со снегом и смешивалась, и только там, где был крест когда-то — золотое сияние, желтое пятнышко, — теперь стояло белое-белое марево: не то снег отсвечивал, не то воздух клубился, не то просто устали глаза.

«Ты слышишь? Слышишь меня?..» — опять звал я кого-то, но ни одного вздоха в ответ, ни голоса. И только над головой у меня что-то тихо-тихо, печально позванивало, как будто колокольчик какой-то или небесный хрусталь. Но я знал, что это, я чувствовал, это просто с неба, прямо с самого неба опускалась на город весна.

ПАРАШЮТНАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА
СПОРТИВНОЙ АМУНИЦИИ

Слава ТАЙНС.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

лыжного трамплина, то на мгновение захватывает дух. Когда выпадаешь из проема «аннушки», будто проваливаешься в бездонную яму и тебя захлестывает пучина. Сердце замирает, и ты весь во власти, казалось бы, неподвластной стихии. Во время второго или третьего прыжка уже испытываешь не оцепенение, а истинное наслаждение от свободного полета. Особенно приятен, когда полностью отделаешься от болезни высоты, затяжной прыжок. Разве сравнимо с чем бы то ни было чувство, когда летишь камнем вниз, и, владея телом, плывешь по упругой воздушной волне, и глядишь на проясняющиеся очертания земли, отыскивая нужный ориентир.

Под раскрытым куполом парашюта сидишь, как в кресле, и под тобой во всей неопишуемой красе расстилается живописный ландшафт. Никакие краски художника не в силах передать величественный покров земли, и ты наслаждаешься, словно зритель, которому выпало счастье взглянуть на редкостную картину. А затем принимаешься за работу: подтягивая стропы, заставляешь парашют развернуть тебя лицом по ветру, скользить в разные стороны. Впереди цель, и нужно приземлиться как можно точнее.

Парашютный спорт получил у нас большое развитие в тридцатых годах.

Активным пропагандистом этого вида спорта в СССР был известный летчик Николай Остряков. В начале тридцатых годов он окончил летную спортивную школу добровольного общества, предшественника ДОСААФ. Летал в Тушине. И стал заместителем начальника организованной там высшей парашютной школы. Затем его направили в Киев развивать парашютный спорт на Украине. Воевал в Испании, учил молодых пилотов на Дальнем Востоке, а во время войны с фашистами командовал авиацией Краснознаменного Черноморского флота. Герой Советского Союза Николай Остряков погиб при обороне Севастополя.

— Коля оказался талантливым парашютистом, поэтому его, несмотря на летное образование, и направили к нам,— вспоминает Анна Владимировна

ЗНАМЕНИТАЯ «АННУШКА»
ВПЕРВЫЕ
ВЫВОЗИЛА В НЕБО
ТЫСЯЧИ ПИЛОТОВ
И ПАРАШЮТИСТОВ.

В СВОБОДНОМ ПАДЕНИИ.

Острякова, бывшая в то время секретарем Тушинской высшей парашютной школы, а позже вышедшая замуж за этого увлеченного человека.— Нас тогда было мало. И все мы делали своими руками: порой даже сами шили парашюты. Сейчас я смотрю и удивляюсь, как широко развился этот спорт, зачинателями которого мы с Колей были. И когда вижу парашюты с дырками, похожие на матрасы, то невольно соотношу с теми, с которыми мы когда-то прыгали. Нынешние — на уровне космических достижений.

И в Москве и в Киеве, где Николай Остряков начинал развивать массовый парашютный спорт, сложились наиболее сильные команды. Александра Хмельницкая, тренер сборной Украины в семидесятых годах, как-то предложила своему коллеге, тренеру московской сборной, великолепную идею.

— Николай Остряков связал своей судьбой наши команды, говорила мне Шура,— вспоминает Владимир Горбунов, и поныне тренер сборной Москвы.— Почему бы нам не встречаться на товарищеских состязаниях?!

И вот на аэродроме под Волоколамском взвился флаг соревнований — открылась десятая традиционная встреча на кубок Героя Советского Союза Николая Острякова. Команды москвичей и украинцев — мужские и женские. Девушки нашей страны давно доказали, что они такие же смелые, как и парни. И сегодня их приветствовала с трибуны самая отчаянная. Лидия Сергеевна Епишева, первая в стране женщина-парашютистка, с улыбкой провожала в небо молоденьких девушек. Например, Ольге Медведевой всего 21 год, а на ее счету уже свыше семисот прыжков, и она лидер московской сборной.

Помню, как без пяти минут летчики, мы, курсанты Серпуховского аэроклуба, сидели тесным рядом в монотонно гудящей «аннушке». Медленно карабкался вверх двукрылый самолет, выходя на стартовую высоту. И нам нужно было прыгнуть вниз, чтобы получить путевку в свободное воздухоплавание. В воздухе всякое может случиться. И, допуская нас к самостоятельным полетам, тренеры должны быть уверены, что их воспитанники не растеряются в аварийной обстановке.

С каким старанием мы еще и еще раз укладывали парашюты! Тут никто не отвлекался, каждый стал архиприлежным учеником, жадно ловил слова наставника. Знали, что любая наша оплошность обернется непоправимой трагедией. В конце концов каждый ставил себе оценку и расписывался в паспорте уложенного им парашюта. И никакого тебе ОТК. Такая мера ответственности для большей уверенности в себе.

Но броситься в бездну тем не менее непросто. Каждому новичку предстояло перешагнуть порог страха. И мы старались ничем не выказать его друг перед другом. Храбрились, пытались шутить и даже петь. И вот загорается сигнальная лампочка, тренер цепляет крючок фала за металлический стержень, открывает дверь — и перед тобой проем в зияющую пустоту. Короткая, резкая команда: «Пошел!» Два-три шага стремительного спринта — и падаешь в океан жидкого воздуха.

Когда прыгаешь даже с небольшого

СЮИТА

**КАЖДЫЙ СПОРТСМЕН
САМ УКЛАДЫВАЕТ
СВОЙ ПАРАШЮТ.**

**БЫСТРО
«ПОГАСИТЬ» ПАРАШЮТ —
ОДНО ИЗ СЛАГАЕМЫХ
МАСТЕРСТВА.**

— Парашютная симфония, — обронила Анна Владимировна Острякова, разглядывая разноцветные купола, расцветившие небо, сказала с тем непередаваемым выражением на лице, которое можно увидеть лишь на лицах влюбленных.

Такие же одухотворенные лица мы видели у участников юбилейного матча, когда разговаривали с ними по вечерам в бывшей усадьбе Гончаровых в деревне Ярополец, где расположен дом отдыха МАИ. Для многих из них парашют стал и первой любовью и настоящим призванием. А старший тренер столичной команды Владимир Горбунов несет эту любовь в своем сердце двадцать лет. Подумать только — он прыгал с парашютом почти три тысячи раз. И прыгает сегодня, как он пошутил, «для поддержания тонуса».

...В «Ан-2» привычно, без суеты входят девушки. Знакомая команда: «От винта!» — и «аннушка» после короткого разбега взбирается по склону воздуш-

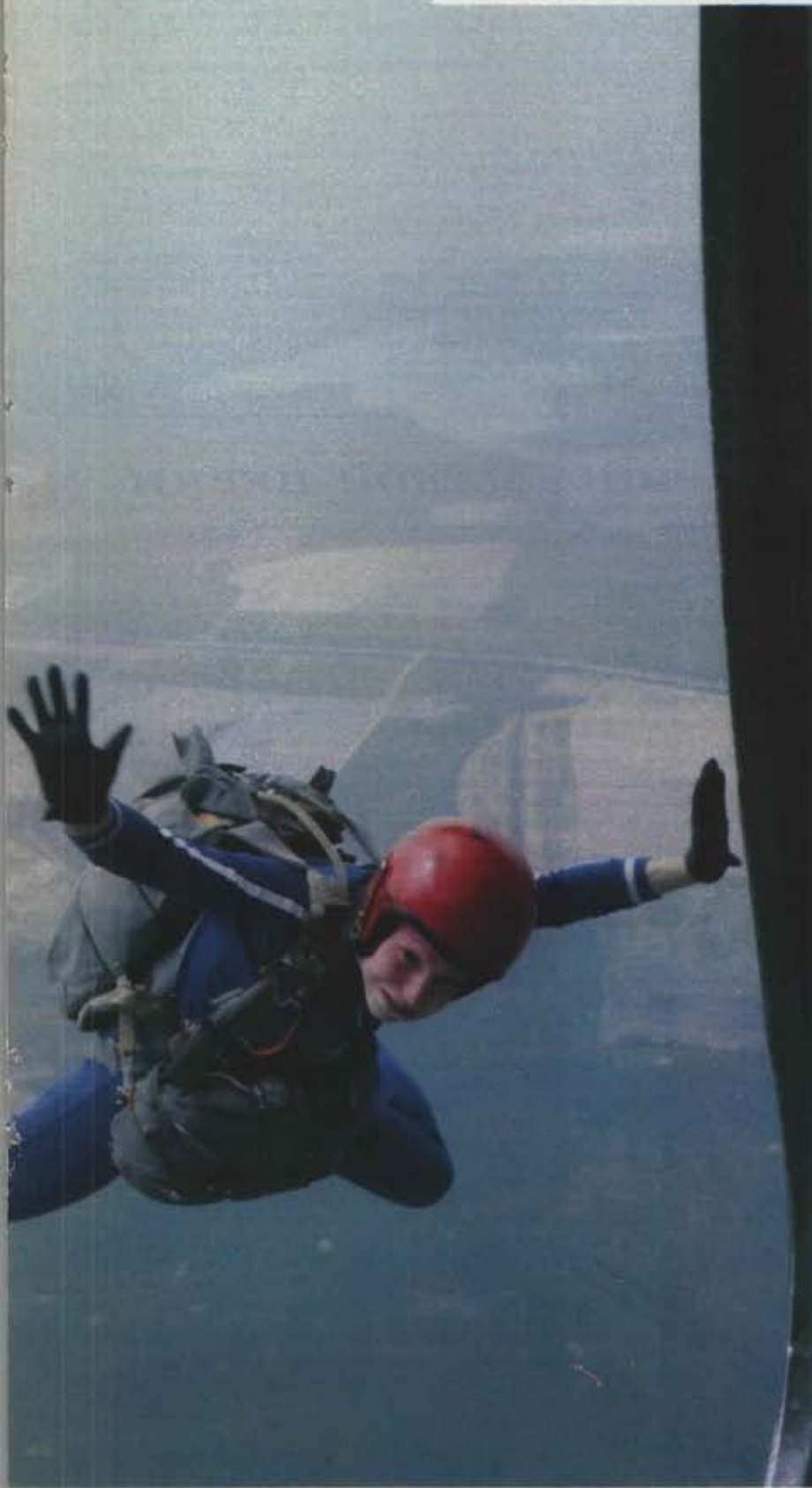
ной горы. Маленький самолет медленно набирает высоту, с которой, как с отвесной скалы, ринутся вниз парашютистки, оспаривая пальму первенства на точность приземления. У каждой из них пять попыток. Необходимо приземлиться в центр зачетного круга и ступить ногой на небольшой диск, автоматически фиксирующий точность попадания. Лучшим снайпером оказалась Ирина Тивелькова. В сумме ее отклонение от «десятки» составило всего 21 сантиметр. Она москвичка, мастер парашютного спорта международного класса, работает инженером и 12 лет не расстается с аэроклубом.

Среди мужчин в личных состязаниях на точность приземления выиграл мастер спорта москвич Владимир Газетов.

Сегодня мало уметь владеть парашютом. Нужно научиться управлять и своим телом. Иначе говоря, каждый парашютист должен стать воздушным акробатом. Таковы условия соревнований. Но проделать воздушные сальто и спирали — это полдела. Необходимо весь комплекс акробатических трюков совершить в длинные полминуты затяжного прыжка! Каждый спортсмен совершил по три акробатических прыжка. Зрители — их собралось немало — затая дыхание наблюдали эту безмолвную парашютную сюиту. А строгие судьи в подзорные трубы засекали время, словно отсчитывали музыкальные такты, и не глядя ставили на бумаге черточки стремительно набираемых баллов. И опять среди женщин на пьедестале почета Ирина Тивелькова, а среди мужчин — мастер спорта международного класса москвич Александр Парфенов. Он и Ирина стали абсолютными чемпионами матча.

Москвичи стали победителями и в командном зачете. Им вручили переходящий кубок с портретом Николая Острякова, начинавшего в Подмосковье исполнять первые вступительные аккорды парашютной сюиты.

ВПЕРЕДИ ЗЕМЛЯ.

А ЧТО У ВАС?

ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

«Мне кажется: места для подвигов, для риска в жизни становится все меньше. В мирное время случай рискнуть представит разве что оползень, ураган или цунами — одним словом, стихия. Ушли в прошлое времена, когда ученый, чтобы совершить открытие, «вынужден» был становиться как бы по совместительству еще и героем. И это я считаю естественным: никакая научная истина не стоит того, чтобы подвергать себя опасности.

Но некоторые исследователи все же рискуют. Зачем? Для спортивного азарта? Недавно в СССР побывал знаменитый норвежский ученый и мореплаватель Тур Хейердал. Уважаемые товарищи из «Смены», вы случайно не в курсе его взглядов по этому поводу?

Андрей ОРЛОВ,
Нижний Тагил

**«ТЫ ДОЛЖЕН
ЖИТЬ,
ЧУВСТВУЯ,
ЧТО ТЫ ПРАВ», —**

считает прославленный ученый и путешественник Тур Хейердал. — Господин Хейердал, переплывали океан и вы и, например, французский врач Ален Бомбар. Вы оба рисковали. Но Бомбар делал это ради тех бедняг, кто потерпит кораблекруше-

ние и останется один на один с волнами: тут-то и пригодится рекомендация, добытая на судышке француза. Ваша же гипотеза о заселении Полинезии из Южной Америки, а не только из Азии — это все же другое. Полинезия заселена в глубокой древности, а экипаж рискует сейчас... Оправдывает ли «чистое знание» высокую ставку?

— Да, действительно: казалось бы, именно прошлое было двигателем «Кон-Тики», двух «Ра» и «Тигриса». И все же это не совсем так. Во-первых, мои экспедиции связаны с самой что ни на есть практической пользой. Мы питались планктоном и установили, что в некоторых районах океана он представлен полезной и даже вкусной рыбьей икрой. Мы пили морскую воду и выяснили, что приемлемое отношение соленой воды к пресной — это двадцать к восьмидесяти, тогда здоровье не страдает. Небесполезные выводы, правда?

И второе, главное. Наш риск не был вызван спортивным азартом. Понимаете, в жизни всегда есть и прошлое и будущее. Если мы живем только настоящим — значит, мы не понимаем жизни. Мой интерес к прошлому — на самом деле интерес к будущему. Знания о древности нужны для главного — для прогнозов. Куда идет человечество? Из древности, издавала, лучше видно.

— Например, что? — Хотя бы нашу — нет, не одинаковость, — а общность с людьми, которые жили в древние времена. Одним из научных выводов моих исследований является такой: наш мозг, наш интеллект не изменился за последние пять тысяч лет несколько. Так вот, че-

стное слово, стоило рисковать, чтобы понять наших далеких предков, понять, в чем они видели смысл жизни, как они представляли себе счастье.

Чему нам следует поучиться у древних? Есть такая поговорка: «Время — деньги». Если это правда, то люди многие века назад были более «состоятельны», нежели мы. Мы часто тратим время не на то, не на главное и не понимаем, что единственное, чего нам по-настоящему не хватает, — это годы, дни, часы жизни.

— Тур Хейердал — для многих образец человека, добившегося в жизни многого. Вы утверждали свои убеждения, повидали множество интересного, закалили тело. Говорят, вы болели в последний раз в 1957 году, и то гриппом, и то за компанию со всей Европой — «азиатская» эпидемия. Неужели у вас нет никакого секрета самосовершенствования?

— Начну со здоровья. В здоровом теле здоровый дух — эту мудрость я не стану повторять. Как поддерживаю форму? Никогда не курил. Не понимаю такого отдыха: сел, развалился в кресле — уф... Хотя и утреннюю зарядку никогда не делал: терпения нет. Зато хожу в поле, в лес, расчищаю там завалы, обрезаю в саду деревья — это каждый день. Встаю в шесть утра, к утренней работе приступаю не сразу, через час. После пяти часов вечера только физический труд.

Что касается успеха в жизни — тут все банально. Ты должен жить, чувствуя, что ты прав. Тогда все удается. Если не чувствуешь — все сломай, начини сначала. Это тот случай, когда рискнуть необходимо.

Беседа вел Илья ВАЙС

СМЕЛЫЕ ЛЮДИ

Учебник с неба

Эти подарки курсантам Криворожского авиационного технического училища гражданской авиации действительно «свалились с неба». Прямо посреди пахотного поля, поблизости от учебного полигона приземлились два самолета «Ту-134», перелетевшие сюда из Ленинграда.

...Несколько суток — днем и ночью — готовили курсанты посадочную грунтовую полосу. Тщательно трамбовали и закатывали землю.

...Штурман — испытатель Игорь Абдуллаев после точных расчетов с первого же захода ювелирно вывел «Ту-134» к намеченной цели. Все решали секунды. И вот уже летчики-испытатели первого класса Николай Юрсков и Владимир Введенский прижимают машину к земле. Чтобы сократить рискованный пробег по грунтовой полосе, испытатели распускают позади хвостового оперения огромный купол тормозного парашюта. Прокатившись чуть более шестисот

...НА ДВА СЛОВА!

Возле нашего дома в хлебном магазине № 16 работает выставка — консультация для тех домохозяйек, которые не хотят выбрасывать черствый хлеб.

Прямо в магазине можно получить рецепты разных блюд из торбушек. Например, как делать оладьи и блинчики из мелко растертой сухарей, пудинг, шницели из размоченной в молоке булочки с измельченными яйцом, зеленью и т. д. За консультациями можно обратиться в наш городской трест столовых и ресторанов, где придумали все эти рецепты.

Владимир БЕРЕЗЛЕВ,
Ставрополь

метров, «Ту-134» плавно замедлил ход и остановился посреди поля.

Теперь эти лайнеры стали учебными пособиями будущих авиаспециалистов. Кстати, Криворожское училище — одно из крупнейших в стране. Здесь учатся курсанты из всех республик СССР, а также из социалистических государств и развивающихся стран Азии, Африки, в гражданской авиации которых успешно эксплуатируются эти машины.

Борис БЫЧКОВ

Тяжеловато держать в руках толстенный том с надписью, тисненной золотом: «Наблюдения Метеорологической обсерватории Петровской земледельческой Академии в Москве. 1882—1890 гг.». На страницах этого дневника — результаты измерений тех далеких дней: давление, температура, влажность, направление и сила ветра...

Судя по записям, 2 октября 1882 года сотрудники обсерватории наблюдали над городом весьма редкое для средних широт явление — северное сияние. А вот выписки уже из другого тома — 2 июля 1898 года порывы ветра были настолько сильны, что «повалило будку с самопишущими приборами...».

Самый холодный день, который зафиксировали в Москве, — 17 января 1940 года. Столбик ртути опустился тогда до отметки минус 42,3 градуса. Даже исключительно жарким летом 1981 года не был побит рекорд температурного максимума — плюс 36,8 градуса. Такая жара стояла в Москве 7 августа 1920 года...

Станислав КОСТЫЛЕВ.
Фото Владимира МАШАТИНА

ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ

ГАРДЕМАРИНЫ МАЛОЙ НЕВКИ

...Память о славных деяниях россиян — наше национальное духовное богатство. И искренне порадовался я, когда сойду на берег с современного быстролетящего катера, повстречал у кромки воды Рудольфа Андреевича Пожогина, начальника уникального подросткового Петровского военно-исторического клуба в Ленинграде, ревностного хранителя русских морских традиций.

— Клуб наш создан более десяти лет назад по инициативе Петроградского райкома комсомола и местного Совета народных депутатов, — говорит Рудольф Андреевич. — В те годы выделили нам участок земли на месте какой-то старинной дворянской усадьбы.

Уже тогда неуклюжую формулировку «запись в члены клуба» сменили на несколько ироничную, но соответствующую духу минувшей эпохи — «рекрутский набор».

Надо ли подчеркивать, сколь велико было число желающих (рекомендованных, кстати, комсомольскими организациями) попасть в «пофамильные» книги. Подростки активно включились в благоустройство территории, строительство необходимых береговых сооружений, оформление по подлинным чертежам старых судов, подаренных шефами: рыбаками, речниками, моряками. Шили паруса, ставили мачты, натягивали ванты.

Сейчас в составе клубного флота фрегат, шнек, два карбаса, галера. По внешнему облику и внутреннему убранству любое из них до мельчайших подробностей соответствует прототипам.

И все члены клуба именуются не как-нибудь, а комендантами, гардемаринами, гребцами галер, здесь регулярно проходят построения, эскерцисы с «оружием» под барабан и флейту... Причем все «рекруты» одеты в собственноручно изготовленные «петровские» мундиры. Так же происходит и развод на занятия: по навигации и судовождению, на уроки истории русского военно-морского флота, на практические занятия — строить ли кузницу, драить ли палубу фрегата, красить ли корабельные пушки.

Немудрено, если учесть, что и сам начальник клуба, и его заместитель по политической части О. В. Соколов, многие консультанты имеют за плечами исторический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова.

Стоит ли удивляться, что кинематографисты стали приобщать членов клуба к съемкам исторических фильмов: «Сломанная подкова», «Звезда пленительного счастья», «Юность Петра». «В начале славных дел...» И вот теперь на очереди картина «Россия молодая».

...НА ДВА СЛОВА!

На Горьковской железной дороге появился «именной» электропоезд. На борту его — надпись: «Комсомольцы Дона — XIX съезду ВЛКСМ». Эту машину в канун комсомольского съезда подарили нам ребята с Новочеркасского электровагоностроительного завода. А первым машинистом электропоезда работает А. Толстов, делегат XIX съезда комсомола. Хорошо работает!

Михаил ШМАКОВ,
Горький

Валерий НИКИФОРОВ.
Фото Игоря КРУЖАНОВА

НА ДВА СЛОВА!

В нашем городе началось строительство первого высотного дома. Первая четырнадцатитажная башня будет возведена у подножия Копет-Дата. Здесь со временем будет построен целый микрорайон из таких же «высоток». Ученые счи-

тают, что почва предгорий хороша гасит подземные толчки, но тем не менее каждая конструкция предварительно проходит экзамен на прочность в условиях искусственного землетрясения.

А. КУРБАНОВ,
Ашхабад

«СМЕНА» 50 ЛЕТ НАЗАД

«ОБРАЗЕЦ ХОЗЯЙСКОГО ОТНОШЕНИЯ»

«Комсомол Советского Союза... отчитывается перед пролетарской молодежи всего мира производственными достижениями на фронте угля, нефти, руды, чугуна, стали и электричества,— писала в августе 1932 года «Смена».— Комсомольцы... показывают образец хозяйского отношения... ко всему тому, что в нашей стране уже не является объектом наживы биржевых акул, а стало священной общественной собственностью».

И, как бы в подтверждение вышесказанного, журнал под рубрикой «Контур второй пятилетки» печатает большую статью о грандиозных задачах, которые стоят перед комсомольцами, поехавшими обживать «край далекий, но наш» — Дальний Восток.

«Чем же был Дальний Восток? Практически на востоке страны лежал плохо разведанный остров величиной с пять Франций и с населением Ленинграда». Условия задачи дня просты! «На 3,29 известных геологам процента территории края известно 800 месторождений полезных ископаемых. Какие резервы второй пятилетки скрывают остальные 96,71 процента — неизвестно. Найти и взять под учет остальное под силу... многотысячной армии разведчиков пятилетки».

И это только один этап в освоении края. Но уже есть кое-какие сдвиги. «От 54 школ царской губернии, нищенских 37 процентов грамотного населения, край поднялся до 65 процентов». «Лицо края начинают представлять и учитель туземной школы на Анадыре, и 1600 рабочих Дальзавода».

Словом, «шестидесятитысячный отряд дальневосточного комсомола — бригада... которая... поможет стереть последнюю память о плохо разведанном каторжном острове, величиной с пять Франций, лежавшем когда-то на востоке страны».

...НА ДВА СЛОВА!

В нашем городе живет один художник, который «пишет» свои картины обыкновенным песком. Это Г. Акалян. Уже двести картин создал он. Вместо холста у него — лист фанеры, на который наносится

клеявая смесь. На нее-то художник и насыпает песок. Получается очень красиво, так как песок в наших краях можно встретить удивительный, буквально каждая крупинка имеет свой цвет.

Акоп АРОЯН,
г. Артик Армянской ССР

какой-либо строительной профессией. Обучение проводится за счет средств предприятий и организаций, куда направляются студенческие отряды.

Каждый отряд непременно должен иметь самостоятельный фронт работ (то есть ему предоставляют отдельные объекты или определенные виды работ). Никто не имеет права использовать бойцов ССО на работах, не предусмотренных хозяйственным договором. В случае крайней необходимости возможна смена объектов, видов и сроков работ, но только с согласия республиканского (краевого, областного) штаба студенческих отрядов.

Все члены отряда по прибытии на место дислокации приказом руководителя зачисляются в штаты организации, пригласившей отряд, как временные рабочие и служащие. Об этом делается соответствующая запись в трудовых книжках, а на тех бойцов, кто их еще не имеет, книжки заводятся в течение пяти дней. Ведь время работы в отряде включается в общий трудовой стаж. На основании договора и по согласованию со штабом ССО членам отряда устанавливаются рабочие разряды. Администрация может и сни-

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Красны́ крóсны

Неглобский рушник — явление уникальное. Каждую весну открываются сундуки-запасники Ветчинского районного краеведческого музея для приема новых рушников-экспонатов.

В Неглобке зайдя в любой дом — многое увидишь, многое узнаешь.

На четырнадцать деревенских улиц приходится шесть медалей ВДНХ. Длина современных рушников — около четырех метров. Ширина — полметра. Цвет бело-красно-черный. Или иначе: вера-надежда, любовь и грусть. Белого больше всего. Сам рушник из белого полотна.

Но можно ли самостоятельно научиться искусству работы на древнем ткацком станке — краснах, искусству, которое зрело сотни лет? Ведь за одним-единственным рушником опытные ткачихи сидят без малого неделю. Причем рисунок на ткани не повторяется ни у одной мастерицы. Вот темы для рисунков: «яблонька», «елка», «козел», «медведь на желудях», «паук», «пальцы», «самовар», «редька»... Всего их двадцать. А может, уже и больше.

Ведь один из неписаных законов творчества гласит: сделаешь так же — молодец, но еще не мастер.

Чтобы тебя назвали мастером, надо придумать новый — свой — узор. И тогда носи свое домашнее мастерство в дом из белого кирпича, на котором вывеска: «Базовый пункт по развитию художественных промыслов. Д. Неглобка». Здесь сидят двадцать ткачих. И все мастера. Учись!

Петр НОВИКОВ

бирь и на Дальний Восток, разрешается оплата авиабилета.

Заработанные деньги касса предприятия выдает каждому члену отряда лично.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Юридическая консультация «Смены» дает ответ на каждый вопрос — или на страницах журнала, или отдельным письмом.

НОВИНКА

КВАДРАТУРА ЗВУКА

Однажды к нам в редакцию пришел незнакомец. Молча подошел к столу, раскрыл сумку, которую до этого бережно прижимал к груди, вынул из нее нечто, напоминающее среднего формата транзисторный приемник.

— Учу играть на любом музыкальном инструменте, — объявил незнакомец. И улыбнулся: — Время обучения — десять минут.

— Хорошо, — согласились мы, хотя и не очень-то поверили. — Извините, а сами вы кто, фокусник?

— Вячеслав Максимов, — охотно отрекомендовался незнакомец, — инженер из Рыбинска. А это, — он показал на стоявший на столе «приемник», — называется «Тоника».

Затем инженер Максимов подключил свой прибор к электросети и поднес левую руку к левой стенке «транзистора». Прибор немедленно откликнулся звуком. Вячеслав уже правой рукой начал чертить в воздухе какие-то замысловатые пируэты.

...До нас не сразу дошло, что в комнате давно уже звучит мелодия известной всем «Катюши». Откуда? Ведь «Тоника» явно не предназначалась для приема радиоволн.

— А это я сейчас сыграл, — объяснил Максимов. — Но можете сыграть и вы.

По очереди попытались подобрать мелодию на «Тонике» все, кто находился в этот момент в комнате.

— Всю жизнь мечтал научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, — восхищался один из нас, — но не получалось. А тут раз — и пожалуйста! Не может быть!

— Почему же не может, — возразил изобретатель и разработчик этого прибора, наш гость инженер Максимов, — играть на «Тонике» легко научится не только взрослый, но и ребенок.

Обычно малышей сначала учат пению. Ведь певец — это

инструмент и исполнитель в одном лице. Но «механизм, который поет», для педагога скрыт и не позволяет учителю активно контролировать и корректировать действия ученика.

Выход один — надо сделать такое учебное пособие, которое легко воспроизводило бы любые звуки. Теперь такая «игрушка» существует.

«Эта музыкальная игрушка годится и для музыкального обучения и просто для развлечения. Когда она появится в продаже, я обязательно куплю ее своему сынишке. Советую то же самое сделать и другим родителям. Прошу их при этом не забывать почаще заглядывать в прилагаемое методическое руководство», — сказал, поиграв на «Тонике», композитор Владимир Шаинский.

Предположительно производство игрушки будет освоено в нынешнем году.

Петр ВОЛКОВ.

Фото

Вячеслава МАКСИМОВА

Как организуется и оплачивается труд членов студенческих строительных отрядов?

Б. ПЕТИШОВ,
Казань

Студенческий отряд работает на основе хозяйственного договора, регулирующего обязательства сторон.

Будущие бойцы ССО предварительно должны овладеть

А ЧТО У ВАС?

К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученый прихоти твоей повиновались
И вдохновенный в волшебстве состязались.

А. С. ПУШКИН

ВОСПОМИНАНИЕ ОТЧЕСТВО ОБ АРХАНГЕЛЬСКОМ

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Василия МИШИНА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Утром положил себе Пушкин ехать в Архангельское.

Этому дню предшествовала череда событий стремительных и в жизни поэта трудно объяснимых.

8 сентября 1826 года, одолев в четыре дня недельную дорогу, домчал его фельдъегерь из Михайловского в Москву, и в пятом часу пополудни озябший, запыленный скачкою введен был Пушкин в кремлевский кабинет нового императора. Начав царствование виселицею, Николай вернул из ссылки поэта, когда в бумагах почти каждого государственного преступника найдены крамольные его стихи! Пушкин был прощен и обласкан.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КУПОЛЬНАЯ ЗАЛА ДВОРЦА.

**ВСЕГДА МНОГОЛЮДНО
У РАСПАХНУТЫХ ВОРОТ
МУЗЕЯ.**

Цену тому и другому он узнает позже. А теперь, оглушенный поворотом судьбы более чем невероятным, попал Пушкин в круговерть, закрученную в Москве внезапным его появлением. Москва спешила воздать поэту разом — за шесть

лет ссылки и за все пятнадцать разлуки с нею. Осень прошла как в чаду, минула угарная зима, и нынешней весной дни недели были разобраны дочиста. Нынче, однако, поднялся Пушкин против обыкновения чуть свет: с вечера решено было ехать в Архангельское.

Пару верховых подали к крыльцу низенького дома на Собачьей площадке. Квартировал здесь Пушкин у благоприятеля своего и неизменного в ту пору спутника по Москве Сергея Александровича Соболевского. Молодой этот человек, с рыжей эспаньолкой и до-

ЮЖНЫЙ ФАСАД ДВОРЦА.

вольно полный, смотрел на верховых лошадей с видимым изумлением. Ни в езде, ни в посадке особого удальства он не выказывал, предпочитая английскому седлу кресло в английском клубе. Пушкин звал его Калибаном, а между тем любил беззаветно за ум и бескорыстие. «Неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм» слыл русским

Ювеналом, наводившим страх на высшее общество. Эпиграммы Соболевского ходили под именем Пушкина; бывало и наоборот. Но злой этот насмешник добрейшей души был человек — качества, которые сблизили их с юности и обручили дружбою. В бурной жизни друга непростую роль «улаживателя дуэлей» исполнял Соболевский с неизменным успехом, а в запутанных вечно денежных делах Пушкина играл он частенько первую скрипку и, будучи сам по природе тороват, бывало, не находя свободных денег, давал Пушкину свое столовое серебро для заклада... Ехали же они теперь к человеку, имевшему полтора миллиона дохода.

К верховой езде, в беспокойной жизни своей приученный и нуждой и охотою, был Пушкин легок в седле. Не лоя стремя, одним махом вскинул сухое тело, и, почуяв всадника, стала под ним лошадь, как на гравюре. Взяв коротко повод, тронул к Тверскому бульвару. Путь был не близкий, но давно ожидаемый, и теперь самое время сказать о причинах этой поездки.

О знаменитой подмосковной усадьбе знал Пушкин от Карамзина. Николай Михайлович писал, что вкусом и велико-

лепием Архангельское способно поразить искушеннейшего знатока. Не была разноречивой и изустная молва — Архангельскому приписывали все чудеса света. Поэт Александр Воейков в тягеловато старомодных, но несомненно искренних стихах сказал об этом так:

В Архангельском сады,

чертоги и аллеи,

*Как бы творение могучей некой феи,
За диво бы почли и в Англии самой.*

Что до Англии, то здесь она, пожалуй, более для «красоты слога», а покуда не избылась еще в русском обществе привычка прикидывать к русским диковинам французский аршин: Архангельское сравнивали, конечно, с Версалем. Путь же в Версали, как и вообще «в чужие края», был Пушкину заказан, а подмосковный — в двадцати верстах...

Но одним только чувством любопытства, хоть и основанного на восторженных отзывах современников, объяснять повод к этому визиту в отношении Пушкина было бы нелепо по меньшей мере. Были к тому иные, глубоко внутренние причины.

В ту пору его жизни — после «михайловского сидения», после «Истории» Карамзина (открывшего Россию, по словам Пушкина, как Колумб Америку), а главное, после «Годунова» и когда «магический кристалл» мог уже прозревать дали «Петра» и «Пугачева», — в ту самую пору его жизни по-особенному по-

чувствовал Пушкин стихию русской истории. Не раз говорено было о том, что из ссылки вернулся «Пушкин исторический». Трудно с этим не согласиться, как и с тем, впрочем, что, как никто другой, ощущал он, что сердце русской истории не на берегах Невы, а в Москве бьется: «В Москве не царь, в Москве Россия!» Любил он самый образ жизни Москвы. «Порфиросная вдова» (строка, кстати сказать, решительно вычеркнутая Николаем) жила, в пику мундирному, чопорному Петербургу на старинный лад: подомашнему, с лентой и как бы в халате. Сухой графике Петербурга предпочитал Пушкин сочную живопись Москвы, а барабанному бою плацев новой столицы — роговую музыку подмосковных.

В старинных подмосковных и доживала, «пышно потухала», как скажет позднее Герцен, перевороченная петровским плугом Россия. Был это целый пласт русской истории, занимавший теперь Пушкина безраздельно. Как художника занимала его и психологическая сторона уходящей эпохи, а здесь, уж конечно, не мог обойти он нынешнего владельца Архангельского князя Николая Борисовича Юсупова, фигуры красочной, колоритной, прямо сказать, удивительной даже на русской почве.

Будет у нас еще повод и необходимость познакомиться с Юсуповым поближе, а между тем пара верховых рысила в прохладной тени лип Тверского бульвара, и самый этот путь по тихой

В АЛЛЕЯХ ЦАРИТ ТИШИНА.

НАД СТАРИЦЕЙ МОСКВЫ-РЕКИ.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Александр СУВОРИН,
инженер,
Москва

Воспоминание о военных буднях

Не замечали ветра
И проливных дождей,
Складывали километры
К дому из трудных дней.
Гадали, что будет завтра
И сколько осталось сил,
И чай заменял нам завтрак,
Постель — земляной настил,

И все повторялось; снова
Пьянела земля от пота...
«Рота к стрельбе готова!»
— Такая у роты работа.
Бегом — ноги вязнут в глине,
Бегом — через едкий дым,
Бегом — на ресничках иней,
Не знаешь — вернешься живым?

Николай ВАСИЛЕВСКИЙ,
студент, Смоленск

Подкова

Мой конь —
Мое воображение,
Лети, подков не оброни!
Привычный
С детских лет к движенью,

Лечу.
Летят за днями дни.
Моя дорога —
даль без края,
И мне полутчица — звезда.
Я мчусь, усталости не зная,
И не устану никогда.
Но если вдруг
мой конь споткнется,
Узрев последнюю зарю,
Сниму подкову, как ведется,
На счастье сыну подарю.

**Дмитрий
АЛЕНТЬЕВ,**
студент,
Ростов-на-Дону

Привыкли мы
и к улице широкой,
к просторным звездам
ночью на скале...
Как вспомнишь это —
сердце гулко екает.
Ах, эта даль
моих родных полей!

Там озорны
заливистые зори.
И родники
игривы и чисты.
Там истина —
как хлеб
рождалась в споре!
Как вдохновенны
школьные мечты!
Ты помнишь, друг,
нам было очень трудно
познать работу
первую свою.
В плечах ломило
тяжело и нудно.
Так в трудовую
мы вошли семью.

Шутили мужики:
«Вот вам, штурвальным,
не поступить ли завтра
в детский хор?»
Но мы-то знали —
было все нормально!
Хорошая специальность —
комбайнер!
У нас с тобою
руки
честным потом
и честным хлебом пахнут.
Никому
отныне не сказать:
«Он не работал
и к жизни
непригоден посему».

Вячеслав ПОЛИКАРПОВ,
учитель, Новгородская область

Разноцветные стекла

Голубые,
Бутылочно-блеклые,
Цвета синей
Морской волны,
Собирали
Цветные стекла мы,
Деревенские пацаны.
Нам,

военной судьбой
Не балованным,
Открывался
И вглубь и вширь
Неизвестный,

Большой
И взволнованный
Бесконечно манящий мир.
Вперемешку:
Бордовый,
Коричневый,
Подчинясь
Волшебству стекла.
А за стеклами
Жизнь обычная,
Настоящая жизнь текла.
В ней
Залатаны обгорелые,

Сохранившиеся
С войны
Гимнастерки,
От стирки белые,
Были вове
Не зеленые.
Были вове
Не васильковыми
Женщин выцветшие глаза.
И, казалось,
Была лиловою
Большую
Выжженная слеза.

утренней Москве был вступлением к
Архангельскому.

По обе стороны бульвара, в зеленых
сиреней, черемухи и жасмина, пряталась
бело-желтые дома послепожарной
Москвы. У Большого Вознесения звонили
к ранней обедне. Пахло садами. За
Камерколлегским валом, у заставы с
полосатой будкой, был запах земли —
копали огороды. Заколоченными
стояли еще дачи Петровского парка. Тут
и свернули на Волоколамскую доро-
гу — к Архангельскому. Тут и оставить
предстоит нам на время путников, что-
бы мельком хотя бы коснуться ранней
истории знаменитой усадьбы, тем более
что ведать о ней они, должно быть, и не
могли, — заведено было по тем време-
нам, что старинные документы пылели
на чердаках в самих усадьбах, а до
архивов государственных на такой слу-
чай не бог весть сколько было охотни-
ков.

Историю же Архангельское восходят к
тем временам, когда старинные бояре
жили на Руси по-мужичьи и в барских
хоромах пахло избой. В те поры место
это, у старицы Москвы-реки, на порос-
шем старыми соснами крутояре, с кото-
рого открывались сине-голубые и лю-
безные русскому сердцу дали, облюбо-
вал в XVI еще веке московский дворя-
нин Уполоцкий. Именем его — Уполо-
зы — звалось и сельцо в десяток крестьян-
ских дворов. А когда на крутом этом
берегу, на месте обветшавшей деревян-
ной поставил крепостной человек Павел
Потехин церковь в честь Архангела
Михаила, позабылось старое и появил-
ось новое имя — Архангельское.

Была это типичная по тем временам
боярская вотчина средней руки: в со-
седстве с крестьянскими, соломой кры-
тыми избами, за решетчатым забором,
стояли рубленые жилые покои — три
светлицы, связанные сенями на старин-
ный манер. Тут же, обок, баня, враз-
брос — поварня, ледник, погреб и жит-
ница, конюшня, амбары, огородец не-
большой да в десятины полторы
сад — все заросшее лопухами, крапи-
вой, все, как и водилось во времена
патриархального на Руси быта, когда
разница между мужиком и боярином
определялась сладким куском да лиш-
ним алтыном, а сглаживалась просто-
тою нравов.

Винить же за отсутствие роскоши и
красоты бедность допетровской Руси

можно с известною лишь оговоркою, ибо
в самой натуре старорусского человека
заложено было отвращение к земной
пышности и материальной суетности.
Поветрием роскоши только начинало
тянуть с Запада. И все же среди просто-
ты быта подмосковной этой вотчины
была в Архангельском по тем временам
и диковина. Устроены были две оранже-
реи с лаврами, померанцами, персика-
ми, олеандром и прочей ботанической
на Руси экзотикой. Этой затеей в исходе
XVII столетия прозревался в Архангель-
ском уже романтический век восемна-
дцатый.

Новый отсчет старинной своей родо-
словной, по случайному, быть может,
совпадению начинает Архангельское с
года основания Петербурга. В 1703 году
владельцем усадьбы стал просвещен-
нейший человек своего времени князь
Дмитрий Михайлович Голицын.

Человек этот занимал воображение
Пушкина как по роли своей в русской
истории, так и по трагичности личной
судьбы. Интерес его к вольнодумству, в
России непопулярному, сделал
свое дело. В недоброй памяти времена
Анны Иоановны ему, Голицыну, принад-
лежит попытка ограничить самодержав-
ие чем-то вроде конституции. Попытка
едва не обернулась пыткой; во всяком
случае, это решило его участь.

Анна Иоановна изяществом манер,
как известно, не брала, как не отличалась,
впрочем, и благородством поступ-
ков. Разорвать подписанный ею доку-
мент, нарушить клятву, упрятать в кре-
пость бывших союзников или попросту
вздернуть на дыбу — объяснялось в ее
царствование не моральной низостью, а
«государственными интересами». По
этой причине в 1730 году пришлось
Голицыну «уйти от дел» и пред-
почсть — пока! — новой столице потише-
вую белокаменную. Здесь и занялся он
устройством своей подмосковной.

Архангельское преобразалось на гла-
зах. В новом доме пошли вместо печей
камины; огородец заменен был регуляр-
ным садом; путаные тропинки, поросшие
лопухами, крапивой, ромашкой и оду-
ванчиком, заменили «преспективными
дорогами» и «портрами», обсаженными
кленами и липой...

Так стал Архангельское превращать-
ся в парадную усадьбу; создавалась она
теперь не как бог на душу положит, а по
художественным канонам нового, пос-

лепетровского времени. Нашлись среди
крепостных князя и мужички — великие
мастера садового искусства, и скоро,
изумляя всех, цвели в Архангельском
шелковичные деревья, грецкие орехи,
абрикосы, ирисы, шпанский камыш...

Предвидеть трудно, как пошла бы
история Архангельского дальше, но
пришлось старому князю из пышно рас-
цветающей усадьбы своей переселиться...
в Шлиссельбургскую крепость: не
забыла ему Анна Иоановна «конститу-
ционной затейки». Со всеми своими
дивоми конфисковано было Архангель-
ское в казну, и за благо почел Голицын,
что смертная казнь по монаршей мило-
сти заменена была крепостью. Только
скончался он здесь очень скоро, и, как
говорят, не обошлось дело без руки
Бирона...

Перипетии послепетровских времен
завязывались в тугой узел, поражая
воображение жестокостью нравов и
изысканностью культуры. Отголоски
этих событий были почти на памяти
пушкинского поколения; в постижении
судеб отечества многое черпал он из
первых рук.

Минуло одно царствование, пришло
другое, скоротечно кануло третье (к
слову, третьего на русском престоле
Петра), к закату клонилось четвер-
тое — Екатерины, когда внук опального
князя приехал в родовую вотчину... и
усадьба показала ему старомодной.

Сохранился любопытный от того вре-
мени документ — дорожный журнал но-
вого владельца Архангельского. Среди
прочих расходов по пустякам — «за бук-
ет», «проиграно в карты», «извощи-
ку» — осталась запись: «За план Архан-
гельского архитектору де Герну — 1200
рублей». Правда, дальше плана дело с
французом не пошло, — известно, что в
России де Герн так и не побывал;
призваны были русские мастера — воль-
ные и крепостные.

Сказать нужно, что молодой Голицын
изрядно поездил уже по Европам, на-
гляделся и оценил по достоинству кра-
соты заморские. Видел он и то, что
чувствительно потеснены они уже гран-
диозными «парадизами» Петра и двор-
цами не щадивших российской казны
императриц. И если не царские затеи
перешибить, то уж не ударить в грязь
перед пышностью других подмоск-
овных — Кускова, Горенок и возводивше-
гося о ту же пору Останкина — воз-

намерился князь всерьез. По исконному
обычаю «знай наших» дал он волю
фантазии строителей и простор соб-
ственным капиталам. Свидетельства
тому можно видеть и сегодня, а вот
сколько душ подневольных работало в
Архангельском, вместить не смогли да-
же подробнейшие документы. Предпо-
ложить здесь число великое российских
безвестных мужичков можно только по
размаху строительства.

В исходе века в старом Архангель-
ском парке строятся «каменные терра-
сы со всходами из дикого камня», обра-
зую от берега реки высокий ступенчатый
пьедестал, на верхней площадке кото-
рого поднимались стены нового дворца.
И хоть не успели мастера закончить при
жизни князя все задуманные работы, но
обрело уже Архангельское величавый
свой облик, который в дальнейшем
лишь дополнялись деталями, когда
пришла пора новым владельцам.

А к счастью нашему, на просвещенных
владельцев Архангельское везло, по-
тому что Юсупову, перекупившему
усадьбу в 1810 году за четверть милли-
она, ни в просвещенности, ни во вкусе
отказать нельзя. Этим способностям его
обязаны мы во многом и развитием
русского театра и значительной части
эрмитажных собраний. Кстати сказать, и
Архангельское-то приобрел он с одною
пока лишь целью — разместить громад-
ные собственные коллекции живописи и
скульптуры. О баснословных этих сок-
ровищах слышаны были в Европе не
очень удачливые рядом с ним конкурен-
ты; много говорили о юсуповском собра-
нии в России; знали о нем и Пушкин и
нынешний его сопутник... Минувя за раз-
говорами череду сизых деревьев по обе
стороны дороги, подъезжали они теперь
к Архангельскому.

Широкая въездная аллея начиналась
за полверсты от дворца. Здесь, как бы
сами собой, перешли лошади с резвой
рыси на шаг. Оживленный разговор
стих, точно растворился в шестеле зе-
леноватого сумрака весенней полупро-
зрачной листвы. Стоялаavorаживаю-
щая тишина, пронизываемая тонким
пересвистом птиц. Ощущение времени
переходило здесь в иную ипостась.

Молчаливо-медленный проезд по ал-
лее, образованной строем бронзовых
сосен, темных до синевы елей и бело-
жемчужных берез, полон был сменя-
ющих друг друга эффектов. Была это

Михаил БРИФ,
преподаватель,
Херсон

Художник

День прекрасный,
светит солнце среди туч.
Столько света
не вместить одной душе!
Я доверчив,
и пусть солнца тонкий луч
вместо грифеля
в моем карандаше.
Я рисую.
Это речка, это луг.
Бродит мальчик,
рвет цветы.
э тот мальчик — сын.
Он — апрель,
и он излазил все вокруг
в синей майке,
потемневшей от росы.
Хочешь, мальчик,
помогу собрать букет.
Видишь: лютик,
видишь: рядом резеда.
Знаешь, мальчик,
ты художник, а я нет,
просто быть им
я стараюсь иногда.
День прекрасный.
Путь не близок, не далек.
Сын рисует.
Скрылось солнышко уже.
Он художник, и ромашки стебелек
вместо грифеля
в его карандаше.

Рыгор БОРОДУЛИН

Лесу —
Озябшему партизану —
Крикну:
— Сколько осталось стволов,
Чтобы ударить
По зимнему стану —
Зеленым залпом...
Последних слов
Лес недослушал:
— Из всех стволов
По зиме
Я завтра ударю рано! —
Вот это речь партизана.

Косец

Они налились, орехи годов.
Лещину воспоминаний тряси...
Скосил мураву
Молодых лугов.
Осенний сивец — коси.
Покуда еще над тобой косу
Не занесла
Старуха.
Косцом зовись
И сбивай росу.
Клевер мягче земного пуха!

Белеет жнитво головы в ручье.
Здоровье донашивается
И ватовка.
Коса лежит на твоём плече,
Как некогда в пуще — винтовка.

За скошенным лугом
Роты дубрав,
Как партизаны идут в маскхалатах.
Обмелевшей реке
На пустой рукав
Солнце ставит заплату.

Солнце — в гору.
А ты — с горы.
С трудом доплетешься к дому.
Косу
Еще раз уговорил
Осокой набить осому.

Поспешал в косьбе.
Помедли в судьбе.
Берет и дает — не ровно
Земля поворачивается к тебе
Скошенным боком — невольню.

Убегала
Зима
От весны, —
По кустам верболоза рогаатым.
Ей кафтан
Оборвали кусты.
И на ветках болтается вата.

Убегала
Зима
От весны.
И под ногами озера трещали.
По лучи,
Как заборы, стояли!
— Здравствуй, лед! —
На просторах Двины.

Еще пуще
Весна припустила.
Расстилала цветы и траву.
В луже
Зайцу на хвост наступила.
— Не зевай! —
Закричали ему.

Убегала
Зима
От весны,
Аж земля под ногами затлела.
След беглянки
Пропал у сосны...
Там —
На белое облако села!

Перевел с белорусского
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ.

точно выверенная, но живая игра пространства и перспективы, — в половине пути аллея выгибалась пологой горкой, поднимая горизонт, так что сначала видеть можно было над самым фронтоном только прозрачный бельведер с парными коринфскими колоннами. Дворец открывался в конце зеленого коридора постепенно, поразительным эффектом — сверху вниз — от тонкого шпиль до беломраморного цоколя. Золотистая масса дворца, легкая от обилия окон, с четырьмя строгими тосканскими колоннами портика, проглядывала сквозь чугунный ажур изумительного рисунка решетки ворот. Вся эта картина заключена была в полукруглую золотисто-белую арку — раму, образованную въездными воротами, на которой, живые, играли тени колеблемой ветром листья.

На мгновение только наступал некий контрапункт постижения архитектуры, потому что тотчас новый эффект не мог поразить путников, когда за въездными воротами арки распахивалась, в обрамлении полциркулярной колоннады, строгая песчаная гладь парадного двора, с круглым газоном и скульптурной группой посредине. Взгляд искал логики, и сердце находило ее.

Пока не доложили князю о прибытии гостей, есть у нас, читатель, время оглядеться и вспомнить.

Никто, конечно, не возьмет на себя смелости утверждать, что в эти мгновения родились у Пушкина или затеплились хотя бы строки:

Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь
ты музам в тишине...

Но, согласитесь, точность ощущения, художественный образ Архангельского поразительны настолько, что собственное восприятие здесь уже бессильно. Кажется, без Пушкина нельзя уже сделать и шага в Архангельском. Подтвердить это должен каждый, кто хоть однажды, на мгновение хотя бы, останавливал взгляд на строгом четырехколонном портике, спокойном бледно-золотистом фасаде, плавно вытянутом по горизонтали и с полукруглой ротондой, похожей на цезуру в середине стро-

ки напряженного александрийского стиха, кто хоть мельком обвел взглядом прозрачные колоннады и видную сквозь них колышущуюся зелень парка с белыми рядами скульптуры, статуй и герм.

Стройными садами назвал Пушкин Архангельский парк, видя в нем живую природу, которой лишь коснулась рука художника. Создатель парка не чуждался здесь природы, как чуждался ее автор Кускова, где каждое дерево, каждый куст обращены в художественное произведение. Красота же архитектуры Архангельского еще прекраснее была в контрасте с полями, лугами и синеватым лесом за рекой, с разрозненными буйно деревьями, бросающими тень на золотисто-белые стены дворца. Художник только чуть организовал пространство и тем сильнее заставил звучать живые голоса природы. Он овладел пространством, использовал длинные перспективы газонов, как бы играя ими, удлиняя, где нужно, стройной чередой беломраморной скульптуры. Во всем величавом облике Архангельского жили простота и ясность, столь близкие Пушкину, его прозе, скорее всего.

А еще был в этом любезный сердцу поэта романтизм уходящего столетия, которое в послании своем и назвал он по традиции времени «веком Екатерины».

К «матушке Екатерине» не питал Пушкин, как известно, особой почтительности, но век минувший был ему предпочтительнее цельностью художественной своей культуры. В сравнении с наступающим «коммерческим и меркантильным» николаевским царствованием в понимании Пушкина был ушедший век крупнее и по чувствам и по страстям. Сожаление уходящему нетрудно заметить в приведенных строках послания. Они наводят на мысль, что Архангельское представляло поэту образцом века, уходящего, как корабль, которому не суждено вернуться. Казалось, к исходу своему — к времени постройки Архангельского — восемнадцатое столетие уставать стало от капризной пышности барокко и к старине классической потянуло русского человека — к покойным ее линиям и формам. Исход старины завораживал в безмолвно-прекрасном облике Архангельского, и, казалось, шурушал еще по залам дворца пышный шлейф уходящего столетия.

Уходившим веком завораживала и поразительная коллекция живописи в распахнутых свету залах Архангельского.

И хотя слово «музей» ходило по тем временам в нашем языке еще в новичках, иное что-нибудь подобрать к Архангельским коллекциям было трудно. Не разнообразие национальных школ и обилием прославленных имен знаменитой слыла галерея Архангельского, но строжайшим и бескомпромиссным отбором произведений. Не случайно, конечно, доверено было Юсупову пополнение Эрмитажа. Приобретал он картины в мастерских художников, без посредников и, говоря языком нынешним, без консультантов. Полагаясь только на свой вкус и знания, Юсупов гарантировал и собственное свое собрание от подделок и произведений сомнительного качества. Но главным, пожалуй, было то, что известные и привычные мастера открывались в его коллекции в новом качестве. Не отметить удивительного этого явления не могли ни Пушкин, ни Соболевский, осматривавшие в тот день картинную галерею Архангельского. Ясно было, что Юсупов мог и умел выбирать лучшее из лучшего.

Знаменитый Пьетро Ротари, признанный мастер сентиментальных женских головок, так точно выразивший вкусы века и любимый в России больше, чем на родине, представлен был здесь в совсем необычном для него жанре — большой картиной «Поселянка под деревом». Интимная камерность уступила место обобщенному взгляду на природу. Такого Ротари не знали и царские коллекции.

Клоду Лоррену ни в Европе, ни в России славы было не занимать; крупнейшие галереи гордились его пейзажами. В Архангельском мастер представлен был одним из лучших своих произведений. Золотисто-дымчатый пейзаж-рondo, с заходящим над морем солнцем, с поразительными световыми эффектами, исполнен был гармонии, эстетического покоя и отголосков античной ясности, смягченных тонкой дымкой семнадцатого столетия.

В блестяще-пышный восемнадцатый век манил изысканный, пепельно-перламутровый, но с полнокровным ощущением жизни Франсуа Буше. Под своеобразной кистью мастера преображенная стилем рококо античность лишала

мифологических персонажей их героики. Холсты Буше, населенные кокетливыми богинями, играющими амурами, пикантными нимфами, создавали далекий от античности, но так созвучный изысканному веку художника мир.

Но среди множества блестящих имен поистине царил в Архангельском певец древних руин, неподражаемый и похожий только на себя Гюбер Робер. Во дворце отданы ему были два зала. Фантазии этого мастера не имели, казалось, границ. С поразительным блеском творил он свой собственный мир, основанный лишь на зыбких воспоминаниях античного прошлого, наполняя его громадами полуразрушенных древних зданий, но имеющих свой голос, свои эмоции. Его архитектурные пейзажи полны изысканной, неяркой живописи и поэзии ушедшего. Строго-спокойные композиции, уравновешенные четкими архитектурными построениями, гармония пропорций сочетались здесь со сдержанным, чуть приглушенным колоритом: замшелый камень развалин, блекло-зеленые массы деревьев, облака, вторяющие очертания руин, приведены в тончайшее тональное единство. Ни одна другая галерея не могла противопоставить такого собрания мастера.

С бесчисленных полотен Архангельского дворца, невыразимым иначе языком кисти, говорили века и нравы, вкусы и люди, а все это вместе — архитектура, аллеи и газоны парка, скульптура и картины, — все это был ушедший, невозвратный мир. Недоставало, казалось, только живого персонажа эпохи, чтобы оживить роскошную эту декорацию...

Ошеломленные пышным великолепием блестящего Тьеполо, стояли перед двумя его холстами Пушкин и Соболевский, когда послышался, приближаясь, сухой кашель, шаркающие по воцаренным паркетам шагу, сладковато-пряный запах пудры, и в золотистой анфиладе зал, умноженное зеркалами, увиделось синее пятно атласного камзола, белый парик с косичкой — и величественный старик, опираясь на палку, как и все на нем, украшенную редкими камнями, стал пред ними в гордом и почтительном одновременно поклоне. Знал старый князь, кого принимал нынче.

С появлением Юсупова все преобразилось, но сказать, что князь «вписался в интерьер дворца», было бы недоста-

**ПОЗДНЕЙШИЕ ПОСТРОЙКИ
НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ
НЕ НАРУШАЮТ
ГАРМОНИИ ПРОШЛОГО.**

**ПОРТРЕТ КИСТИ ВАН-ДЕЙКА —
ЖЕМЧУЖИНА КАРТИННОЙ
ГАЛЕРЕИ.**

точно вовсе. Был он частью Архангельского, такой же неотъемлемой, как и самый дворец, парк, картины. Эта мысль не могла не поразить Пушкина, потому что так точно отразилась она потом в его послании.

Князь был стар, как стар может быть человек, кончавший восьмой свой десяток, но не забывший цену и годам прожитым. Потому, должно быть, вид этой старости не вызывал сожалений. Пушкин и Соболевский понимали это; знали они и множество легенд, ходивших о молодых годах Юсупова. Там, где представлял Юсупов Россию,—а было это едва ли не во всех государствах Европы,—более достойного посланца было тогда, пожалуй, и не сыскать. Венценосцы говорили с ним на равных.

Рассказывали, что Наполеон предоставил ему свою ложу в театре. Однажды, когда приехал Юсупов к спектаклю, придверник ложи, предполагая ошибку, остановил его вопросом: «Вы король?» «Нет, я русский князь»,—отвечал Юсупов, и, почтительно поклонившись, придверник отворил императорскую ложу.

Дорожный альбом князя в красном сафьяне, веленевые страницы которого, отмеченные восторженными посвящениями Вольтера, Руссо, Дидро и Бомарше, перелистывали теперь гости, говорил о том, что легенды не были основаны на вымысле.

Знали Пушкин и Соболевский, что водились с князем грешки—не без того. Не станем, однако, отыскивать в намеках современников пикантных подробностей дружбы российской императрицы и блестящего потомка ногайских князей, как не имевших особого влияния на ход истории государства, но один факт этой дружбы, к истории Архангельского небезразличный, отметить все же нужно. Хранилась в усадьбе среди коллекций князя картина, изображавшая Екатерину и самого Юсупова в виде Венеры и Аполлона... Куда запропастилась картина или уничтожена была по повелению Павла Петровича, более чем не одобрявшего склонностей матушки, неизвестно.

Пушкин находил, что, кроме непомерного богатства, иных отрицательных качеств Юсупов был лишен, а поскольку условились мы судить рядить старого князя глазами Пушкина, отметим еще один стоящий, как нам кажется, внимания факт.

Будь Юсупов человек недостойный, кому, как не поэту, припилили его

эпиграммой, тем более внешняя атрибуция—парик, косичка с бантом, игривые проказы князя—так и просилась в этот отточенный пушкинский жанр. И, уж конечно, не дал бы здесь промаху Соболевский. Но таких эпиграмм мы не знаем; не упоминают о них и современники. Даже Герцен, с несравненным умением его выводить на чистую воду, не щадит ни рангов, ни титулов, ни былых заслуг, не пытается скрыть симпатии к просвещенности, уму и вкусу Юсупова; он дарит князя словами лестными, что под пером его, обычно беспощадным, приобретает значение особенное. Для пущей же убедительности возьмем в свидетели и Виссариона Григорьевича Белинского. Говоря о пушкинском послании «К вельможе», Юсупову посвященном, он писал, что это есть «в высшей степени художественное постижение и изображение целой эпохи в лице одного из замечательнейших ее представителей».

Быть может, и нам позволено будет некоторое отступление, теме нашей, впрочем, близкое.

Иногда походя бросаем мы ставшие фразеологическим оборотом слова «типичный представитель своего времени». Да, к Юсупову это относится в полной мере. Но в конце концов и Аракчеев уж куда как типичен для своего времени. Заметим только, что Аракчееву найдется историческое место и в свите первых князей-междоусобников, и в компании опричников Грозного, и при шутовском дворе Анны Иоановны (чем не приятель Бирону!), даже Петру пришлось бы Аракчеев впору, если не талантами, то нерассуждающей целеустремленностью, а уж казенщине и бюрократизму николаевского царствования Аракчеев как нельзя кстати. Но хотя во все времена типичный этот представитель «при деле» и не на последних, уж конечно, ролях, пытаться представить себе эпоху по Аракчееву будет занятием не только односторонним, но глубоко ложным.

И вот иной «типичный представитель своего времени» — князь Николай Борисович Юсупов. Фигуру эту невозможно вообразить ни в древнем боярском тереме, ни в голландском домике времен Петра, ни в холодновато-казенных дворцах Николая. История оставляет Юсупову только одно, его собственное и единственное место — в последней трети восемнадцатого столетия. Такие плоды созревают однажды в истории. Именно потому и являет этот «типичный представитель» художественную

фигуру своего времени. Вот почему так подробно знакомили мы читателя со старым князем, призвав в свидетели людей достойнейших. Вот почему, хотя сам Юсупов, понятно, и не строил Архангельского, не видим мы ничего парадоксального в утверждении (кстати сказать, давно бытующем), что Архангельское — это Юсупов и Юсупов — это Архангельское.

Вообще говоря, автор не совсем уверен в том, что владетель Архангельского нуждается в столь страстной апологии. Затаян этот пассаж с одною лишь целью дать почувствовать читателю, что прекрасный образ Архангельского имеет самое тесное отношение к художественной натуре Николая Борисовича Юсупова. Не случайно, конечно, всякий раз во время экскурсий по музею имя «Юсупов» звучит столь же часто, как и «Архангельское». Дело в том, что, хотя старинные титулы нынче и не в почете, поколение наше умеет ценить добрые дела и титулованных представителей времен ушедших. Иначе где бы нам числить князя Кутузова и графа Толстого?

Надеюсь, представление наше о художественном образе Архангельского достаточно уже ясно связывается теперь с фигурой просвещеннейшего этого человека. И все же двух еще диких знаменитой усадьбы миновать нам никак нельзя; более того: будь на месте Юсупова иной владетель Архангельского, о дикихинах этих не пришлось бы нам говорить сегодня вовсе.

После дворца, картинной галереи и парка не мог, конечно, князь не показать любезным ему гостям гордости усадьбы и своей собственной — театра Архангельского. Известно, что усадебные театры не были редкостью в России того времени. Только и здесь, как и во всем прочем, отличался Юсупов от соперников своих решительно и во всем. У многих вельмож, водивших компанию с музами, вполне доставало и денег и прихоти заводить многочисленные труппы. Актеры и актрисы, как в те времена говорили, «от сохи были оторваны и к театру приставлены». Удивительно ли, что в представлении большинства было театральное действо чем-то вроде петушиного боя. Вот сохранившаяся от того времени и весьма красноречивая афишка: «В заключение, крепостной Гришка Барков горящую паклю голым ртом есть приметца и при сем ужасном фокусе не только рта не испортит, но и грустного вида не выкажет».

Такой и подобной ей дикой азиатской тешили самолюбие и дивили публику большинство владельцев усадебных театров. Пример этот привели мы лишь для контраста. Достаточно проглядеть в тогдашних журналах отзывы о спектаклях Архангельского театра, чтобы понять, сколь высокую и благородную роль сыграл он в истории русского сценического искусства. Одна лишь фраза, поверьте на слово, самая скромная среди отзывов: «Костюмы были изрядны, игра искусна а декорации сводили с ума знатоков». Последнему свидетелем может быть и наше поколение.—речь идет о декорациях кисти великого Пьетро Гонзага. Исследователи утверждают, что не было за всю историю театрального художника, которому столько аплодировали.

Видимо, верна поговорка о том, что в своем отечестве нет пророка. Гонзага разделил судьбу многих того времени европейских художников, не только обретших в России вторую родину, но и полностью раскрывших дарование на ниве русской национальной культуры. Но если такие мастера, как Растрелли, Кваренги, Камерон, стечением обстоятельств и волею случая оказались в России, то судьба и счастье Гонзага—заслуга только Юсупова.

Он увидел его в «Ла Скала» в 1791 году. Увидел художника, который «устал от усилий опровергать устаревшие взгляды». Предложение было принято тотчас, а приехав из Милана в Подмоскowie, мастер тотчас же понял,

что будущего здесь больше, чем прошлого. Творческие устремления Гонзага совпали с тогдашними исканиями русских художников в области синтеза архитектуры и живописи, перспективы и видового пейзажа. То, что сам Гонзага называл реформой, была, в сущности, театральная революция. В декорациях он заменил феерический вымысел, к которому привыкла публика, поэтической реальностью, сделав ее не абстрактной условностью, а предметом искусства. Впервые в истории театра декорации стали столь же неотъемлемой частью спектакля, как текст пьесы и игра актеров. Так что слава русского декорационного искусства, о которой мы хорошо знаем по последующим десятилетиям, во многом заложена была в этом усадебном театре. Князь умел видеть далеко, иначе не назвал бы он Архангельского театра имени Гонзага...

С успехом неизменным игрались на этих подмостках пьесы Бомарше и Мольера, Фонвизина, Княжнина, Озерова. Как истинный сын своего века трогательно любил Юсупов трагедии Сумарокова, оговариваясь, однако, что язык его устарел, но, будучи ироничен и к собственным вкусам, добавлял: «Вот

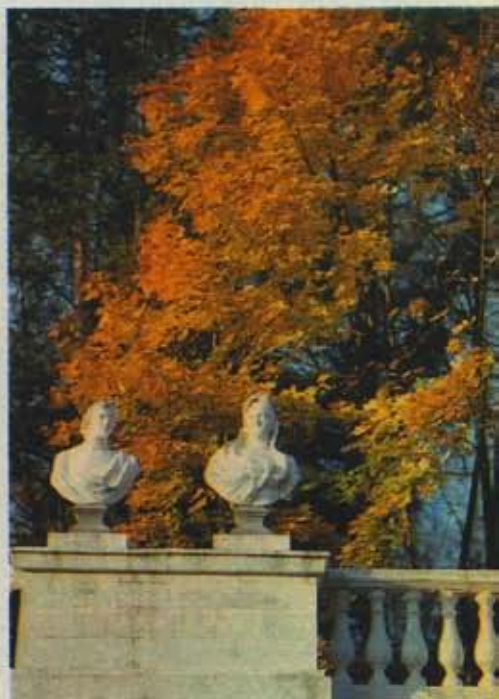
**В ОКРЕСТНОСТЯХ
АРХАНГЕЛЬСКОГО.**

**ВСЕГДА ПРОНИЗАНЫ СВЕТОМ
АНФИЛАДЫ МУЗЕЯ.**

если бы Пушкину несколько подправить и подновить язык Сумарокова, трагедии его можно было бы давать на театре». Пушкин и Соболевский вместе с князем смеялись этой шутке.

А между тем все издания Сумарокова были в библиотеке Архангельского, но среди тридцати тысяч томов и рукописей была это лишь малая ее крупница. Теперь они трое беседовали у книжных шкафов красного дерева, в огромной зале библиотеки, в золотистом сумраке, исхлотившем от старинных переплетов,

перелистывали, с трепетом понятным, плотные страницы старинных изданий и рукописей.—один владетель баснословного этого богатства, другой с первейшим в Европе библиофильским именем и третий из тех избранников, без которых ни владельца, ни библиофила не существовало бы, конечно... Но, рассматривая сейчас лучшую в России коллекцию эльзевиров, изданий Дидо-старшего и первоклассное собрание инкунабул, каждый из них был в родной своей стихии.

**ПОД ЗЕЛЕНЬМИ СВОДАМИ
СТАРИННОГО ПАРКА.**

Хоть и нетрудно представить себе, что покидал Пушкин знаменитую и гостеприимную усадьбу, пораженный дворцом, восхищенный картинной галереей, есть у нас тому и прямое свидетельство—послание его, вышенапечатанное.

Продолжая рассказ далее, должны бы мы были выйти из границ документального жанра, потому что здесь теряются следы пребывания Пушкина в Архангельском. Знаем мы только, что, прощаясь с Архангельским, прощался Пушкин и с Москвою,—взята уже была дорожная в Петербург. И здесь вынужден автор поставить точку или закончить известными, но напоминающими всегда достойными словами Александра Ивановича Герцена: «Бывали ли вы в Архангельском? Ежели нет, поезжайте, а то оно, пожалуй, превратится из прекрасного цветка в огородное растение».

Нужно ли говорить, что от трагической этой участи избавлено наше Архангельское навсегда!..

ОТ СЕРДЦА

книг в каждой, причем книг разных — и для малышей, и для старшеклассников, и художественных, и общественно-политических, то есть учиться приходилось не только интересно, но и возраст будущих читателей. Всю эту литературу нужно было уложить в специальные почтовые коробки, заклеить их, написать адреса и только тогда отправить в дальний путь.

Напомним, что раньше мы отправили двадцать три тысячи томов, которые добрались до детских домов Владимирской, Калининской и Ярославской областей на грузовиках. (Пользуясь случаем, выражаем самую искреннюю благодарность областному комитету комсомола, работники которых помогали нам в этих поездках.)

Но основную часть книг должна была перевезти — по воздуху или по железной дороге — все-таки почта. И мы обратились на Московский почтамт. С пониманием и доброжелательностью отнеслись к этой важной акции начальник почтовой службы почтамта Берта Евсеевна Барская, начальник железнодорожного узла связи Евгения Львовна Василевская, инженер узла Валентина Ивановна Антонова, работники 504-го городского отделения связи, на плечи которых в самом прямом смысле лег нелегкий груз — это они взвесили и оформили почти тысячу посылок с книгами общим весом более десяти тонн.

Как, очевидно, помнят наши читатели, в конце октября прошлого года мы обратились с призывом ко всем друзьям журнала поделиться книгами с детдомовскими ребятами, общими усилиями создать библиотеки в детских домах.

Более восьми месяцев мы, сотрудники «Смены», кроме основных своих обязанностей, жили одним этим общим делом. И вот настала пора подвести итоги.

Надо сказать, что некоторый опыт библиотечного строительства у редакции уже был. Наши читатели помнят, что «всем миром» создавались две библиотеки — взрослая и детская — в Новом Уренгое. Тот эксперимент «Смены» удался, обе библиотеки ныне живут и здравствуют на радость взрослым и юным жителям газовой столицы Западной Сибири. И все-таки, начиная новую кампанию под девизом «Добрые книги — детскому дому», мы

Дорогая редакция! Примите скромный подарок для воспитанников детского дома от воинов-пограничников Заполярья.
По поручению комсомольцев автотранспортного подразделения
В. ПОПОВ,
комсорг, младший сержант

Мне было девятнадцать лет, когда в 1921 году и по комсомольской путевке вместе с другими товарищами была направлена в село Белозерское Курганской области для организации детского дома. Образование у меня в то время было — 5 классов плюс шестимесячные курсы учителей. Оборудование в детском доме никакого, бюджет скудный, но мы не унывали. Сами сколотили деревянные топчаны, из мешковины сшили матрацы, набили их соломой. А вскоре стали поступать к нам дети. Белозерский волостной комитет комсомола взял над нашим детским домом шефство. Комсомольцы собрали для детей небольшую библиотеку. В ней были книги Пушкина, Толстого, Ушинского, русские народные сказки. Для развития речи у детей создали мы кружок рассказчиков, проводили литературные игры...
Теперь другое время, но о детях, как и прежде, первая наша забота. Тем более о тех, кто не знает родительской ласки. Всем сердцем поддерживаю призыв «Смены» и высылаю 67 книг.
А. МЕДВЕДЕВА,
г. Курган

Отправил книги для ребят-детдомовцев. Постарался подобрать издания на любой вкус. Дело вы затеяли нужное, оно не может остаться никого равнодушным. Тому, у кого отзывчивая душа, оно дает адрес для приложения доброты, а самое главное — сплачивает людей, живущих на огромных расстояниях друг от друга.
Е. ЗАШИХОВСКИЙ,
г. Вихоревка, Иркутская обл.

В свое время высылаю в «Смену» книги для Уренгой, теперь высылаю для ребят-детдомовцев. Пусть детские дома станут по-настоящему теплыми домами, пусть меньше в них будет казенщины и серых красок. Пусть ребята почувствуют, у них есть отцы и матери — добрые люди нашей прекрасной страны. Мне 26 лет, я комсомолец. Рад, что виношу и свою лепту в благородное дело.
В. СМIRHOV,
Сочи

Комитет ВЛКСМ и общество книголюбов книгосеппского ордена Трудового Красного Знамени производственного объединения «Фосфорит» высылают книги для детского дома. Наша комсомольская организация поддерживает шефские связи с Ивановским детским домом Ленинградской области. Туда мы отправили более шестисот книг. Шефство над детским домом будет продолжено.
Секретарь комитета ВЛКСМ п/о «Фосфорит»
Ю. МАКАРОВ,
Ленинградская обл.

Наша геологоразведочная партия № 55 работает в самом центре Казахстана, на краю пустыни Бетшино, что означает — Голодная степь. Большинство из нас молоды. Спасибо вам за то, что пишете о детских домах. Да, к сожалению, бывает так, что с семейным благополучием соседствует несчастье. Иначе и не скажешь, если есть дети, обделенные родительской любовью. Так пусть хотя бы в интересных, добрых книгах они не знают нужды.
По поручению коллектива партии партгруппорг
Л. ТОНКИХ,
пос. Шалгинский,
Джезказганская область

Уважаемые товарищи! Посылаю книжки для ребят-детдомовцев. Одну из них — «Право на доверие» — написал сам, две других перевел с киргизского. Остальные книги шлю в подарок своим ровесникам мои сыновья.
С добрыми пожеланиями
В. ВАКУЛЕНКО,
г. Фрунзе

не раз спрашивали себя: а каков будет отклик на этот призыв? Откликом стало небывалое количество посылок и бандеролей с книгами со всех уголков страны.

Да, опыт у нас уже был. Но формирование библиотек именно для детских домов имело свои сложности. Первая из них: отправка намечалась не в один населенный пункт, книги предстояло доставить в десятки адресов по всей стране. Другая сложность состояла в том, что если раньше книги шли, что называется, в «общий котел», то теперь предполагалось сформировать отдельные библиотечки по 1000

А если бы вы, дорогие читатели, в один из этих месяцев зашли к нам в редакцию, то наверняка подумали бы, что, перепутав адрес, попали в книгохранилище. Нам, сменовцам, на все время, пока продолжался сбор книг, тоже пришлось потесниться, ведь светлых помещений в редакции нет, так что все бандероли и посылки с книгами размещались в кабинетах сотрудников.

Чуть ли не каждый день из экспедиции издательства «Правда» раздавался звонок: «Смена»? Вам посылки с книгами. Обеспечьте разгрузку». Каждый день звонили и москвичи: «Хотим

подарить детям книги. Объясните, как к вам проехать». Поначалу думали мы назвать поименно всех дарителей — пусть не только нам в редакции будут известны фамилии этих бескорыстных и добрых людей, но когда составили список, увидели, что не уместится он и на нескольких журнальных страницах. Школы, учебные и научные институты, заводские бригады и целые цеха, самые различные организации были коллективными отправителями посылок с книгами, а кроме них, еще более двух тысяч читателей «Смены» разных возрастов — искренних друзей нашего журнала.

Более трех с половиной тысяч посылок и бандеролей, а в них девяносто тысяч книг — нам одним, конечно, не управиться бы с этим огромным книжным морем, если бы не наши добрые помощники и друзья — комсомольцы Государственной республиканской юношеской библиотеки имени 50-летия ВЛКСМ. Постоянное участие и заинтересованность проявляли директор библиотеки Ирина Викторовна Вахмутская, секретарь комитета ВЛКСМ Мария Фролова-Багреева, все молодые сотрудники. И им тоже было трудно: у себя в отделах забот по горло, большинство учится в вечерних институтах, а тут чуть ли не каждый

день в течение полугода пришлось направлять к нам в редакцию квалифицированных специалистов, которые и занимались комплектованием библиотечек для детских домов. Комсомольцы Республиканской юношеской библиотеки восприняли нашу просьбу как самое серьезное комсомольское поручение и выполнили его отлично. Так что в каждой из книг, отправленных «Сменой» детям, есть тепло не только сердец людей, пришедших книги, но и тепло заботливых рук молодых московских библиотекарей. Помнят эти книги и комсомольцев из Московского ГПТУ № 91, что расположено рядом с нашей редакцией. Это они помогли нам доставить на почту скомплектованные библиотеки.

Мы уже рассказывали в десятом номере журнала, как приняли книги в детских домах Владимирской, Калининской и Ярославской областей. Это было знакомство очное. А вот с воспитателями и ребятами детских домов, куда книги были отправлены по почте, мы познакомились, получив от них искренние, трогательные письма. Вот выдержки из двух таких писем.

«Дорогие товарищи! Большое Вам спасибо за книги. Видели бы Вы радость наших детей, когда распаковывались посылки. Вы прислали лучший подарок, какой только можно придумать. Сохранность и бережное отношение к этим книгам гарантируем: все поставлено на учет, каждый из воспитанников знает историю появления книг у нас в доме», — пишет в редакцию директор Вельского дошкольного детского дома Архангельской области В. А. Павлова.

И еще письмо. От воспитанников Каргопольского школьного детского дома Архангельской области. «Искренне благодарны всем, кто принял участие в сборе книг для нашего дома, так как библиотека у нас была совсем маленькая, не хватало книг даже

ПОДАРОК

по школьной программе, не говоря уже о художественной литературе. С помощью «Смены» библиотека дома пополнилась тысячей книг. Большое спасибо за такой подарок».

Теплые письма получили мы и из других адресов, по которым отправлены книги. Читать их радостно, радостно за тех, кто получил подарки, радостно и за тех, кто подарки эти отправил в адрес «Смены».

Добавим, кстати, что не все из заинтересованных в общем деле читателей

смогли отправить книги детдомовским ребятам, кому-то это оказалось трудно сделать просто из-за имеющегося определенного книжного дефицита. Стремясь хоть как-то поучаствовать в общем деле, эти бескорыстные люди прислали в наш адрес денежные переводы. Сейчас мы можем им сообщить, что на их деньги мы приобрели в издательстве «Детская литература» несколько сотен экземпляров отличных книг. Все они уже отправлены в детские дома.

Класс у нас маленький, всего 15 человек, но мы очень дружны. У некоторых наших ребят нет папы, у некоторых мамы, но у каждого есть свой дом, согреваемый теплом наших близких. И мы очень хотим, чтобы у детдомовских ребят был такой же теплый дом. Высылаем 78 книг, которые собрали вместе с нашей учительницей. Конечно, это не так уж и много, но мы их дарим ребятам от всего сердца. Мы долго думали, подписывать книги или нет, потом решили, что неважно, кто послал книги, важно, что каждый из нас посылает свои любимые.

С пионерским приветом
ученики 5-го класса школы № 12,
Минеральные Воды

Решил откликнуться на призыв «Смены». У меня в детстве было мало хороших книг, читал, что попадало под руку. Книги В. Астафьева, В. Тендрякова, А. Алексина, В. Крапивина, многих других прекрасных писателей я прочел уже после того, как вышел из стен детского дома. Я и сейчас перечитываю их с радостным упоением, они самые любимые, самые дорогие, самые верные друзья. С книгами мне теплее, с ними и забываю про свое одиночество. Они, словно отец и мать, приходят ко мне и согревают сердце. И все же я отсылаю эти книги для детского дома. Они там нужнее, чем мне. Пусть согревают они маленьких моих собратьев по судьбе. Понимаю, сколь мал мой вклад. Но это лучшее, что у меня есть. Спасибо вам за заботу о «подранках».

Бывший детдомовец

В. ГОРОХОВ,
Тобольск

...Это было февральским вечером. Мы, книголюбы, собрались в здании вечерней школы. Читали стихи (заседание было посвящено памяти Пушкина). Поминте: поэт просит перечитывать свои творения после его смерти. «И я, презрев могильный тлен, войду, невидимый, и сяду между вами, и сам заслушаюсь, и вашими слезами ушьюсь...» Кажется, никто бы из нас не удивился, зазвучи в тот вечер живой голос поэта. Бывают такие редкие прекрасные мгновения... А потом мы обсуждали обращение «Смены» к читателям. Посылая книги, очень хотим, чтобы дети, особенно лишенные семейного тепла, чаще чувствовали радость встреч с Прекрасным, с настоящей Литературой.

Книголюбы из г. Краснокаменска

Итак, дорогие друзья, восемь месяцев продолжался сбор книг нашей редакцией. Пришло время его завершить. **БИБЛИОТЕКИ «СМЕНИ» ЖИВУТ, ДЕЙСТВУЮТ В 92 ДЕТСКИХ ДОМАХ СТРАНЫ.**

Теперь, дорогие читатели, мы просим вас книг в нашу редакцию больше не присылать. Но, отлично сознавая, что фонды созданных библиотек нуждаются в постоянном обновлении и пополнении, рекомендуем всем, кто еще хочет послать книги в подарок детям, обратиться с письмом в нашу редакцию. Мы с удовольствием сообщим адрес ближайшего от вашего места жительства детского дома, куда можно отправить книги.

На этом, конечно, разговор о проблемах детских домов на страницах журнала не заканчивается. Еще раз хотим подчеркнуть: шефство над детскими домами — это не временная кампания. Ребятам очень нужны надежные и верные друзья. Приглашаем вас к себе в союзники в добром и благородном деле.

Редколлегия журнала «Смена»

ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА КОНКУРСА «НАША РОДИНА»

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

В № 6 «Смена» объявила конкурс «Наша Родина», посвященный 60-летию образования СССР. Как мы и ожидали, читатели встретили его с большим интересом. Это хорошо видно из писем с ответами на вопросы первого тура «Широка страна моя родная». Вот несколько выдержек из писем:

Е. Кувардина из поселка Розет Ростовской области: «Большое спасибо всем, кто придумал и организовал на страницах вашего журнала конкурс «Наша Родина». Это очень интересное и познавательное занятие. Действительно, широка наша страна, и, путешествуя по множеству страниц разных источников, как бы наяву бываешь во многих уголках Родины, глубже познаешь ее красоту, великий народ и его подвиги. И невольно проникаешься еще большей гордостью, что мы живем в такой могучей, такой прекрасной стране». В. Малявко из г. Прокопьевска Кемеровской области: «Никогда не участвовала в конкурсах, считала — это для молодых. Но вот, мне кажется, ваш журнал открыл новую эру в моей жизни. В гостях у друзей увидела стопку «Смены». Листая номера, обратила внимание на конкурс «Наша Родина». Вопросы настолько заинтересовали, что решила и я рискнуть...» Постоянный участник конкурсов эрудитов, читатель А. Панасюк из г. Гайсина Винницкой области: «Что может быть прекраснее, нежели познание новых ярких страниц из биографии Родины! В этом помогает организованный вашим журналом новый конкурс. Большое спасибо». Д. Кучук из Кишинева: «Спасибо за конкурс! Отличный способ узнать как можно больше о нашей стране».

Сотни и сотни читателей приняли участие в первом туре конкурса — от учеников пятого класса до людей преклонного возраста. Люди разных профессий. А по адресам на конвертах можно изучать географию страны: на них встретишь все республики, и города-миллионеры, и деревни, не обозначенные на самых крупномасштабных картах. Так велик интерес к конкурсу.

Похвально, что многие читатели до последней минуты использовали срок, отведенный на поиски ответов. Л. Рыбаков из села Савино Марийской АССР написал в повторном письме: «Я уже отправил сегодня утром, 15 мая, письмо в «Смену». И все равно пошел в библиотеку, чтобы попытаться ответить хотя бы еще на один вопрос. И знаешь, редакция, у меня это получилось». Действительно, читатель сумел в день последнего срока отправить писем в редакцию найти верный ответ на пятый вопрос.

А теперь скажем о некоторых наблюдениях, сделанных членами жюри при изучении писем с ответами. В первом туре женщин участвовало вдвое больше, чем мужчин. 119 участников конкурса набрали по 30 и больше очков. Самыми любознательными проявили себя жители Воронежа и области, приславшие больше тридцати конкурсных писем. При этом восемь воронежцев набрали по 30 и больше очков.

Самым интересным признан седьмой вопрос. Так считают даже те, кто на него не сумел ответить. Самым трудным читатели назвали пятнадцатый вопрос. Ответ на него можно найти, например, в книге Гамзата Цадасы «Стихотворения и поэмы», изданной в малой серии Библиотеки поэта. Но, к сожалению, мало кто догадался обратиться к ней.

Приведем два ответа на этот вопрос. Десятиклассник И. Учакаев из села Уркарах Дагестанской АССР написал так: «...У юношей даргинского (моего) народа принято загадывать на клевере имя любимой. Этот обычай сохраняется по сей день. Он известен и у некоторых других народов Дагестана». А вот как ответил на пятнадцатый вопрос С. Шаболов из Душанбе: «На Памире, в Горно-Бадахшанской автономной области, шугнанцы, рушанцы и ванцы и по сей день чтят обычай. Именно в этих местах растет клевер, на верхушке стебля которого обычно бывает три симметрично соединенных листочка. Перед юношей стоит трудная задача: найти стебель, на верхушке которого четыре листочка. Обнаружив редкое растение, юноша найдет и свою любимую. Правда, об этом обычае памирцев нигде не написано». Что ж, за столь интересный ответ можно только поблагодарить.

Тщательно изучив все присланные в объявленный срок, то есть отосланные не позднее 15 мая, письма, жюри выявило тридцать победителей. Отраднее отметить, что некоторые читатели, постоянно участвуя в наших конкурсах и проявляя подлинную эрудицию, становились победителями уже неоднократно. На все вопросы правильно сумела ответить только читательница из поселка Иволгинск Бурятской АССР **Татьяна ТИМАКОВА**. Ей начислено 50 очков и присужден альбом «Москва».

Альбомом «Москва» награждены также **Е. Киливник** и **В. Ващенко** из Днепропетровска, набравшие по 48 очков, а также **Н. Игнатенко** из Донецка и **Л. Проворов** из Ленинграда — по 47 очков.

Окончание на 32-й стр.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА

Дмитрий
МЕЩАНИНОВ.
Фото автора

Как-то Альберта Эйнштейна спросили, какое оружие будет применено в третьей мировой войне. Ученый ответил, что этого он не знает, но в четвертой мировой войне, с его точки зрения, единственным оружием будет каменный топор.

КОГДА НА УЛИЦЫ
ЯПОНСКИХ ГОРОДОВ
ВЫХОДЯТ
АНТИВОЕННЫЕ
ДЕМОНСТРАЦИИ,
ТО КАЖЕТСЯ,
ЧТО В НИХ
УЧАСТВУЕТ
ВСЬ НАРОД.
ПАМЯТЬ О ГОРЕ
СТАЛА ОРУЖИЕМ
ПРОТИВ
НОВОГО ГОРЯ.

ВЗЫВая
К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПАМЯТИ,
ПОДНЯЛСЯ
В ПАРКЕ МИРА В НАГАСАКИ
ЭТОТ СКРОМНЫЙ
ОБЕЛИСК.
ЗДЕСЬ БЫЛ
ЭПИЦЕНТР ВЗРЫВА.
ВТОРОГО
И ПОКА ПОСЛЕДНЕГО
БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ.
ОНО И ДОЛЖНО
ОСТАТЬСЯ ПОСЛЕДНИМ.

«ЛИТ БОЙ» — «МАЛЫШ»,
ТАК ОКРЕСТИЛИ БОМБУ,
КОТОРОЙ ПРЕДСТОЯЛО
УНИЧТОЖИТЬ ТЫСЯЧИ
И ТЫСЯЧИ
УЖЕ РОДИВШИХСЯ
ЯПОНСКИХ МАЛЫШЕЙ.
УБИТЬ И ИЗУРОДОВАТЬ
В УТРОБЕ МАТЕРИ ТЫСЯЧИ
И ТЫСЯЧИ НЕРОДИВШИХСЯ.

...Старик неторопливо шел по аллеям тенистого парка, ведя за руку непоседливую, разговорчивую, пестро разодетую внучку. Иногда она вырывалась и пряталась в плотных зарослях кустарника, или кувыркалась на зеленой, аккуратно подстриженной траве, или брызгалась водой из фонтана, или звонко смеясь, носилась вокруг деда. Старик добродушно журил проказницу, ловил ее за руку, и они шли дальше.

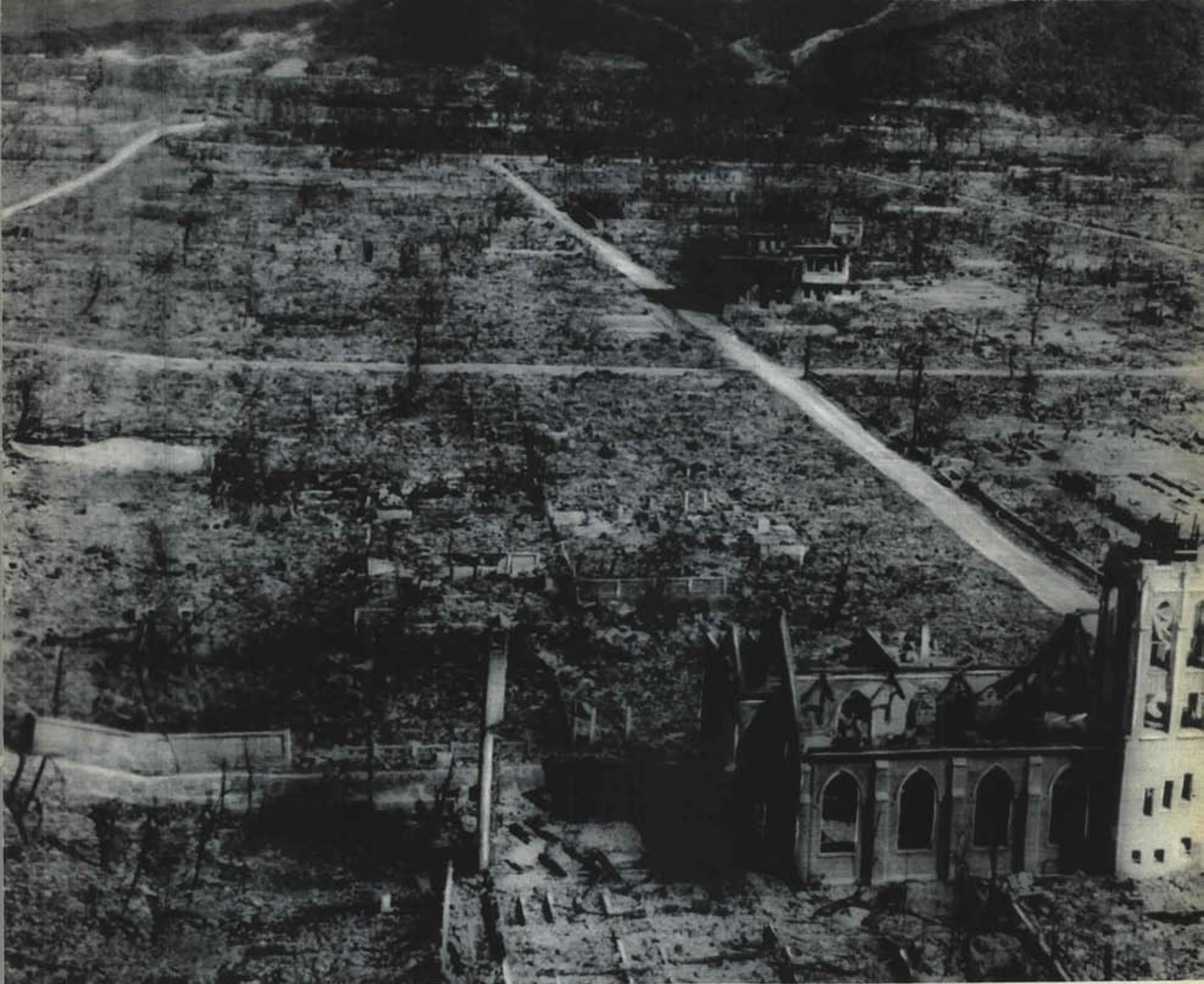
Наконец они остановились у бетонной трехгранной стелы. Старик огляделся вокруг, словно видел впервые этот просторный парк со стройными густыми соснами, с пушистыми веерными пальмами и вечнозеленым кустарником вдоль аллей, с морем цветов, пылающим круглый год всеми цветами радуги. Его взгляд, скользнув от подножия до вершины обелиска, остановился на полблещем от полуденной жары небе.

Он долго стоял, запрокинув голову. Пристально вглядывался в небо, крепко прижимая к себе морщинистыми руками притихшую вдруг внучку...

...С весны 1945 года бомбежки стали особенно беспощадными. Сотни «летающих крепостей» В-29 (недосягаемых для японских зенитных орудий и истребителей) ежедневно поднимались с аэродромов на Марианских островах и методично, как любило выражаться американское командование, «возвращали Японию в каменный век».

Один за другим японские города превращались в груды дымящихся развалин. Лишь Хиросиму, Кокуру, Ниигату и Нагасаки почти не бомбили: их почему-то щадили... Тем временем американские специалисты лихорадочно заканчивали работы по так называемому «Манхэттенскому проекту», по созданию атомной бомбы, — чтобы успеть испытать ее «в деле» до капитуляции Японии.

16 июля ослепительная вспышка разогнала предрассветные сумерки над мрачным плато Хорнада дель Муэрто в северо-западной части штата Нью-Мексико. Об успешной генеральной репетиции было срочно доложено в Потсдам президенту Трумэну, только что прибывшему на встречу глав трех держав антигитлеровской коалиции — Советского Союза, Соединенных Штатов и

**6 АВГУСТА 1945 ГОДА
ХИРОСИМА БЫЛА СМЕТЕНА
С ЛИЦА ЗЕМЛИ
ОГНЕННЫМ ВЕТРОМ.
ПЕРВОЕ
В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ...**

Великобритании. Вторая шифровка ушла в Сан-Франциско. С американской военно-морской базы вышел крейсер «Индианополис» и направился в сторону тихоокеанского острова Тиниан. На борту находился сверхсекретный груз. На обратном пути крейсер был торпедирован японской подлодкой и пошел ко дну вместе со всем экипажем. Случись это раньше на несколько дней, один из двух испепеленных городов мог бы уцелеть.

25 июля, то есть за сутки до опубликования Потсдамской декларации, требовавшей безоговорочную капитуляцию Японии во второй мировой войне, американские генералы получили следующую депешу от Трумэна:

«Совершенно секретно, генералу Карлу Спаатсу, командующему стратегической авиацией США. 509-й авиагруппе 20-й воздушной армии надлежит сбросить первую спецбомбу после 3 августа (как только позволит погода) на одну из целей: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки...»

Смертный приговор одному из японских городов и его жителям был подписан. Оставалось только выбрать первую мишень, где 20-килотонный монстр мог бы полностью раскрыть свои дьявольские возможности.

Данные аэрофотосъемки показывали, что идеальная в этом отношении цель — Хиросима. Густонаселенный город лежал, как в тарелке, в плоской речной дельте, обрамленной с трех сторон горами. Главная цель была

определена — до первой атомной бомбардировки оставались считанные дни.

31 июля группа ученых под руководством Нормана Ромсея завершила сборку «Малыша» — урановой бомбы. Но еще несколько дней операция откладывалась из-за неблагоприятных метеосудов: сбросить адскую машину хотели наверняка, с максимальным эффектом.

5 августа ожидалось улучшение погоды. Во второй половине дня «Малыша» (его разрушительная сила равнялась бомбовому грузу четырех тысяч «сверхкрепостей») подняли гидравлическим подъемником — сантиметр за сантиметром — в специальное устройство на самолете под номером 82, больше известном как «Энола Гей». Так его назвал по имени своей матери полковник Тиббетс, командир особого подразделения бомбардировщиков.

Поздно вечером участникам операции вручили тяжелые очки с толстыми темными стеклами и пояснили: «Во время атаки вы должны надеть эти очки. Снимать их нельзя ни в коем случае. Слепой пилот никогда еще не доставлял самолет В-29 благополучно домой...»

6 августа. 1 час 37 минут. С острова Тиниан стартовали три самолета, которые должны передавать сведения о погоде над возможными объектами бомбардировки. 2 часа 37 минут. «Энола Гей» тускло поблескивает в лучах прожекторов. Около сотни репортеров (никто из них не подозревает, какой трагедии предстоит свершиться: им лишь сказали в штабе, что это — «начало новой эры») плотным кольцом обступили летчиков, с трудом пробивающихся сквозь толпу к самолету. 2 часа 45 минут. Перегруженная «Энола Гей» с трудом отрывается от земли в нескольких

метрах от конца трехкилометровой взлетной полосы и скрывается в темном небе.

Словно предчувствуя беду, обреченные японские города прикрылись густой завесой облаков, и только над главной целью оказался просвет в несколько десятков квадратных километров. Бомбардировщик берет курс на Хиросиму...

В 8 часов 14 минут 15 секунд «Энола Гей» освобождается от «Малыша», и он, плавно покачиваясь на парашюте, неторопливо приближается к земле. Через 75 секунд после сброса в 500 метрах над центром ничего не подозревающего, занятого своими будничными делами города бомба взрывается.

«Сначала появилась яркая молния, — рассказывал после возвращения на аэродром кормовой стрелок Кэрон. — Затем спящий свет, в котором была видна приближающаяся взрывная волна, потом — грибообразное облако. Впечатление было такое, словно над городом бурлило море кипящей смолы...»

Там, внизу, в «море кипящей смолы», горели, задыхались, погибли в нечеловеческих мучениях люди. Более двухсот тысяч детей и стариков, мужчин и женщин, так никогда и не узнавших, что же произошло в то солнечное утро. Над этим морем смерти и страданий, как стертая парила «мамаша Гей». Члены экипажа во главе с Тиббетсом наблюдали, изучали, фотографировали дело своих рук и... шутили.

Джеппсон (тот, кто зарядил «Малыша»): «Святой Иисус! Если бы люди знали, что это будет за зрелище, мы могли бы продавать билеты по 100 тысяч долларов за штуку!»

Шумард (бортмеханик): «Все в этом облаке было смертью. Вместе с дымом вверх летели какие-то черные обломки. Один из нас сказал: «Это души японцев возносятся на небеса».

«Это похлестче, чем за четверть доллара съезжать на собственном задку с горы на Кони-Айленд», — пошутил Кэрон.

«Что ж, тогда я соберу с вас по четвертаку, когда мы сядем!» — засмеялся полковник Тиббетс.

«Придется подождать до получки!» — ответили остальные хором.

«Ждать до получки» не было необходимости: через несколько дней они опять, бесплатно, наблюдали очередное «зрелище» — ценою еще в сто тысяч человеческих жизней.

На сей раз главная цель — Кокура, представлявшая собой, как и стертая с лица земли Хиросима, прекрасную мишень. Трижды «Бок кар» и сопровождавшие его «летающие крепости» подлетали к городу, но плотная облачность не позволяла прицельно сбросить плутониевую бомбу, названную «Толстяком». Бомбардировщики развернулись и

направились к запасной цели — Нагасаки.

Второй раз за утро в городе надрыбно завывали сирены, но мало кто обратил на них внимание и спустился в бомбоубежище. Вот уже несколько месяцев «сверхкрепости» особого подразделения появлялись над Нагасаки, как, впрочем, и над остальными возможными объектами атаки. Они пролетали небольшими группами, сбрасывая время от времени по одной бомбе, не причинявшей городу значительного ущерба.

Жители привыкли (вернее, их приучили в соответствии с тщательно продуманным планом) не принимать всерьез ни появившиеся по утрам высоко в небе американские бомбардировщики, ни сигналы частых тревог... Так случилось и тогда, утром 9 августа. Никто не придал особого значения и разноцветным листовкам, сброшенным за час до трагедии с самолета-разведчика. На них были написаны лишь два слова: «Час пробил».

...«Бок кар» приближался к Нагасаки. Над городом плыли рваные облака, значит, прицельное бомбометание исключалось. Между тем приказ недвусмысленно требовал сбросить «Толстяка» визуально или вернуться вместе с ним на базу. Но после безуспешных полетов на Кокуру самолет мог и не дотянуть до ближайшего аэродрома на Окинаве. Надежнее было избавиться от тяжеленного «Толстяка».

Судьба целого города решалась в тот миг четырьмя членами экипажа... Они произвели сброс с помощью радара. В 11 часов 2 минуты бомба взорвалась над Нагасаки.

Наблюдатели, находившиеся в хвосте «Бок кара», увидели гигантский огненный шар, который вырвался словно бы из-под земли. Затем столб фиолетового огня с огромной скоростью поднялся до высоты трех километров, прорывая плотные облака. На его месте выросла гигантская дымная пирамида с коричневым основанием, янтарным центром и белоснежной вершиной. Из нее начало расти пенящееся и кипящее грибообразное облако, подымавшееся до высоты тринадцати километров. Через несколько секунд гриб оторвался от пирамиды, поднялся в стратосферу и превратился в цветок с обращенными к земле бело-кремовыми лепестками.

Вернувшись на базу, члены экипажа «Бок кара» рассказывали: «Через минуту после взрыва нам показалось, будто самолет ударился о телеграфный столб. Мы почувствовали пять ударов, все они были намного сильнее тех, что ощущались над Хиросимой. Что было после? Было то же самое».

«То же самое» — это огонь, страдания, смерть...

«Когда произошел взрыв, — вспоминал преподаватель медицинского училища Такаси Нагаи, — я находился в радиологическом отделении. В тот момент мне казалось, что не только настоящее разбивается вдребезги, но и прошлое сметено навсегда, а будущее полностью разрушено. Я видел, как наш факультет и всех студентов в одно мгновение поглотило пламя. От моей жены осталась лишь небольшая кучка обуглившихся костей — я собрал их по одной среди развалин нашего дома. Ее останки весили не больше, чем маленькая почтовая посылка. Я никогда не думал, что атомный взрыв приведет к такой катастрофе. Только когда стало достаточно светло, чтобы я мог что-то увидеть, только тогда, поглядев вокруг, я сказал себе: «Это конец света».

За считанные секунды словно злой гений изуродовал лицо города. Вся равнинная часть Нагасаки вдоль русла реки Уракан была почти полностью сметена в океан. Перекатившись через холмы, мощная взрывающая волна подкосила многоэтажные здания в центре, разрушила вековые храмы и святилища, разметала деревянные кварталы ремесленников, превратила в груды развалин цеха сталелитейного завода «Мицубиси».

Из газового мерцающего (казалось, что внутри вспыхивают тысячи электрических лампочек) облака, повисшего над Нагасаки, около часа дня просыпа-

лись черные капли дождя и мгновенно испарились в пекле пожара. Горело все: деревья, телеграфные столбы, здания. Из-под развалин доносились душераздирающие вопли жертв, которых уже ничто не могло спасти. Пыль и пепел клубились над обгоревшими телами, над обезображенными, бившимися в предсмертных судорогах существами, еще недавно называвшимися людьми. Жуткий, удушущий, вызывающий тошноту запах пропитал весь город. Чудом уцелевшие жители карабкались по склонам холмов, продираясь сквозь раскаленный частокор горящего леса в надежде выбраться из окружившего город огненного кольца.

Наступила ночь. Побледневшая луна выглянула из-за гор. Газовое облако, все еще висевшее над Нагасаки, отражало кроваво-красные слюхи агонизирующего города. Ветер совсем стих. Стали отчетливо слышны несущиеся со всех сторон крики: «Воды, воды!» — и... рокот моторов пролетающих на вызывающе низкой высоте американских самолетов-разведчиков. Тысячи людей умерли той ночью, а те, кто выжил, верили, что все позади. Они не знали тогда, что многие из них носят в себе смерть — невидимый заряд радиоактивности...

Несколько десятилетий прошло с тех пор. Долго и трудно залечивал город свои страшные раны. На обширной, расчищенной от руин территории жители Нагасаки в память о погибших и в назидание потомкам разбили прекрасный парк — парк Мира. Над ним, на фоне яркого южного неба, возвышается десятиметровая статуя Мира. Откинутой в сторону левой рукой бронзовый атлет словно призывает людей к бдительности, а другой — указывает на небо, откуда опустился на Нагасаки атомный смерч. Через площадь от статуи большой Фонтан звенит хрустально чистой прохладной водой. Трехгранная стела обелиска отмечает эпицентр взрыва.

На окраине парка построено здание Международного культурного центра. Здесь находится музей, рассказывающий о трагедии жителей Нагасаки. На стенах — ужасающие фотографии, сделанные спустя несколько часов после атомной бомбардировки. За стеклом витрин — сплюснутые, перекрученные, полурасплавленные бутылки из зеленого стекла, подобранные среди развалин города, сплехи в один комок металлические монеты, множество часов. Разных часов — наручных, карманных, настольных, настенных. Все они без стрелок, точнее, вместо стрелок остались их темные следы, на мертвых циферблатах. Все они показывают одно и то же, раз и навсегда остановившееся время — время гибели десятков тысяч жителей Нагасаки.

В этом музее всегда многолюдно. Сюда приходят не только туристы со всех уголков мира, но и сами японцы, чтобы еще раз осмыслить трагедию своих соотечественников. Ведь долгие годы в Японии мало кто толком представлял, что же случилось в Хиросиме и Нагасаки перед концом и без того проигранной войны.

...Сразу после бомбардировок в США начали формироваться специальные группы (в их состав входили физики, техники, врачи, офицеры контрразведки), которые должны были изучить последствия взрывов на месте и составить подробнейший отчет. Поверженные японские города становились испытательным полигоном для создания новых видов атомного оружия.

В начале сентября 1945 года группы прибыли в Японию. То, что увидели собственными глазами американские специалисты, поразило даже их, выдавших виды людей.

«Мне бы хотелось знать меньше о разрушениях, чем я знаю. Атомная бомба не просто оружие. Это что-то намного более страшное, и против этого нет

никакой защиты. Люди Хиросимы и Нагасаки, которым удалось избежать смерти от взрывной волны или от ожогов, умирали от последствий радиоактивного излучения», — говорил физик Моррисон, выступая перед особым комитетом американского конгресса.

Эти слова стали известны намного позже, а тогда, 12 сентября 1945 года, заместитель начальника «Манхэттенского проекта» генерал Фэрелл на пресс-конференции для иностранных журналистов в Токио цинично заявил: «Все, кому выпало умереть, умерли. И никто не страдает теперь от последствий взрывов в Хиросиме и Нагасаки». Еще через два дня американские оккупационные власти наложили категорический запрет на любую информацию, так или иначе касающуюся испепеленных городов и их жителей.

Был конфискован, к примеру, фильм, снятый японской кино съемочной группой во главе с известным режиссером Акира Ивасаки вскоре после атомных бомбардировок. И все же Ивасаки и его коллеги, рискуя жизнью, сумели отпечатать копию, показанную много лет спустя.

Во всех клиниках, где находились больные, бежавшие из Хиросимы и Нагасаки, появились американские специальные подразделения. Они конфисковывали истории болезней и даже анатомически препарированные трупы. Мертвые и еще живые должны были молчать. Для всего мира атомная бомба должна была быть всего лишь невероятной большой бомбой. И не более того.

«Хибакуся» — люди, пережившие атомные бомбардировки, перестрадавшие и так слишком много, — стали кастой отверженных. «Хибакуся» стали запретной темой даже в литературе и искусстве. (Всякий дерзнувший коснуться ее, подвергался репрессиям оккупационных властей.) Никто не имел права публично призывать помочь им. Между тем действенная помощь была им необходима. Подорванное здоровье не позволяло иметь постоянную работу, а все их имущество и сбережения погибли. Они потеряли близких и остались наедине со своим горем. «Хибакуся» даже запрещалось открыто говорить о физических муках. Им разрешалось одно — тихо и мучительно умирать в нищете и одиночестве.

Шесть лет спустя после атомного взрыва в Нагасаки, в возрасте сорока трех лет, скончался Такаси Натаи, чьи воспоминания приводились выше. Умирали и другие люди, тысячи людей. Ну, а те, кто продолжал жить, страдали тяжелыми заболеваниями, называемыми сегодня «остаточными симптомами взрыва атомной бомбы». Многие, не выдержав мучений, сходили с ума или кончали жизнь самоубийством.

Только в 1951 году, когда с подписанием Сан-Францисского договора формально прекратился оккупационный режим, японцы начали узнавать о трагедии своих соотечественников. Тогда же стал известен и еще один аспект проблемы «хибакуся».

Оказалось, что их страх за собственную жизнь — ничто по сравнению со страхом за своих детей, родившихся уже после атомной бомбардировки. Очень часто дети «хибакуся» рождались (если вообще рождались) с умственной или физической недоразвитостью, врожденными уродствами, психическими отклонениями. Очень часто вполне, казалось бы, здоровые дети неожиданно погибали от лейкемии и других тяжелых недугов.

...Такамитсу Ямашита родился в Нагасаки 12 сентября 1946 года. Родители никогда не находили у сына никаких болезней, он рос здоровым и крепким. В тот день, 25 апреля 1963 года, он рано вернулся из школы домой. Такамитсу мучила головная боль, он испытывал сильное головокружение. Его срочно отвезли в ближайший госпиталь, где после обследования врачи вынесли страшный приговор: лейкемия — прожи-

вет самое большое две недели. Действительно, болезнь быстро прогрессировала. Началось кровотечение из десен, затем стали кровоточить капиллярные сосуды кожи и внутренних органов. Ему парализовало щеку, рот, часть языка. Он не мог больше есть, с трудом бормотал слова. Только питание, которое вводилось внутривенными инъекциями, и забота родителей, дежуривших у постели сына круглосуточно, смогли продлить жизнь Такамитсу Ямашита еще на два месяца. Он каждый день терял в весе. Его с трудом можно было узнать: взгляд устремленный в пространство, выпирающие скулы, провалившиеся глаза. Он как будто понимал, что происходит, и незадолго до смерти дал понять, что никого не хочет видеть. Через три дня Такамитсу умер...

Проблема «хибакуся» постепенно переросла в серьезнейшую социальную проблему. Многие сторонились их как прокаженных. «Хибакуся» второго поколения стараются скрыть свою даже косвенную причастность к событиям многолетней давности. Они уезжают из родных мест туда, где никто не знает их прошлого. Но прошлое напоминает о себе вечным страхом — никто не может гарантировать, что цепкие щупальца радиоактивной смерти не дотянутся до их детей, «хибакуся» третьего поколения.

Прогрессивные силы Японии за долгие годы борьбы добились от правительства предоставления некоторой материальной помощи жертвам атомных бомбардировок. Но суммы, которые отускаются на бесплатное лечение «хибакуся», выглядят жалкой подачкой на фоне миллиардных расходов на милитаризацию страны.

Уже сейчас японские «силы самообороны», существующие вопреки конституции являют собой одну из самых мощных армий мира. Но в планах местных «ястребов» — их модернизация, оснащение новейшим оружием. Военное ведомство получает в этом году рекордную сумму в 2,6 триллиона иен. Не случайно новый бюджет сравнивают с барометром, который показывает «ясно» в отношении курса на милитаризацию, предсказывает пасмурные дни для самых широких слоев населения.

Парадоксально, но факт: Япония, пострадавшая от американских атомных бомб, прикрывается сегодня «ядерным зонтиком» опять же американского производства. На ее территории «прижились» военно-морские базы США — одна из них, кстати, находится рядом с Нагасаки. В ее порты частенько наведываются американские боевые корабли и подводные лодки с ядерным оружием на борту.

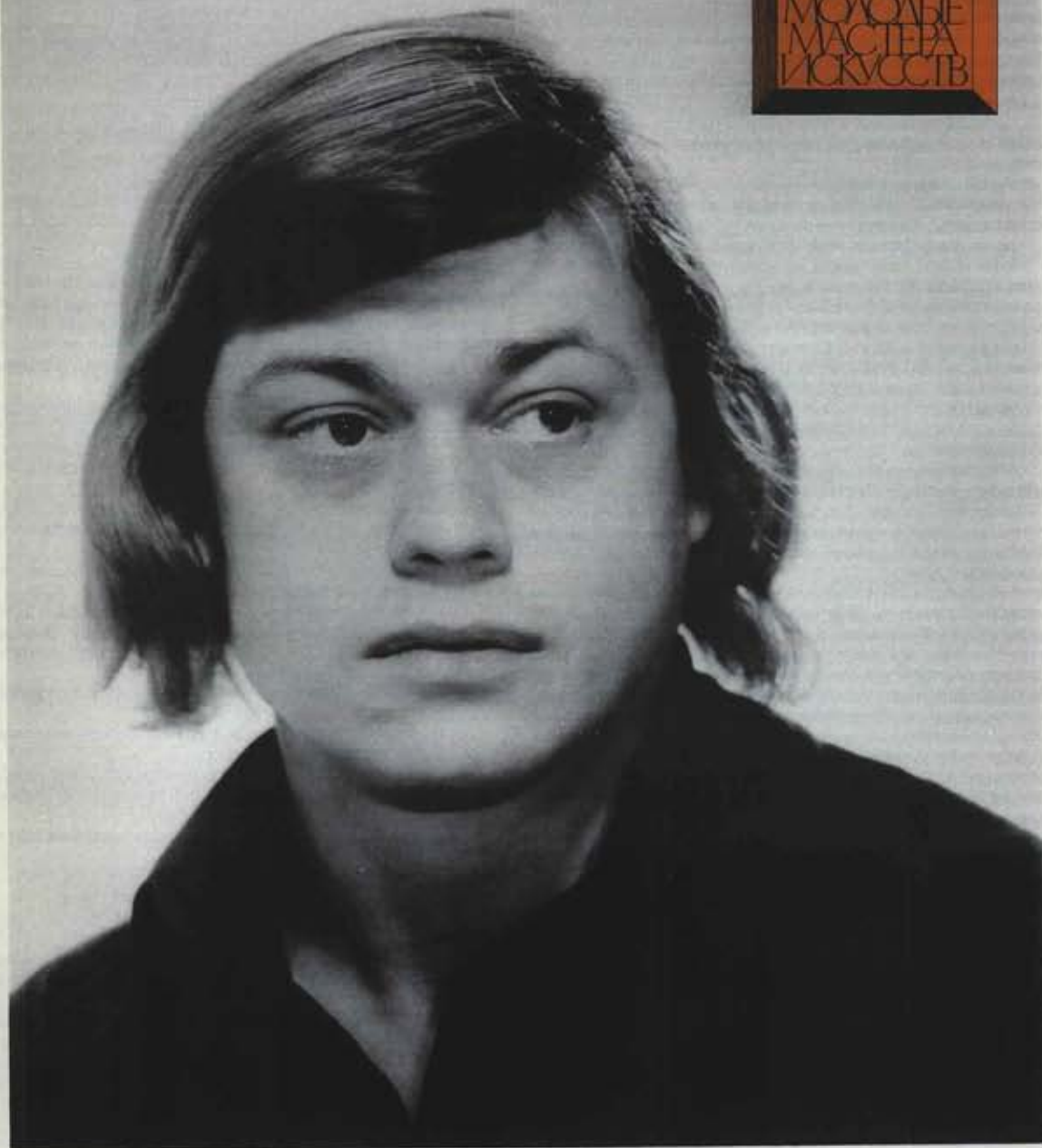
Народ Японии — против. Все больше японцев вступают в ряды борцов против милитаризации страны. Они требуют от правительства соблюдать «три неядерных принципа» — не ввозить, не иметь и не производить ядерное оружие. Они требуют оказать действенную помощь 370 тысячам «хибакуся», для которых атомная трагедия продолжается и сегодня.

Миллионы жителей Японских островов участвуют в традиционных маршах мира. Вместе с посланцами многих зарубежных стран они проходят сотни километров по дорогам Японии, заканчивая свой путь в Хиросиме и Нагасаки, которые в эти августовские дни становятся эпицентром солидарности всех честных людей Земли, борющихся за прочный мир на нашей планете.

Каждый год множество людей 9 августа собирается в парке Мира в Нагасаки. Тысячи факелов вспыхивают вечером на площади перед статуей Мира. Сюда приходят целыми семьями, чтобы почтить память погибших, чтобы поклониться не жалеть сил в борьбе за счастье и безопасность людей.

Были здесь, конечно, и старик с внучкой, которых я встретил утром возле бетонной трехгранной стелы, отмечающей эпицентр атомной трагедии.

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВА

В те дни о больной ноге Николая говорил весь театр — от вахтера до главного режиссера. Были назначены точные сроки сдачи нового спектакля «Юнона» и «Авось», где у Караченцова большая ответственная роль. Сыграет или не сыграет?.. Особенно волновался хореограф спектакля Владимир Васильев: ведущий солист балета Большого театра знал, какие сложные танцевальные номера предстояло выполнять артисту. На репетициях он с беспокойством поглядывал на Николая. А тот как ни в чем не бывало, слегка прихрамывая, ежедневно появлялся в театре, выступая сразу в двух ипостасях — как исполнитель и сорежиссер спектакля совместно с Марком Захаровым. И в назначенный день он вышел на сцену, оставив хромоту среди закулисной пыли, и сыграл так, что опять же никто ничего не узнал о его травме.

В спектакле «Юнона» и «Авось», жанр которого определен Марком Захаровым как «современная опера», Караченцов играет Николая Резанова, русского путешественника и смельчака, личность историческую. Скупых архивных сведений о Резанове оказалось вполне достаточно, чтобы разжечь фантазию поэта Андрея Вознесенского, сочинившего о короткой и прекрасной жизни этого благороднейшего человека сначала поэму, а затем предложившего театру драматургическую версию.

В исполнении Караченцова граф Николай Петрович Резанов — личность сильная, незаурядная. Мечтатель и романтик в «испепеляющей душу любви» к очаровательной дочери сан-францисского губернатора Кончитте, он всегда помнит свой долг морского офицера и государственного деятеля. Долг россиянина, первым вступившего на калифорнийскую землю с мечтой о всемирном братстве народов. Артист не скрывает своего восхищения Резановым, который дорог ему со всеми своими воздушными замками, вспышками страстей, фантастическими прожектами. Легко переходя от лирики к высокой патетике, Караченцов поэтичен в спектакле и в то же время ищет для своего героя психологический подтекст. Задушевный, приятный голос артиста свободно льется в песне, стилизованной под старинный романс, ставшей лейтмотивом спектакля и частично лейтмотивом центрального образа:

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ТИЛЬ».

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

*Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду.*

В «Юноне» и «Авось» у Караченцова много выигрышных моментов, где можно было бы «показаться». Однако его никогда не покидает чувство меры. Это качество подмечено за артистом давно, в новом спектакле оно раскрылось с еще большей силой. Сыгранная, что называется, на одном дыхании роль Резанова и критикой и зрителями воспринята как самая большая удача спектакля.

О нем говорят как об актере умном, многоплановом, которому не страшно поручить любую роль. Действительно, если в «Тиле», «Юноне» и «Авось» он умеет делать практически все, то в ленкомовских «Жестких играх», лучшей интерпретации пьесы А. И. Арбузова, Караченцов предстает актером совершенно иного склада. Жизнь духа — вот что важно для исполнителя роли таежного врача, отличного парня, энтузиаста и романтика 60-х Мишки Земцова. С первых же минут сценического существования, с первых реплик в доме московского кузена герой Караченцова держит зал, а в какой-то момент становится идейным центром

«СЫГРАЮ!»

Валентина ЛЕВОЧКО

Спектакль Театра имени Ленинского комсомола «Тиль», поставленный Марком Захаровым по мотивам замечательной книги Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель», идет уже не первый сезон. Но интерес к нему не ослабевает. Как и прежде, новое поколение зрителей с тоской и надеждой смотрит на обладателей счастливых билетов: «Что вы, сегодня же «Тиль»!»

Секрет обаяния этого спектакля, пожалуй, во многом зависит и от того, что роль веселого, дерзкого сына угольщика Клааса, легендарного Тиля Уленшпигеля играет Николай Караченцов, артист редкой эмоциональной и душевной отдачи.

Смотревшие спектакль помнят, наверное, какие чудеса ловкости показывает на сцене Николай Караченцов. Но однажды в осенний вечер, когда артист играл Тиля так же раскованно и легко, как десятки, сотни раз до этого — бегал, прыгал откуда-то с верхотуры, точно циркач, плясал и проказничал, шел колесом вдоль рампы, — никто в зрительном зале не подозревал, чего стоило ему сегодня каждое движение, каждый жест.

спектакля. Слово о мальчике Кае и девочке Неле, их сложных отношениях с миром взрослых написал драматург и поставил режиссер пьесу, а не об удивительном человеке с неизменной гитарой и неисчерпаемым запасом грубоватых сибирских острот, в глазах которого застыло солнце!

Роль «сделана» Караченцовым по законам театра психологического реализма. Так могли играть во МХАТе. А ведь он оттуда, из мхатовской школы, где постигал секреты актерского ремесла под руководством интеллигентного и мудрого профессора Монюкова. Когда сегодня, может быть, из желания польстить Николаю, говорят, что он, дескать, всему учился сам, а в первые ленкомовские сезоны ни петь, ни плясать не умел, на сцене держался школяром, заученно повторяя режиссерские указания, в это не верится. После мхатовской-то студии! Другое дело, что актерская судьба его складывалась непросто. Хотя внешне все обстояло благополучно: полная занятость в текущем репертуаре, новые замыслы... Но чувствовал, что не нашел своего актерского почерка. Бывшие сокурсники иногда называли: «Ну, как дела?» «Нормально». — отвечал он с большим сомнением. Чего ему не хватало? И сам не знал. Мучился. Метался. То убегал на радио — «звучать», то строгим, причисненным мальчиком с парадной улыбкой, таким Гекльберри Финном в доме вдовы, выходил на концертную эстраду.

Не появившись в театре в это трудное для актера время Марк Захаров, не разгляди он за внешней робостью, угловатостью, скромностью молодого артиста его потенциальные возможности из подмастерья стать наконец мастером, неизвестно, так ли зажглась бы на театральном небосклоне звезда Николая Караченцова.

Конечно, поручая актеру роль Тилья, Захаров шел на риск. Теперь это кажется странным, но тогда, в 1974 году, Захаров был, пожалуй, единственным человеком, кто в Николая верил. Да еще он сам. «Сыграю!» — упрямо твердил в черные минуты сомнений и в строгих музейных залах подолгу простаивал перед холстами старых фламандских мастеров; в тиши библиотек зарывался в книги, посвященные мрачному XVI веку, «эпохе великих смут». Он должен был многое познать, пережить, прежде чем Тилья, неукротимый, бесстрашный Тилья, вечно живой дух Фландрии, стал частью его судьбы. Сейчас трудно представить себе иного Тилья, как и Театр имени Ленинского комсомола без Николая Караченцова, а его самого вне коллектива ленкомовцев.

— В Караченцове ценю не только его голос, богатую фактуру, яркую типажность, — говорит Марк Захаров, — но прежде всего его волевой характер. Он всегда знает, чего хочет! Я верю ему, могу поручить в принципе почти все...

Собственно, только после «Тилья» смог сказать о себе Николай Караченцов: «Считаю, что мне повезло», — несмотря на свои почти четыре десятка ролей за десятилетие работы в театре.

А что было до этих сорока ролей, до Тилья, до мхатовской студии? С чего все началось? Естественно, с детства, прошедшего на Чистых прудах. В этом милом времени человеческой жизни у Николая было все, что может вместить мальчишеский мир: и ребячье озорство, и раннее, не по годам, чтение взахлеб, и удивительно нежные, искренние отношения с мамой. И мечты, мечты... Он мог стать водителем поездов дальнего следования («дороги тянули всегда»), мог стать спортсменом («обязательно чемпионом мира»). Правда, увлекался сразу несколькими видами спорта и никак не мог решить, что же ему делать: играть в футбол, заниматься прыжками в воду, боксом или фехтовать. Но клюшка и рапира ушли, остался театр. Единственный. Однажды и навсегда обретенный.

Еще, правда, кино и телевидение, благодаря которым об одаренном актере Караченцове узнали миллионы людей. Впрочем, отношения с кинематографом у него долго не складывались. Караченцова «в упор не видели». Нашелся человек, дерзнувший поставить под сомнение правоту кинорежиссеров. Этим человеком оказался Виталий Мельников, снявший Николая в роли Володи Бусыгина в экранизации пьесы А. Вампилова «Старший сын». Артист вспоминает, как, получив приглашение на эту роль, растерялся. Ведь он уже начал привыкать к своему амплуа «шумного» артиста. А тут предстояло сыграть в ином ключе. Раздумывал долго, прежде чем решиться. Но в конце концов понял, что отказываться от такой роли по меньшей мере неразумно. Другого такого случая может и не быть. «Это шанс!» — сказал он себе и согласился сниматься.

Артист играл Бусыгина сдержанно. Умело и экономно расходовал свои душевные силы. Он хотел рассказать о человеке, жаждущем тепла и понимания. Кому из нас не знакомо это чувство! Караченцов углублялся в роль, как в холодную воду, содрогаясь от тоски по невоплощенной человечности. С каждым дублем

чувствовал себя как бы старше и мудрее. Хотя привычную маску удачливого, не очень серьезного, хлестаковского малого сбрасывал не сразу. Вначале его герой пытался бражничать, вышучивать окружающих, демонстративно предлагая: «Полюбите нас черненькими!» Но встреча с ярким, красивым человеком — Сарафановым совершенно преображала Бусыгина — Караченцова.

Роль Сарафанова в фильме играл Евгений Леонов, артист, в дополнительных рекомендациях не нуждающийся.

— Я рад, — говорит Николай, — что работал на съемочной площадке рядом с таким большим мастером. Леонов — это школа. Он меня согревал, как и Сарафанов моего Володю. Опыт у меня в кино был еще, можно сказать, никакой. И я, представьте, боялся камеры.

После «Старшего сына» Караченцов с удовольствием снялся в очередном деле популярной телевизионной серии «Следствие ведут знатоки» — «Подласок с огурцом». Он играл в общем-то симпатичного юношу Кима, «вступившего в соперничество» со знаменитым французским ювелиром Шарлем Фаберже и неожиданно ставшего орудием в руках дельцов и негодяев. Несмотря на то, что в фильме снималось целое созвездие блестящих актеров, среди которых Борис Тенин, Никита Подгорный, Лилия Толмачева, Элла Леждей, Георгий Мартынюк, Леонид Каневский и многие другие, Николай не только не затерялся между ними, но своей искренней, талантливой игрой украсил ленту.

Наблюдая за творческим развитием артиста, нетрудно заметить, что телевидение проявляет к нему более устойчивый интерес, чем большой экран. Но это не только по вине кинематографа. Сам Николай предпочитает работать на телевидении. Во-первых, это надолго не отрывает от театра. А во-вторых, ему импонирует неповторимая, какая-то «домашняя», что ли, атмосфера телестудии. Вот снимешься, а потом сиди себе у телевизора, попивая чай, настоящий на травах, и смотри, как ты там...

Но такая идиллия — чай попить, посмотреть на себя в телевизоре — бывает не часто. Ритм жизни Караченцова напряжен до предела. Еще пропитанный северной влагой после ночных съемок на «Ленфильме», он целый день релетирует в театре, а вечером, отыграв спектакль, снова мчится в Одессу, разумеется, не для того, чтобы любоваться прибоем волн у берегов Аркадии. И, возвращаясь в театр, где неистовый Захаров уже после премьеры ищет новые варианты мизансцен, Караченцов продолжает работать. Какие уж тут идиллии! Никто не заставляет его напаяливать на себя терновый венец мученика. Но он хорошо знает, что искусство — сладкое рабство. Хочешь быть пророком — будь рабом! Потому и не остановить тот бешеный темп жизни, который он сам для себя избрал.

Люди, привыкшие видеть Караченцова на сцене и на экране веселчаком, балагуром, рубахой-парнем, словом, «своим в доску», думают, что он такой всегда. Конечно, он может быть и рубахой-парнем, пересмешником, душой компании. В антракте вокруг него собираются актеры послушать шуточки, поболтать. Он остроумен, отличный рассказчик. Но если сказать, что Караченцов чаще бывает грустным, чем веселым, то в этом, может быть, больше правды. Он любит читать серьезные книги, любит одинокие прогулки по Замоскворечью. («Жаль, времени для книг и прогулок не слишком много...») По натуре Николай скорее лирик, чем физик, хотя логическая последовательность его действий и состояний непрерываема. Отсюда его постоянное стремление быть в форме. Отсюда и странным образом сочетающийся в нем некоторый меланхолизм со страстью к современным ритмам, к борьбе за утверждение добра и справедливости.

Сейчас это один из самых популярных артистов театра и кино. «На Караченцова» ходят. Фильмы с его участием пользуются огромным успехом. Недавно в одном провинциальном городке, рекламируя фильм «Дамы пригласают кавалеров», художник перестарался и дал на афише «крупным планом» его портрет. Зрители повалили в кинотеатр, а потом сокрушались: «Думали, он в главной роли, а у него опять только эпизод!» Какой актер не почувствует гордости от такого внимания к себе!

Многие считают, что если он занят в спектакле, фильме, то это будет значительно и интересно. Но дело не в том, что Караченцов «вытянет» любую роль. Он просто не станет работать в спектакле, фильме, если предлагаемый материал не заденет его за живое, если не почувствует правды в характере героя и того, что эта правда необходима людям, пришедшим в театр. Он знает, что эти люди ждут от него не просто слов. И всякий раз, выходя на сцену, он спрашивает себя: что я им скажу. Это похоже на судьбу, которой всегда, при любых обстоятельствах надо хранить верность.

Нозль КАЛЕФ

Перевод с французского Надежды НОЛЛЕ

Глава XIII

Дениза, примерная секретарша ЭКСИМа, в частной жизни была вполне современной девушкой. Ее характер был достаточно противоречив и позволял ей верить в благотворность мгновенных решений и в то же время в действенность старых добрых рецептов. Один из них — «примирение на подушке». Резким движением она скинула туфли.

Поль с мрачным видом курил одну сигарету за другой, явно давая понять, что сердится.

— Прощу тебя, милый, если хочешь что-то сказать, поторопись. Уже поздно, а мне рано вставать на работу.

Когда она вот таким образом низводила его праведный гнев до детских капризов, он одновременно и любил и ненавидел ее.

— Мне тоже, представь себе, — парировал он, не найдя ничего лучшего.

С видом покорившейся пленницы, уверенной в том, что ее красота поможет ей одержать победу, Дениза приблизилась к Полю. Она обняла его за шею и спросила тоном великомученицы:

— Разве это хорошо — дуться на меня уже второй день?

Поль что-то пробормотал в ответ: теперь ему уже совсем не хотелось ссориться.

— Мы проводим вместе всего полтора дня в неделю, любимый, — продолжала Дениза жалобно и смиренно. — Давай не будем их портить!

Поль тут же постарался доказать, что полностью с ней согласен.

Раздался звонок в дверь, и они, застыв на месте, переглянулись.

— Побудь здесь, — сказала Дениза. — Пойду посмотрю, кто это может быть в такое время.

Притворив дверь спальни и пройдя через свою маленькую квартиру — две комнаты, кухня, — она направилась в тесную прихожую.

Открыв, она сразу же узнала мадам Куртуа. Ее сопровождали двое мужчин. Один подтолкнул другого локтем, и тот, как бы нехотя, достал из кармана удостоверение, на котором Дениза увидела всего одно слово: ПОЛИЦИЯ.

— В чем дело?

— Простая формальность, — смущенно ответил Живраль.

— Что-нибудь случилось, мадам Куртуа? — Дениза обрела спокойствие.

Женевьева открыла рот, чтобы ответить, но не смогла произнести ни слова. Она разрыдалась, приложив мокрый платочек к глазам. Жорж с трудом сдерживал себя.

— У нас есть основания думать, — произнес он, — что в настоящий момент вы не одни, мадемуазель.

— Ну и что? — Дениза говорила жестким тоном. — Вас это касается?

— Представьте себе, что нас это в самом деле касается!

Он жестом предложил Живралю пройти в комнату. Дениза преградила путь.

— Куда?

— Полиция, — пробормотал инспектор.

— Плевать мне на полицию! Я не вчера родилась на свет. Ордер у вас есть? Нет! Впрочем, даже если б был, я бы вас промариновала до рассвета!

Живраль беспомощно пожал плечами, глядя на Жоржа.

— Я вам говорил, мосье Журлье.

— Пустите вы нас или нет?

— Нет.

Мужчины стояли в нерешительности. Живраль крутил пуговицу пальто и в конце концов оборвал ее. Жорж старался побороть свой гнев, который был ему сейчас плохим советчиком. Дениза чувствовала себя хозяйкой положения, и это доставляло ей огромное удовольствие. Женевьева шмыгнула носом. Девушке стало ее жалко.

— Может быть, вы объясните мне, в чем дело, мадам?

— Мой муж исчез, Дениза!

У секретарши вырвался возглас удивления.

Продолжение. Начало в №№ 11—14.

— В связи с этим мы и пришли к вам, мадемуазель
— То есть как?
— Это мы у вас спрашиваем! — ответил Жорж.
— Да что это, наконец, разговор глухих или сумасшедших?

— Вы должны нам помочь, мадемуазель, — сказал полицейский. — Вы последняя, кто видел его, не так ли?

Дениза посторонилась, и они прошли в гостиную. Живраль удержал Жоржа, который тут же кинулся к спальне.

— В котором часу вы ушли с работы, мадемуазель?
— Вчера? В двадцать минут седьмого.
— Вы всегда так точны?
— Он сам назначил это время.

Поль внимательно прислушивался, но до него долетали лишь обрывки разговора. Голоса стали громче. Дениза произнесла возмущенным тоном:

— Но это безумие! Вы сошли с ума, если думаете так!

Поль не разобрал, что сказала Женевьева, зато отчетливо услышал Жоржа:

— Ну, ладно, я сам удостоверюсь!
— Я вам запрещаю! — крикнула Дениза.

Распахнув дверь, Жорж в растерянности остановился перед незнакомым полурасдетым мужчиной, согнувшимся у замочной скважины. Он невнятно пробормотал извинение и застыл с раскрытым ртом. Одну вещь Поль не выносил совершенно — это быть в смешном положении. Он почти инстинктивно ударил Жоржа кулаком в лицо. Тот попытался, Женевьева испустила стон. Дениза фыркнула, а Живраль подхватил Жоржа, шепнув ему на ухо:

— Теперь тихо! Вы уже и так натворили дел!
— Ну что, довольны? Тем лучше! Завтра будет не до смеха, — разошлась Дениза. — Я так этого не оставлю! Я буду жаловаться. А вы, липовый полицейский, еще услышите обо мне! Что за манеры.

Она смягчилась, слыша рыдания Женевьевы.
— Ах! Вот все, чего вы добились. Ладно. А теперь уходите.

Они не заставили просить себя дважды. Дениза молча проводила их до выхода и захлопнула за ними дверь. Мгновение она прислушивалась к голосам, доносившимся с лестницы. Мужчина, которого ударил Поль, упрекал мадам Куртуа за то, что она доверилась своей, как он это назвал, «интуиции». Живраль просил их замолчать и пытался поскорей увести. Дениза пожала плечами и вернулась в комнату.

Глава XIV

Ветер гудел и завывал в каминной трубе. В комнате было темно и тепло. Временами накрапывал дождь. Над дорогой расплывались серые пятна тумана.

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

Фред откинул одеяло и, повернув голову, старался увидеть, спит ли Тереза. Он не мог определить точно, хотя дыхание ее было ровным. Он зарылся в подушку, влажную от пота.

Сна ни в одном глазу.
Как будто жизнь и без того не была достаточно

сложной, еще эта дурацкая ссора! Тереза замкнулась и после той сцены не произнесла ни слова. Фреда охватила злость: «Я не мужчина, но решать все должен я! И все делать! Все!»

Вернуться в Париж на рассвете, чтобы не попасть в лапы полицейским с украденной машиной. Заплатить за гостиницу, как? Разрешить самую главную проблему: Тереза и ребенок! Выдержать схватку с отцом... «И при всем том, я — не мужчина!»

Единственный способ хотя бы временно облегчить положение — это опять-таки достать денег. Какая дурочка эта Тереза! Она сто раз заслужила, чтобы он ее бросил. Только тогда и он останется один. Фред принадлежал к той категории людей, которые согласны умереть, но при условии, что это испортит жизнь оставшимся.

Он снова взглянул на Терезу. Конечно, она спокойно спит, переложив всю ответственность на его плечи! Хватит! С него хватит!

Он спустил на пол одну ногу, потом другую и, обойдя кровать, склонился над Терезой: не притворится ли она. Но глаза у нее были закрыты, она ровно дышала. Он подошел к окну, отодвинул занавеску, прислонился лбом к холодному стеклу.

За окном царилась ночь. В слабом молочном-белом свете виднелись деревья. Их голые апрельские кроны раскачивались под порывами ветра. Иногда сверкала застрявшая в коре дождевая капля. В углу двора стоял «Фрегат», похожий на затаившегося, готового к прыжку зверя.

Фред пожегся. Вдруг он почувствовал, что ему недостает Терезы. Он обернулся. Она не шевелилась. Фред был в ярости, что его подруга смела уснуть: «Она себе спит, а я, я не мужчина! Я покажу ей...» Махнув рукой, он начал одеваться, но вдруг застыл на одной ноге с носком в руках: Тереза вздохнула и повернулась. Ее нежное лицо промелькнуло в луче света, проникавшем с улицы, и вновь исчезло в тени. Фред натянул носок и задернул занавеску.

Держа ботинки в руках, он осторожно открыл дверь. Веки Терезы дрогнули, но он этого не видел. Когда Фред вышел в коридор, она села на постели, озабоченно хмурясь, зябко кутаясь в одеяло.

Очувтившись на улице, Фред подошел к машине, отпустил тормоза. «Фрегат», глухо шурша, покатился по дорожке, идущей под уклон. Фред остановился перед решеткой. Железные ворота лязгнули, когда он открывал их.

В окне первого этажа шевельнулась занавеска. Матильда испустила удивленный, а затем возмущенный возглас:

— Шарль! Вставай же, черт возьми! Твои клиенты удирают потихоньку.

Безжалостно разбуженный хозяин гостиницы подбежал к окну, почесал затылок.

— Что это с ним? Машина сломалась? Почему он ее не заводит?

— Чтобы его не услышали! Беги, Шарль, приведи назад этого паршивого негодяя!

Она подталкивала мужа к дверям. Тот сопротивлялся.

— Минуточку, дай подумать! Так можно попасть впросак. А малышку ты видела?

— Она наверняка в машине.

— Значит, ты ее не видела. Пойди сначала посмотри, не осталась ли она в комнате.

— Ты с ума сошел? Зачем?

— Они сегодня поссорились. Ты же знаешь: он выходил один! Откуда тебе известно, может, он опять решил прогуляться в одиночестве?

— Так поздно? Только тебе могло прийти в голову такое! И все потому, что не хочешь себя утруждать.

— Иди. Пока он будет закрывать ворота, ты вернешься.

Хозяйка бегом поднялась по лестнице. Перед дверью она на секунду замерла в нерешительности. Когда ручка двери тихонько повернулась, Тереза вытянулась на постели и закрыла глаза, думая, что вернулся Фред. Матильда, увидев ее в кровати, с облегчением вздохнула и бесшумно прикрыла дверь.

Тем временем Фред выбрался на шоссе, оставив ворота приоткрытыми.

Шарль наблюдал за ним через грязное стекло. Услышав, что жена вернулась, он спросил:

— Ну что?

— Ну что... Она наверху!

Он в раздражении махнул рукой, повернулся к Матильде.

— Кто был прав?

— Ты! Ладно, пусть ты!

Шарль еще раз взглянул на Фреда, который катил машину, не включая мотора, и вернулся в кровать, ворча.

— Подумать только, ты не дала мне досмотреть сон...

— Держу пари, тебе снилось, что рядом с тобой вместо меня лежит эта малышка, — оборвала его Матильда.

Шарль завернулся в одеяло.

— С тобой никогда не поговоришь по-человечески.

Жюльена Куртуа мучили кошмары. Он спал, крепко жмурясь из-за яркого света, из его открытого рта вырывался храп. Он не мог шевельнуться, скрюченный в углу кабины. Он крикнул «нет!» и проснулся.

Тяжело дыша, Жюльен замотал головой, стараясь отогнать кошмарные видения. Он выглядел ужасно: заросший, грязный, с взъерошенными волосами, со следами машинного масла на лице.

Вдруг он встрепенулся.

— Свет!

Свет горел вновь. Жюльен вскочил, потерял равновесие, но удержался на ногах и в спешке нажал на первую попавшуюся кнопку на щитке.

Ничего не произошло. Он судорожно давил все сильнее... напрасно. Тогда он догадался взглянуть на щиток и хрипло рассмеялся: он нажимал на кнопку с надписью «Стоп!».

Он отпустил кнопку, и свет погас.

— Свет, черт побери! — завопил Жюльен.

В тот же момент к нему вернулась память. Должно быть, это ночной сторож. Он услышал крик, начнет искать, обнаружит вначале труп Боргри, затем убийцу в кабине лифта... Конец...

Жюльен инстинктивно прижался к стенке кабины, раскинув руки, будто желая стать невидимым. Откуда-то снизу донесся звук шагов. «Лишь бы он ничего не услышал...» Жюльен затаил дыхание. Во рту у него пересохло. Он старался вдавиться в эту проклятую металлическую стенку, слиться с ней...

В ночной тишине слышно было, как хлопнула решетка у входа. Только тогда Жюльен осмелился дышать. Он испустил глубокий вздох и медленно соскользнул на пол, содрогаясь от рыданий.

— Пронесло! — выговорил он, чтобы услышать звук собственного голоса... Он вновь засмеялся идиотским смехом, от которого ему делалось легче. Жюльен дал себе волю.

— Ох! Хорош бы я был! — Он повысил голос. — Буду говорить, если мне захочется! — Теперь он кричал: — Я один и делаю все, что хочу!

Жюльен выпрямился с угрожающим видом и вдруг понял, что сходит с ума. Он закрыл лицо руками, делая над собой немислимое усилие, чтобы вернуть рассудок.

— Ну... ну же... спокойно... — подбадривал он себя, — спокойно...

Он вытер рукавом влажный лоб.

Который может быть час? Светящиеся стрелки на его часах показывали ровно три. Ночи? Дня? Какого дня? Какой ночи?

Челюсть у него болела. Он чувствовал себя обесшленнным, разбитым, не мог повернуть шею. Он сел, обхватив ноги руками, прижавшись подбородком к коленям.

Один. Может быть, он уже мертв?

Это и есть смерть? Сидеть одному в своей норе, затаиться, как только рядом появляется другое человеческое существо? Отказаться от избавления из тюрьмы, боясь быть заключенным в еще худшую тюрьму?

Он уцепился за себя. «Нет, я жив. Это не смерть... Значит, это ад».

Он глубоко вздохнул, как будто вместе со вздохом могла улечься его горечь. Потом ему стало жалко себя, и он проклял судьбу.

Судьбу? А может, это просто оправдание своего поражения? Судьбу поминают, лишь когда терпят неудачу. Одержав победу, человек приписывает заслуги себе. А побежденный, он обвиняет судьбу.

Жюльен ощутил слабый прилив сил. «Я сам хозяин своей судьбы. Надо держаться».

Если бы только у него была сигарета...

Он задремал, вновь погружаясь в свой кошмар.

Под порывами ветра трайлер скрипел, покачиваясь как на волнах. Педро сел на постели, посмотрел в окно в ту сторону, куда ушла жена, но разглядеть что-либо было невозможно. Он тихо выругался. Нельзя оставлять Жермену наедине с ее мыслями.

Он надел талочки и вышел. Дойдя до кустарника, позвал:

— Жермена!

Педро остановился в нерешительности, тщательно ожидая ответа, сделал несколько шагов и позвал опять. Молчание.

Раздвигая ветки, он двинулся вперед, но свет от его фонарика терялся в густых зарослях. В такую темень он ни за что не отыщет Жермену. Придется отказаться от этой затеи. Педро ободрал о колючки ногу и разозлился. Непонятно, как он очутился на дороге в десяти метрах от трайлера.

«Ну, ничего не поделаешь», — смирился он, возвращаясь в свое убежище.

Однако сон все не приходил к нему.

Жермена проснулась, дрожа от холодной росы. С пробуждением ее сон будто не кончался. Это был всегда один и тот же сон. Педро запирает ее в клетке и уносит ребенка, которого она зовет, протягивая к

нему руки сквозь прутья решетки. Педро ухмыляется, пинком избавляется от малыша. Тогда она хватается оружие, и... на этом месте Жермена просыпалась.

Обычно, пробуждаясь, она искала защиты у Педро. Но на этот раз его не было рядом.

Жермена слушала свист ветра, шорох кустарника. Вокруг нее природа бушевала. В спальном мешке Жермена чувствовала себя как в клетке. Она крепко прижимала к груди револьвер. Совсем рядом послышался шум, и она чуть не закричала от страха. Вскочив, вся дрожа, Жермена вытянула руку с револьвером.

— Кто здесь?

Ночь не выдавала тайны. Жермена в изнеможении прислонилась к дереву, жалобно позвала: «Педро...»

Фред остановил «Фрегат» на верхнем гребне склона. Он кусал губы, стараясь сохранить спокойствие и ясность мысли, но все никак не мог решиться...

Педро вновь сел на кровати и закурил.

Вдалеке между ветвями Жермена различила крохотный мерцающий огонек. Может быть, зажегала Педро. Она бросилась бежать в ту сторону, но огонек исчез, и ей пришлось обогнуть большой куст. Злясь на себя за свой страх, царапая ноги, она продолжала бежать.

«Подфарники», — подумал Фред. Захотел погасить и по ошибке включил фары. Но тут же выключил их.

Вдруг Жермена очутилась на дороге, еще не высохшей после недавнего дождя. Услышав за спиной шорох, Жермена в испуге обернулась, готовая в любой момент нажать на спусковой крючок. Она дрожала все сильнее; ярость овладевала ею. На склоне в трехстах—четырехстах метрах зажглись и сейчас же погасли два глаза. Должно быть, Педро, чувствуя ее приближение, указывал ей путь. Жермена бросилась бежать на этот зов.

Едва отойдя от машины, Фред остановился. Он дрожал от холода, но в то же время пот катился с него градом. На нем был плащ Куртуа. Поежившись, он запахнул его плотнее. «Я что-то забыл... но что?..» — подумал он. Такое же ощущение он испытал бы, если б оказался совершенно раздетым. Вспомнил. Вернувшись бегом к машине, он схватил револьвер, обнаживший им накануне. Почувствовав в руке оружие, Фред готов был бросить вызов целому свету. Он чуть было не крутанул револьвер на пальце на манер коббоев. Впрочем, сейчас не до шуток, это все всерьез... Вдруг он застыл на месте, услышав чье-то тяжелое дыхание и быстрые шаги. У него застучало в висках и пересохло во рту. Что-то или кто-то бросилось на него. Нечленораздельный звук вырвался из его горла. Если б мог, он бы закричал.

— Педро... Педро... — рыдал этот кто-то.

Фред попытался оттолкнуть неизвестного, но тот крепко держал его. Правой рукой, той, в которой был револьвер, Фред нанес удар и, не слыша стопа, повернулся; чтобы бежать. Выстрел. Что-то коснулось его плеча. Пуля просвистела у самого уха. Не помня себя, он выстрелил. Один раз, другой. Этот кто-то, враг, упал. Фред оторопел. Корчась на земле, Жермена жалобно стонала: «Педро... Педро...»

«Что она говорит?» — не понимал Фред.

Первый выстрел разбудил Педро. Он насторожился. Жермена! Услышав второй выстрел, он с криком «Жермена!» помчался туда, откуда доносились выстрелы, смутно различая в темноте неподвижную фигуру. Но когда он немного приблизился, фигура — Жермена ли это? — повернулась, пытаясь убежать.

— Жермена, это я, дорогая, успокойся...

Ему пришлось бороться.

— Дай мне этот револьвер... Дай мне его...

Глухой хлопок. Вначале он подумал, что Жермена ударила его по щеке, но тут же понял:

— Нет, Жермена! Нет!

И снова выстрел... В голове Педро будто что-то взорвалось, его пальцы судорожно сжались, губы с трудом прошептали:

— Дай мне этот...

Третий выстрел не дал ему договорить. Он упал навзничь, хрипя. Рот наполнился кровью... «Бедная моя Жермена, что ты наделала? Кто же теперь позаботится о тебе?» Фигура, которую он принимал за Жермену, склонилась над ним... «Бедная моя...»

Жюльен наскреп по карманам немного табачных крошек. Он терпеливо собирал их кончиками пальцев, клал на ладонь. Он пожертвовал страничку из записной книжки, чтобы скрутить сигарету. Она, правда, получилась тоненькая, но все же это было лучше, чем ничего.

Он закурил от зажегалаки и едва успел сделать всего одну затяжку: бумага вспыхнула вся целиком.

Издали и в то же время близко раздался голос Матильды:

— Шарль! Шарль!

Рукрой с узловатыми пальцами он потер покрасневшие глаза, облизнул пересохшие губы, сердито спросил:

— Что случилось? Пожар?

Матильда пожалала плечами:

— Он вернулся.

— Кто? Кто вернулся?

— Парень. Жюльен Куртуа или как его там. Ты не слышишь?

Он слышал. Проникая сквозь стены, доносился шум мотора. Шарль неожиданно пришел в ярость.

— Ну и что? Что я, по-твоему, должен делать? Дай мне спать!

Матильда взглянула на него с упреком.

— Сейчас не время. Твой мальчуган прикатил на полной скорости, выскочил из машины как сумасшедший и не выключил мотор. Понимаешь?

— Нет.

Матильда презрительно скривилась.

— Ставлю твой распрекрасный сон против целой ночи без сновидения, что он приехал за своей подружкой... потихоньку. Ну? Понял? Давай. За дело. Шарль испустил глубокий вздох. Когда Матильде что-нибудь взбредет в голову... Никуда не денешься, он стал натягивать брюки.

Лицо Терезы чуть опухло после сна. Она одевалась, застегивала юбку. Обычно в такие моменты Фред смотрел на нее. Но на этот раз он повернулся к ней спиной и, явно нервничая, вглядывался в темноту за окном.

— Поторопись! — проворчал он.

— Я тороплюсь, тороплюсь, — прохныкала Тереза, сражаясь с застежкой на юбке, — но я не понимаю...

— В тот день, когда ты наконец что-нибудь поймешь...

Он помог ей застегнуть юбку, натянуть свитер, ни разу не взглянув на нее. «Что с ним?» — подумала Тереза и вдруг вспомнила вчерашнюю сцену. «Правда, ведь мы поссорились». Она на него уже не сердилась.

— Скоро четыре часа утра! — зло говорил Фред. — Об этом ты не думаешь. А украденная машина? Ты и об этом не думаешь. Я все должен делать, обо всем подумать, хотя у меня и других забот хватает. Надо бросить машину в городе до того, как станет светло. Соображаешь?

Конечно, она соображает. Может, даже больше, чем он.

— А здесь? Как ты заплатишь?

— Не вмешивайся. Шевелись, это все, что от тебя требуется.

Тереза сунула босые ноги в туфли.

— Я готова.

Фред ухватил ее за руку и потащил за собой. В коридоре было тихо. Они ошупью спустились по лестнице, пересекли холл, стараясь не наткнуться на плетеные кресла, белеющие в темноте. Сердце Терезы сжималось от страха: «Только бы хозяева не проснулись, иначе будет скандал!»

Когда она уже выходила вслед за Фредом в сад, голос Матильды пригвоздил ее к месту:

— Нет, мои маленькие друзья. Для того, чтобы улизнуть тайком, надо было встать еще раньше. У нас уик-энд стоит пять тысяч франков.

Тереза готова была во всем признаться. Но рука Фреда сдавила ей плечо. «Действительно; он думает обо всем», — подумала она.

— Пять тысяч франков? — пробурчал с улицы Фред, изменив голос.

Тереза сплела руки, молясь про себя: «Господи, сделай так, чтобы у него были деньги!»

— ... с человека! — уточнил силным голосом Шарль.

К своему изумлению, Тереза через приоткрытую дверь увидела, как Фред начал рыться в карманах. «Он с ума сошел», — подумала Тереза, — ему никогда не удастся их провезти». Но, смирившись с этим наглым обманом, она уже не удивилась чуду: Фред достал бумажку в десять тысяч франков и протянул ей. Тереза отдала деньги жадно схватившей их Матильде.

— Обслуживание в счет не вошло, — поторопилась добавить хозяйка.

Фред опять сунул руку в карман, достал какую-то бесформенную пачку, отвернулся, чтобы Тереза ее не видела. Выбрав две купюры по тысяче франков, он положил оставшуюся пачку в карман.

— Счастливого пути! — произнесла Матильда не слышным любезно.

До молодых людей донеслись слова Шарля, которыми он хотел смягчить неприветливый тон жены:

— Приезжайте еще, когда вам будет угодно, всегда рады вас видеть.

Но Матильда хотела, чтобы последнее слово осталось за ней. Высунувшись в окно, она крикнула:

— Да, только средь бела дня, не прячься, чтоб мы видели ваши физиономии!

Хлопнула решетка, Матильда повернулась к мужу.

— Старый пен! Тебе лишь бы юбка поблизости, и ты уже готов нас разорить вконец.

Он выхватил у жены деньги и помахал перед ее носом.

— Чем ты недовольна? Они тебе заплатили! Чего тебе еще надо?

Она не нашлась, что ответить. Шарль перешел в наступление.

— Ты что, не можешь свет зажечь? Торчим в темноте, как заговорщики!

Не дожидаясь ответа, он направился в комнату. Свет застал его как раз у зеркала, в котором он увидел отражение пожилого мужчины в плохо застегнутых мятых штанах, в шерстяной фуфайке, обнажающей бледную грудь.

— Ну и вид у тебя! — ухмыльнулась Матильда.

— А ты? — быстро ответил он. — Думаешь, ты была очень красива с твоими страхами — «улизнут тайком»...

Матильда фыркнула.

— Посмотрел бы на себя.

— Я себя вижу...

Он не удержался от смеха, хлопнул жену по спине и, обняв за талию, указал на их отражение в зеркале.

— И все же мы с тобой неплохая парочка, а?

Смеясь, они не спеша удалились в свою комнату. Какое-то время ярко освещенный холл оставался пустым. Затем, недовольно бурча, вновь появился Шарль в длинных кальсонах.

— Паршивая работенка всегда на мою долю.

Он погасил свет и вернулся в спальню.

По западному шоссе в сторону Парижа мчался красный «Фрегат».

— Не гони так, — взмолилась Тереза, — я боюсь.

— Ты испугаешься еще больше, если нас поймут... на украденной машине!

Склонившись к рулю, Фред напряженно всматривался в темнеющую впереди дорогу.

— Лучший способ попасть в руки полиции — это гнать ночью, как ты.

Он не ответил, но скорость сбавил.

— Ты ездил к отцу? — спросила Тереза.

— К папе? Почему? Когда?

— Ну... Сейчас, когда ты вышел...

— Ах... Так ты не спала?

— Это он дал тебе деньги, чтобы заплатить за гостиницу?

— Он? Ты совсем ненор...

Фред не договорил. Он наморщил лоб, лихорадочно соображая, и после недолгой паузы произнес:

— Да. Я видел предка. Все ему рассказал. Он дал мне десять... То есть, пятнадцать тысяч.

Он хотел посмотреть на нее, но предпочел не отрывать взгляда от дороги. Уточнил:

— Одну бумажку в десять тысяч и пять по тысяче.

Наступило молчание. Первой заговорила Тереза:

— А ты сказал про нас?

Он в смущении заерзал на сиденье.

— Ух! Видела бы ты папашину физиономию, когда я поднял его среди ночи! Ты пропустила отличный спектакль! Он был так ошарашен, что выложил монеты без разговоров.

Фред старался говорить в шутовском тоне, но ему это плохо удавалось. Тереза упорствовала.

— Теперь он знает?

— Знает о чем? — взорвался Фред.

— О тебе и обо мне.

Фред не ответил. Он все сильнее нервничал. Его страшилась мысль, что он может произнести одно лишнее слово и открыть истину, которая становилась невыносимой для него.

— А что мне делать с этой колымагой? Ну?

— Они въехали в туннель. За ним был мост Сен-Клу.

— Не знаю, — сказала Тереза. — Я все время думала, что мы оставим ее там, где взяли.

Фред кивнул.

— Неплохая мысль, неплохая...

Терезу тронул его ребяческий тон. Она придвинулась к нему и почувствовала, что он дрожит. Фред был благодарен за это тепло.

— И не помай себе голову из-за колымаги. Я куплю тебе другую... Вот увидишь...

Значит, он разговаривал с отцом, но не хотел в этом признаться. Все из-за своего самолюбия, как всегда. Она улыбнулась в темноте. Но почему он по-прежнему так дрожит? Она хотела спросить, но сдержалась. Плечи Фреда постепенно опускались, словно под бременем накопившейся усталости. Навстречу им пронесся грузовик, ярко осветив салон машины. Фред плакал.

— Что с тобой?

— Ничего... Я... Просто очень спать хочется, вот и все.

Ей стало его жалко: это прозвучало так по-детски.

— Поедем, ты отдохнешь...

— Куда? Куда мне идти?

— Ко мне, — предложила она, удивившись вопросу.

— Спасибо, Тереза, ты добрая... Очень добрая...

Он остановил машину, сжал девушку в объятиях, шепча:

— Не надо оставлять меня одного... Ты нужна мне...

— Но ты тоже нужен мне, Фред...

Терезе захотелось попросить у него прощения за вчерашнюю сцену.

— Я жалею о том, что наговорила тебе, Фред... Я этого не думала, знаешь...

Он уткнулся ей в плечо, и она едва расслышала:

— Нельза... нельза доводить человека до крайности... Нельза.

— Нет, дорогой... Я больше так не буду...

Он погладил Терезу по щеке. Что-то ее оцарапало. Часы у него на руке. Девушка возмутилась.

— Фред! Держу пари, что ты стянул часы у отца! Реакция Фреда ее ошарашила.

— Папа! Плевата я на него хотел! Слышишь! И на тебя тоже! Я не желаю, чтобы мне задавали идиотские вопросы! С меня хватит, понимаешь? Хватит!

Он рванул машину с места. Тереза не смела нарушить молчание. Может быть, потому, что, отдавая себе в этом отчет, что-то поняла.

«Фрегат» выехал на авеню Версаль.

Глава XVI

Зажглась лампочка. На этот раз у Жюльена было ощущение, будто свет вспыхнул у него в мозгу. Перехватило дыхание. Он вскинул в растерянности, ослепленный, прикрывая глаза рукой. Опять ночной сторож? Он машинально взглянул на часы: половина шестого... Что бы это могло значить? Прервавшись на тридцать шесть часов, жизнь начиналась для него вновь, и он был не в состоянии так сразу поверить в это.

В висках стучало. Вдруг промелькнула мысль: порты или уборщица вызывают лифт. Его обнаружат... Ни за что!

Неуверенно, словно не желая искушать судьбу, он нажал кнопку двенадцатого этажа. Чудо: бесшумно и плавно лифт поплыл вверх.

Кабина остановилась, но Жюльен не осмелился выйти. Он не мог поверить в чудо. Здесь, должно быть, какая-нибудь ловушка! Какая? Ах, да! Никто никогда не должен заподозрить, что все это время он провел в здании, рядом с трупом Боргри.

Заблокировав дверь кабины, Жюльен приподнял линолеум, чтобы проверить, как закреплен люк, который он открывал в темноте при свете зажигалки. Перочинным ножом он подправил свою работу, продланную вслепую. Лезвие сломалось, и осколок куда-то завалился. Жюльен не пожалел драгоценного времени, чтобы его разыскать, и, найдя, сунул в карман. Теперь отпечатки пальцев. Носовым платком он стер их — повсюду. Носком ботинка выбросил из кабины крошки табака. В любом случае уборщица должна протреть здесь с пылесосом, но лишняя предосторожность не повредит.

Он тщательно отряхнул пальто, чтобы не выглядеть чересчур грязным, если вдруг встретит кого-нибудь. Теперь он был готов. Жюльен прислушался. Все было тихо. Он открыл дверь кабины. Никого. Сделал несколько шагов и, пораженный чувством вновь обретенной свободы, прислушался опять. Тишина. Он побежал в свой кабинет.

Когда он увидел на столе документы, ему чуть не стало плохо: ведь из-за них все произошло! Он схватил их, чтобы уничтожить, но внезапная резь в желудке заставила его согнуться пополам. Он едва сдержал крик.

У дверей послышались медленные шаги. Жюльен выпрямился, насторожившись. Сделав над собой усилие, он подбежал к двери и повернул ключ. Как раз вовремя. Шаги замерли у дверей.

Прижавшись к стене, Жюльен старался не дышать. Ручка двери повернулась несколько раз. Боль в желудке прошла — новая опасность была куда серьезней, чем все остальное. Кто-то в коридоре упорствовал, толкал дверь. Жюльен закусил губу: ему никогда не приходило в голову поменять этот ненадежный замок. Ручка двери ходила туда-сюда, кто-то ломился в дверь.

— Вы что-нибудь ищите? — раздался женский голос.

— По правде говоря, не знаю...

Это Альбер! Что ему надо? Уборщица захихикала.

— Ну, вы всегда шутите!

— Я не шучу, — ответил Альбер. — Я явно старею. У меня видения. Когда я пришел сегодня утром, мне показалось, что у здания стоит машина одного из работающих здесь... Я хотел посмотреть, тут ли он. Понимаете, я своими глазами видел, как он уехал в субботу вечером.

— Это ничего не значит, — возразила женщина. — Он мог приехать сегодня спозаранку, чтобы поработать.

— На него это не похоже, — решительным тоном

ответил привратник. — Да и скажите, как бы он вошел, когда все двери закрыты.

Они удалились. Жюльен слышал, как их голоса становились все тише.

— Вы искали меня? — спросил Альбер.

— Я хотела узнать, закончили ли маляры работу?

— Да. Можно наводить порядок.

— Тогда я начну оттуда. Там, должно быть, полно работы.

Последние слова Жюльен не расслышал. Он нервно потер руки. Тем лучше! Таким образом и последние следы его пребывания в соседнем кабинете будут уничтожены. Жюльен беззвучно засмеялся. От начала и до конца провидение было с ним. Вдруг он снова схватился за живот: боль вернулась.

Он дотащился до письменного стола, сжег бумаги, вытряхнул пепел в окно и вздохнул. Наконец-то!

Жюльен с трудом проглотил таблетку и зашел в небольшую комнатку, примыкающую к кабинету, чтобы запить лекарство водой. В зеркале над умывальником он увидел отражение какого-то уголовного с лицом, заросшим неопрятной щетиной, со впалыми щеками, с синяками под глазами, в грязном пальто. Вооружившись щеткой, он принялся чистить платье. Борта стали почище, но на пола машинное масло осталось. Жюльен снял пальто, встряхнул. Пыль летела из него, как из грязного ковра. Да, в таком виде он не сможет нигде показаться. Он повесил пальто на плечики и нацарал на листочке из блокнота: «Дениза, будьте любезны, как придете, отнесите мое пальто в чистку».

Жюльен заколебался. Секретарша должна быть уверена, что записка оставлена в субботу вечером. Он добавил: «...Погода во время уик-энда, похоже, будет теплой. Я надену плащ. Он у меня в машине».

Прикрепив записку к пальто, он вышел.

Но тут же вернулся назад, захлопнув дверь: в конце коридора появилась целая группа уборщиц, направляющихся к кабинету, где только что закончились малярные работы. Жюльен прислушивался к их шагам, голосам. Когда, по его расчетам, они уже были в комнате, он вышел опять и встретился к лифту. Тут же передумал: чересчур опасно. Он начал на цыпочках спускаться по лестнице. До него доносились голоса уборщиц: они говорили громко, чтобы перекрыть шум пылесоса.

Жюльен добрался до третьего этажа, когда раздался страшный крик. Боргри! Он изо всех сил вцепился в перила, чтобы не поддаться панике.

Снизу донесся голос привратника.

— Что случилось?

С двенадцатого этажа последовал ответ.

— Скорей сюда, мосье Альбер!

— В чем дело?

— Несчастье! Страшное несчастье!

Пылесос замолчал. Навверху послышались восклицания, громкий разговор. Внизу Альбер ворчал на уборщиц за то, что они пользуются лифтом, чтобы попасть на нужный им этаж. Кабина спускалась с еле слышным шелестом.

Жюльен мысленно похвалил себя за то, что не воспользовался лифтом. Он стиснул челюсти, его нервы напряглись до предела. Он выжидал.

Спустившись вниз, кабина тут же снова пришла в движение. Это поднимался Альбер. Путь был свободен.

Жюльен буквально вылетел на улицу. На углу у кафе в двух шагах от своей машины он остановился потрясенный. С ужасом он прочел чуть размытые слова, написанные мелом на тротуаре полуметровыми буквами: «Бог ищет тебя!»

Жюльен заметил, что стоит на другой надписи, начертанной более мелко, и отступил. Под призывом Армии спасения какой-то бродяга написал: «Я в соседнем кафе».

Но Жюльену это не показалось смешным. Он вздохнул, лишь усевшись за руль. Стал перебирать в памяти все, что произошло. Не забыл ли он чего-нибудь?

Бумаги?.. Обращены в пепел.

Боргри?.. Покончил с собой.

Лифт?.. Никаких следов.

Отпечатки пальцев?.. Повсюду вытерты.

Пальто?.. Будет отдано в чистку...

Жюльен поежился от утреннего холода, протянул руку к заднему сиденью, взял плащ и надел его. Он нажал на стартер, включил первую скорость, повернул направо, затем налево и очутился перед надписью: «Бог ищет тебя!» Жюльен пожал плечами. Скорей бы удалиться от этого проклятого здания! Он сделал круг по кварталу, чуть не попал на ту же улицу, спохватился в последний момент и поехал вдоль бульвара Осман.

Вдруг он понял, что едет не в том направлении, повернул назад, сделав большой круг. К счастью, улицы в этот час еще были пустыны. Жюльен изо всех сил сжимал руль, чтобы унять дрожь в руках.

Продолжение следует.

ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА КОНКУРСА «НАША РОДИНА»

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

Начало на 23-й стр.

По 44 очка набрали В. и И. Антоновы (отец и дочь) и Н. Смирнова из Донецка, И. Икауниек из г. Резекне Латвийской ССР, Н. Лежаков из Ленинграда, В. Обуховский из Воронежа, И. Хаенко из г. Николаева, Е. Шипилова из пос. Дубовка Волгоградской области. Они награждены альбомом «Хохлома».

По 43 очка набрали Г. Алтуниин из Москвы и В. Кожевников из Новосибирска. Они награждены альбомом «Тульские оружейники».

За волю к победе и высокую любознательность жюри посчитало возможным наградить альбомом «Тульские оружейники» набравшего 40 очков Владимира Арсентьевича Муравлянского из Бийска Алтайского края, ветерана гражданской и Великой Отечественной войн. Ему 82 года. «Конкурсы, викторины, — пишет он, — зовут к активной жизнедеятельности. Хочется побольше знать обо всем». Жюри и редакция журнала желают ветерану доброго здоровья и новых успехов на ниве эрудиции и знаний.

Все названные товарищи будут, кроме того, награждены Почетными дипломами. Их также удостоены Л. Богданова из Ульяновска и Г. Серга из Донецка, набравшие по 42 очка; С. Журиба из села Подгорное Львовской области, И. Килин из Барнаула, В. Климова из г. Обнинска Калужской области, Ф. Моренец из г. Жданова Донецкой области, И. Сидоров из Тулы, В. Федунин из Свердловска, Э. Фирулина из г. Молодечно Минской области — по 41 очку; О. Блинова из Свердловска, А. Брынцев из г. Солнцево Московской области, В. Гуревич из Комсомольска-на-Амуре, О. Королева из села Горожанка Воронежской области, И. Печерица из Магнитогорска, И. Тропольская из Казани — по 40 очков.

Редакция поздравляет победителей первого тура и благодарит всех, кто принял в нем участие.

Приводим ответы на вопросы первого тура — «Широка страна моя родная» — конкурса «Наша Родина».

1. Когда и в какой Совет впервые был избран депутатом В. И. Ленин? Кто выдвинул его кандидатуру?

— 15 февраля 1920 года В. И. Ленин был впервые избран депутатом Моссовета. Его кандидатуру предложили рабочие Государственной кондитерской фабрики № 3 (ныне — «Большевик»), а также работники станции Ховрино Николаевской (ныне — Октябрьской) железной дороги.

2. Сколько народов, ранее бесписьменных, получили письменность в ходе строительства СССР? Назовите хотя бы десять языков, получивших

тогда письменность. Какой термин принят для их совокупного обозначения?

— Около 50 народов обрели письменность после Великого Октября: абазинский, аварский, адыгейский, алтайский, вогульский, ингушский, корякский, хакасский, хантайский, чукотский и другие языки. Их общее обозначение — младописьменные языки.

3. Известный советский актер, готовивший главную роль в спектакле «Встречи с Маяковским» в 1952 году, увидел на сцене студенческого театра МГУ в этой же роли студента-химика и предложил ему сыграть ее вместо себя в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина. Студент согласился, выступил с большим успехом, ему предложили стать профессиональным актером, но он остался верен науке, стал академиком, Героем Социалистического Труда. Назовите актера и ученого.

— Народный артист СССР Н. К. Черкасов и вице-президент Академии наук СССР Ю. А. Овчинников.

4. Народ какой автономной республики после победы Великого Октября образовал самостоятельное государство? Как оно первоначально называлось? Как называлась его столица?

— Тувинской АССР. В 1921 году Всетувинский учредительный хурал (съезд) провозгласил образование Народной Республики Танну-Тува со столицей Хем-Белдыр (ныне — Кызыл).

5. «...И девушка наша проходит в шинели, горящей Каховкой идет». Кому именно посвятил «Песню о Каховке» М. Светлов? Какую награду получила героиня этой песни за участие в освобождении города от белогвардейцев?

— Зельме Яновне Пиген, бойцу третьего Курземского полка латышских стрелков. Она была награждена часами с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции».

6. Композитор и певец вышли из одной национальной культуры. У них одинаковые имя и фамилия. Творческий расцвет композитора пришелся на первые десятилетия Советской власти, певец с успехом выступает в концертах сейчас. Назовите их. Композитор написал оперу «Нэргиз», чем она примечательна?

— Композитор Муслим Магомаев и певец Муслим Магомаев. «Нэргиз» — первая азербайджанская опера на революционную тему.

7. Житель какой союзной республики во время Олимпиады-80, проходившей в нашей стране, получил целых двадцать золотых медалей? За что их ему вручили?

— Эстонец Эрих Августович Пальм. В Эстонии решили каждого, кто безвозмездно отработает на олимпийских объектах 20 часов, награждать особой золотой медалью. Э. Пальм, мастер на все руки, безвозмездно отработал в Пирита 216 часов.

8. Каждый второй советский снаряд, выпущенный во время Великой Отечественной войны, был сделан из металла, выплавленного одним предприятием. Каким? Строителям его посвящено литературное произведение, названное словами из марша В. Маяковского. Назовите произведение, кто его автор?

— Магнитогорским металлургическим комбинатом.

Его строителям посвящен роман В. Катаева «Время, вперед!».

9. Все знают песню об «огненном трактористе» Петре Дьякове, в которой есть слова: «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Он едва не сгорел, спасая народное добро от пожара. В 70-х годах его подвиг был повторен. Кем, когда и где? Известный писатель посвятил герою очерк. Как он назывался, где опубликован и кто его автор?

— Подвиг Петра Дьякова повторил 3 июля 1972 года комсомолец из колхоза имени Чапаева Рязанской области Анатолий Мерзлов. Он погиб, спасая от пожара хлебное поле. Очерк о герое «В свои восемнадцать лет» К. Симонова впервые опубликован в «Комсомольской правде» 22 сентября того же года.

10. Какой документ полностью вошел в самую первую Советскую Конституцию?

— Как первый раздел Конституции РСФСР, принятой в 1918 году, в нее вошла «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

11. Только один советский летчик во время Великой Отечественной войны сбил тараном 4 фашистских самолета. Назовите героя и даты боев.

— Старший лейтенант Б. И. Ковзан, двадцатилетний летчик. Первый таран он совершил 29 октября 1941-го в Подмосковье, остальные — в 1942 году: второй — в день своего рождения, 21 февраля, третий — 7 июля над станцией Любница и четвертый — 19 августа под Старой Руссой. Летчику было присвоено звание Героя Советского Союза.

12. Комсомольско-молодежную стройку — БАМ — назвали стройкой века. Почему? По какому участку магистрали прошел первый поезд? Сколько станций будет на БАМе?

— Из-за ее протяженности — 3145 километров (с Малым БАМом — 3500) и сложности строительства (насыпи, тоннели, мосты). Первый поезд прошел по участку Бам (теперь — Бамская) — Тында. В столице БАМА он пришел 9 мая 1975 года. На БАМе будет около 50 станций.

13. По территории каких двух автономных республик и автономной области текут и в какие крупные реки впадают три левых притока с одинаковым названием?

— По Башкирской и Бурятской АССР и Адыгейской автономной области. Притоки с одинаковым названием Белая впадают в Каму, Ангару и Кубань.

14. Кто из советских спортсменов и когда установил первый мировой рекорд? Какой именно?

— Николай Шатов 27 мая 1934 года. Одной рукой он вырвал штангу весом 78,4 килограмма, побив рекорд швейцарца Эшмана.

15. У юношей какого народа принято загадывать на клевере имя любимой?

— У аварцев и некоторых других народов Дагестана.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ждем ваших новых писем с вопросами для конкурса «Наша Родина».

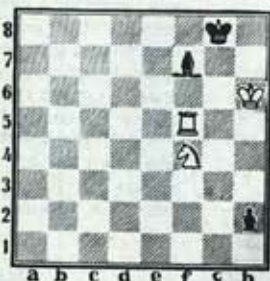
ТУР ВТОРОЙ

Напоминаем, что ответ на каждое задание, исполненный в сокращенной шахматной нотации, вы посылаете в адрес редакции на отдельной почтовой открытке (письма на конкурс в конвертах не рассматриваются). Обязательны фамилия, инициалы отправителя, его точный адрес, а также пометка «Шахматный конкурс «Смена-82», тур второй».

Срок отправления ответов на второй тур — 25 сентября 1982 года. (Согласно штемпелю вашего отделения связи.)

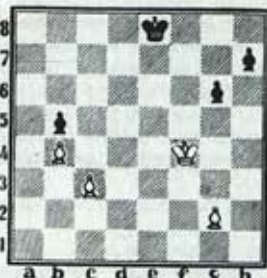
Под редакцией международного гроссмейстера Алексея СУЭТИНА

1. Есть ли у белых путь к спасению? (3 очка).

Белые: Крh6, Лf5, Кf4(3); черные: Крg8, Сf7, пешка h2(3).

2. Белые начинают и выигрывают (3 очка).

Белые: Крf4, пп. b4, c3, g2(4); черные: Кре8, пп. b5, g6, h7(4). Укажите название дебюта, получающегося после ходов: 1. d4 Кf6 2. Кc3 е6 3. Сe4 Сb4 4. Сg5 d5 5. e5 (1 очко).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ

В центре внимания современной дебютной теории находится интересный вариант испанской партии. Речь идет о малоисследованном продолжении белых в «открытой

системе». 1. e4 e5 2. Кf3 Кc6 3. Сb5 а6 4. Са4 Кf6 5. 0—0 К:e4 6. d4 b5 7. Сb3 d5 8. de Сe6 9. Кbd2?

До недавнего времени этот ход был в числе пасынков дебютной теории, и главными продолжениями здесь были: 9. с3 и 9. Фе2 (система Пауля Кереса). Но вот на матчах на первенство мира в Багю 1978 года и Мерано 1981 года чемпион мира Анатолий Карпов не только заметной оживил здесь теоретические каноны белых, но и сумел поставить перед черными серьезные проблемы.

Следующая партия, игранная в зональном турнире СССР в Ереване 1982 года, является продолжением теоретического спора, начатого чемпионом мира в Багю.

Виталий Цешковский — Артур Юсупов: 9... Кc5 (до этого хода вариант приведен нами выше) 10. с3 d4 11. с:e6 К:e6 12. cd kc:d4 13. Ke4 Ce7 14. Ce3 Kf5.

Этот ход рассматривался как усиление обороны черных. Однако в настоящей партии В. Цешковский показывает, что и здесь у черных есть немалые тактические трудности.

15. Фc2 0—0 16. Lad1 К:e3 17. fe

Фс8 18. Kd4! К:d4 19. ed Фе6 20. Kd3

Кажется, борьба только начинается. У белых перевес в центре, но позиция упростилась, и у черных не видно уязвимых пунктов. Однако, не чувствуя опасности, они сыграли 20...f6? и после 21. Кf5 Фе? 22. Фb3! должны были остановить часы и сдать. Несложный, но элегантный финал! В позиции на диаграмме черным следовало играть 20...Лас8 или 20...Лfс8, готовая подрыть с7—с5. Как оценить эту позицию? Предлагаем читателю самому ответить на эти вопросы. Пришлите свои анализы.

Музыка
Никиты БОГОСЛОВСКОГО

Стихи
Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

МОЛОДОСТЬ ПЕСНЕЙ СТАНЕТ

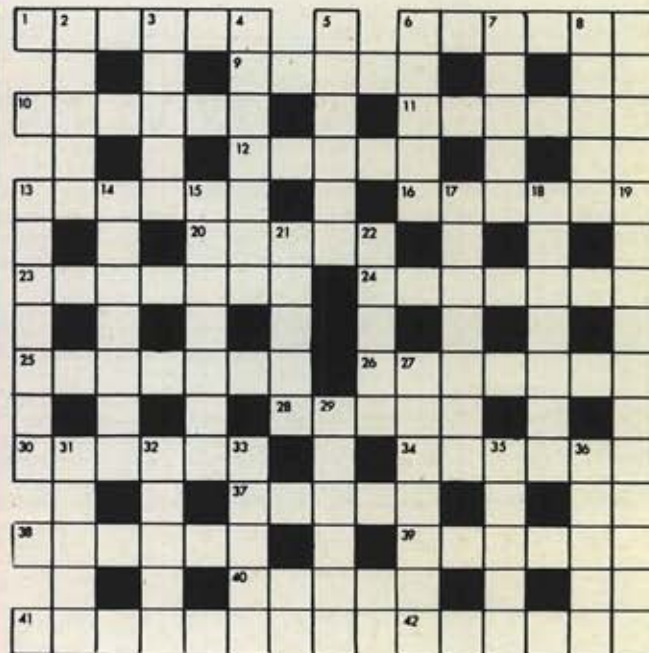
Город, что начат с колышка,
В речке — осколок солнышка,
Снег от луны голубой
Мы не забудем с тобой.

Сопки в рассветной просини,
Рельсов лучи сквозь просеки,
Сосны, летящие вверх, —
Все мы запомним навек.

ПРИПЕВ:
Пламя костров таежных,
Шорох ночей тревожных
С первой любовью
в сердцах сохраним
Время свой след оставит,
Молодость песней станет —
И от нас уйдет к другим.

ПРИПЕВ.
То, что обычным кажется,
Главным потом окажется.
Если б сначала начать!
Так бы и жили опять!

Составил М. ВАСИЛЬЕВ,
Москва

По горизонтали:

По вертикали:

1. Твердый сплав углерода с металлом. 6. Единица энергии. 9. Представитель народности, живущей в Средней Азии. 10. Одно из самых крупных деревьев в мире. 11. Сумчатое животное. 12. Древнерусское название пахара. 13. Сушеные абрикосы. 16. Закраина на конце вала, трубы. 20. Денежная сумма в счет зарплаты. 23. Денежная единица Венесуэлы. 24. Басня И. А. Крылова. 25. Писатель. 26. Русский поэт-лирик. 28. Группа пасущихся животных. 30. Город в Чехословакии. 34. Известный западногерманский футболист, чемпион мира. 37. Овощное растение. 38. Деталь некоторых музыкальных инструментов. 39. Способ построения людей в шеренгу. 40. Степная птица. 41. Старинный испанский танец. 42. Место в амбаре для зерна.

2. Бразильский писатель-коммунист. 3. Часть металлорежущего станка. 4. Лиственный лес. 5. Город в Киевской области. 6. Перемещение по воде от ветра или течения. 7. Южное плодородное дерево. 8. Приток Лены. 13. Советский космонавт. 14. Измерительный инструмент. 15. Французский художник-график XIX века. 17. Актер Ленинградского Большого драматического театра. 18. Инициатор, передовик. 19. Положение в шахматной игре. 21. Приток Куры. 22. Молодое рабочее пополнение. 27. Поделочный камень. 29. Электронная лампа. 31. Союзная республика. 32. Парусное судно. 33. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 35. Полярная заросль карликовой березы. 36. Бухгалтерский термин.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

По вертикали:

7. «Богатыри». 8. Каратаев. 10. Искусствознание. 11. Карбон. 14. Фиалка. 16. Кизильник. 17. Аксиома. 18. Биатлон. 20. Багратион. 22. Жавари. 24. Волока. 28. «Прозаседавшиеся». 29. Букантау. 30. Горохова.

1. Готика. 2. Стручок. 3. Брасс. 4. Пауза. 5. Касатик. 6. Селевк. 9. Сверло. 12. Реактив. 13. Николай. 14. Филатов. 15. Ливорно. 19. Канада. 20. Брезент. 21. Новиков. 23. Амплуа. 25. Кряквя. 26. Устав. 27. Авлос.

Конкурс юмористических рисунков

Дорогие читатели,
ждем ваших рисунков — остроумных, веселых, ироничных.
Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1982 года.

Рисунок Олега ГОЛИЛОВА
Красноярск

Рисунок Виталия ПЛОТНИКОВА,
Балашиха

КРОССВОРД

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.06.82. Подписано к печати 02.07.82. А 05126. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1811. Заказ № 2724. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ПЛАНЕТЫ

Маленький дом на тихой сочинской улице, стекающей к морю. Этот адрес хорошо известен не только любителям живописи, сюда приходят астрономы, физики, биологи, специалисты космической техники. А после того как картины Георгия Курнина побывали на выставках в Праге, Будапеште и в столицах других стран, когда их автор был удостоен первой премии на международном конкурсе «Мир завтрашнего дня», почта все чаще приносит сюда письма с иностранными штемпелями: творчество сочинского художника-фантаста оказалось близким самым разным людям.

Выпускник Ташкентского художественного училища Георгий Курнин много путешествовал и много писал. Пейзажи его были самыми земными.

В ГЛУБИНАХ ГАЛАКТИКИ.

Но вот тяжелая травма надолго приковала его к постели. И художник решительно раздвигает не только стены комнаты, но и границы Солнечной системы: возникают циклы картин, посвященные планетам голубого, желтого, зеленого, красного солнц. На полотнах Курнина в яростном кипении материи рождаются новые галактики и умирают старые звезды. И краски на этих картинах кричат, зовут, никого из зрителей не оставляя равнодушным. Не случайно летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Виталий Сева-

стьянов назвал полотна сочинского художника «космическими симфониями».

Георгий Иванович действительно вначале «слышит» будущую картину, а уже потом «переводит» родившиеся в нем звуки в цвета. Не так ли «пробовал» на слух цвета композитор Скрябин!

На полотнах Курнина не часто увидишь людей и уж совсем не встретишь космической техники. Для художника важно заглянуть в мир, который существует (или только предполагается) в даях Вселенной, понять его, показать. И все же этот фантастический мир, созданный во-

ображением художника, правдив, а порой и реален.

Свою первую картину на космическую тему, «Пейзаж Луны», Георгий Курнин написал в начале пятидесятых годов. Много лет спустя фотографии, доставленные с нашего естественного спутника, доказали реальность этого пейзажа. Подобное совпадение не было случайным: художник тщательно изучает работы по астрономии и теории межпланетных полетов, космической биологии и ракетной технике. На одном из пейзажей Венеры мы видим медленно сползающую в ложбину реку расплавленного металла, зажатую в берега из раскаленных скал. Над этой удивительной рекой висят низкие плотные об-

ЮПИТЕР.

лака, сквозь которые пробивается огромное красное солнце. Вся картина выдержана в тревожных красно-оранжевых тонах. Реальность и этого пейзажа недавно подтвердили космические аппараты, изучавшие атмосферу и поверхность «утренней звезды».

В своем творчестве художник-фантаст устремляется не только в будущее. Он находит свои темы и в прошлом. По утверждениям исторических хроник, в 1504 году в созвездии Тельца засияла очень яркая звезда. Ее голубовато-зеленый блеск лишь немногим уступал свету полной

ВЕНЕРА.

ПЕРЕВАЛ ЛУННОГО ЦИРКА.

луны. Как установили позднее ученые, эта звезда вспыхнула в центре знаменитой Крабовидной туманности. Изучив все материалы, относящиеся к этому редчайшему явлению во Вселенной, Курнин создает свое знаменитое полотно «Взрыв сверхновой звезды». На огромном полотне морской залив, из которого выступают причудливые очертания скал и фиордов. Все это залито призрачным голубым светом. Именно так, по отзывам специалистов, и могли увидеть взрыв сверхновой наши предки, люди, жившие почти тысячу лет назад.

Фантастика Георгия Курнина реальна. И все же величие и красота космических пейзажей на полотнах художника — это не цветные снимки, доставленные на Землю из межзвездных путешествий, а яркие и самобытные произведения искусства.

Анатолий БАРАНОВ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820

